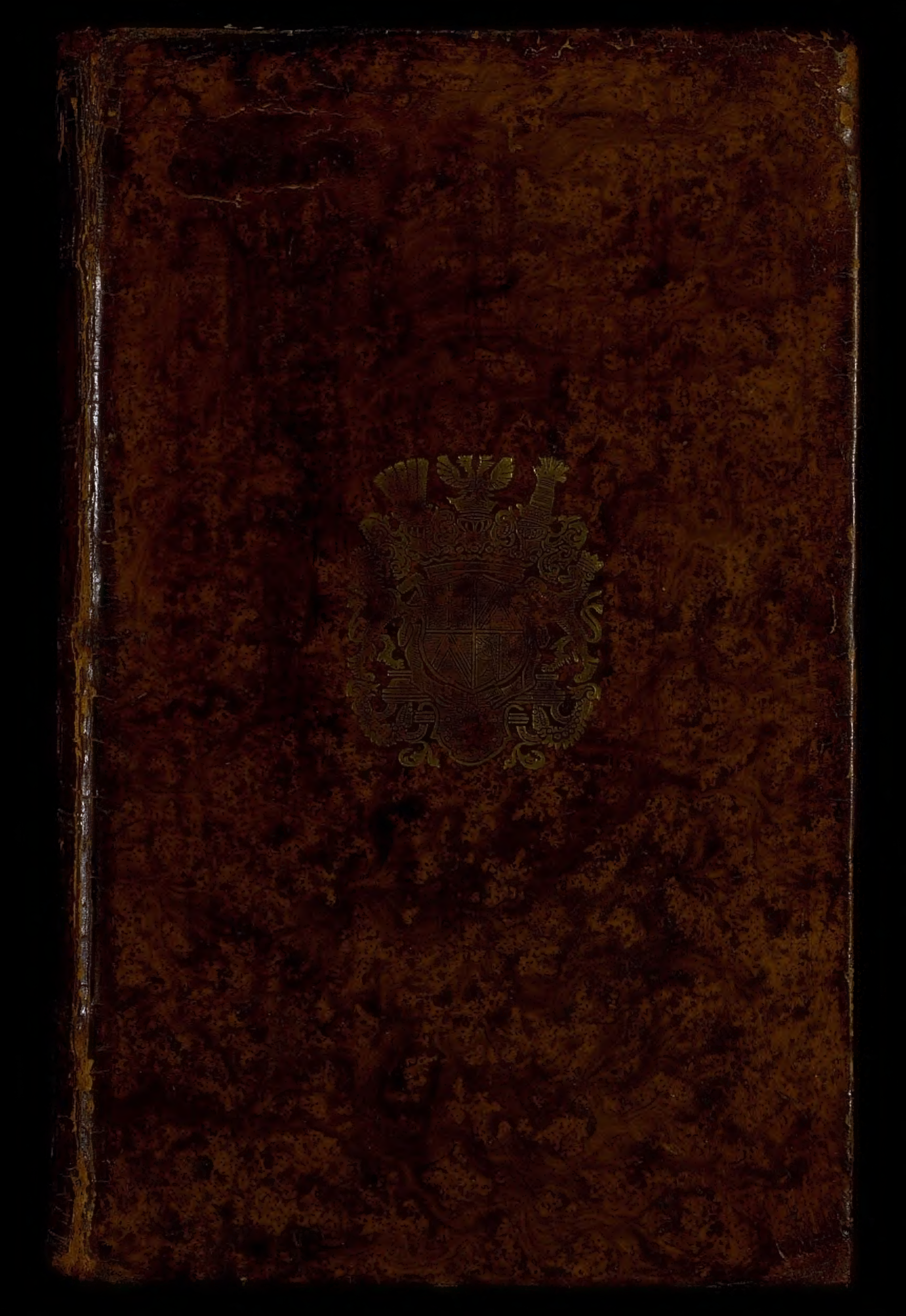
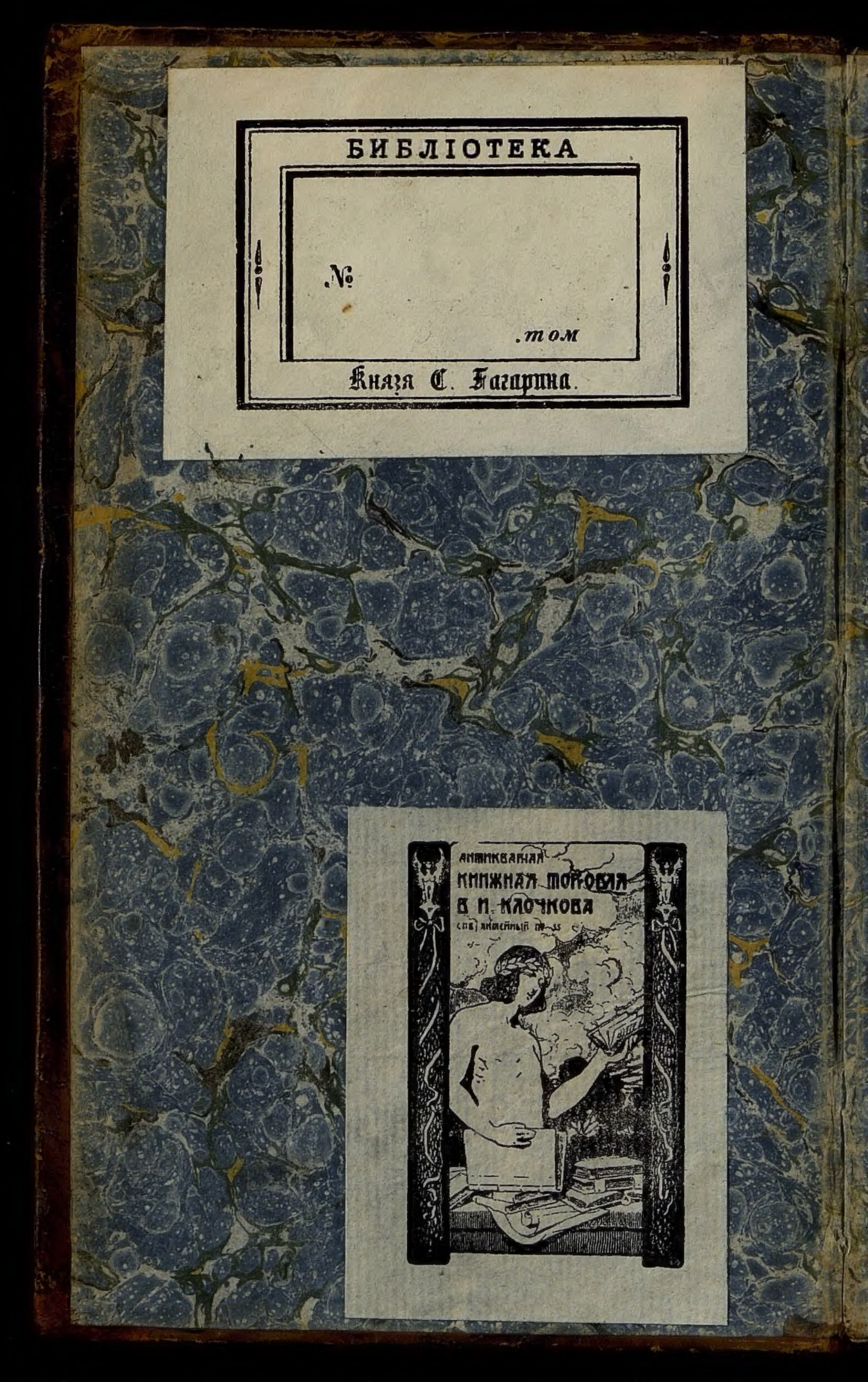
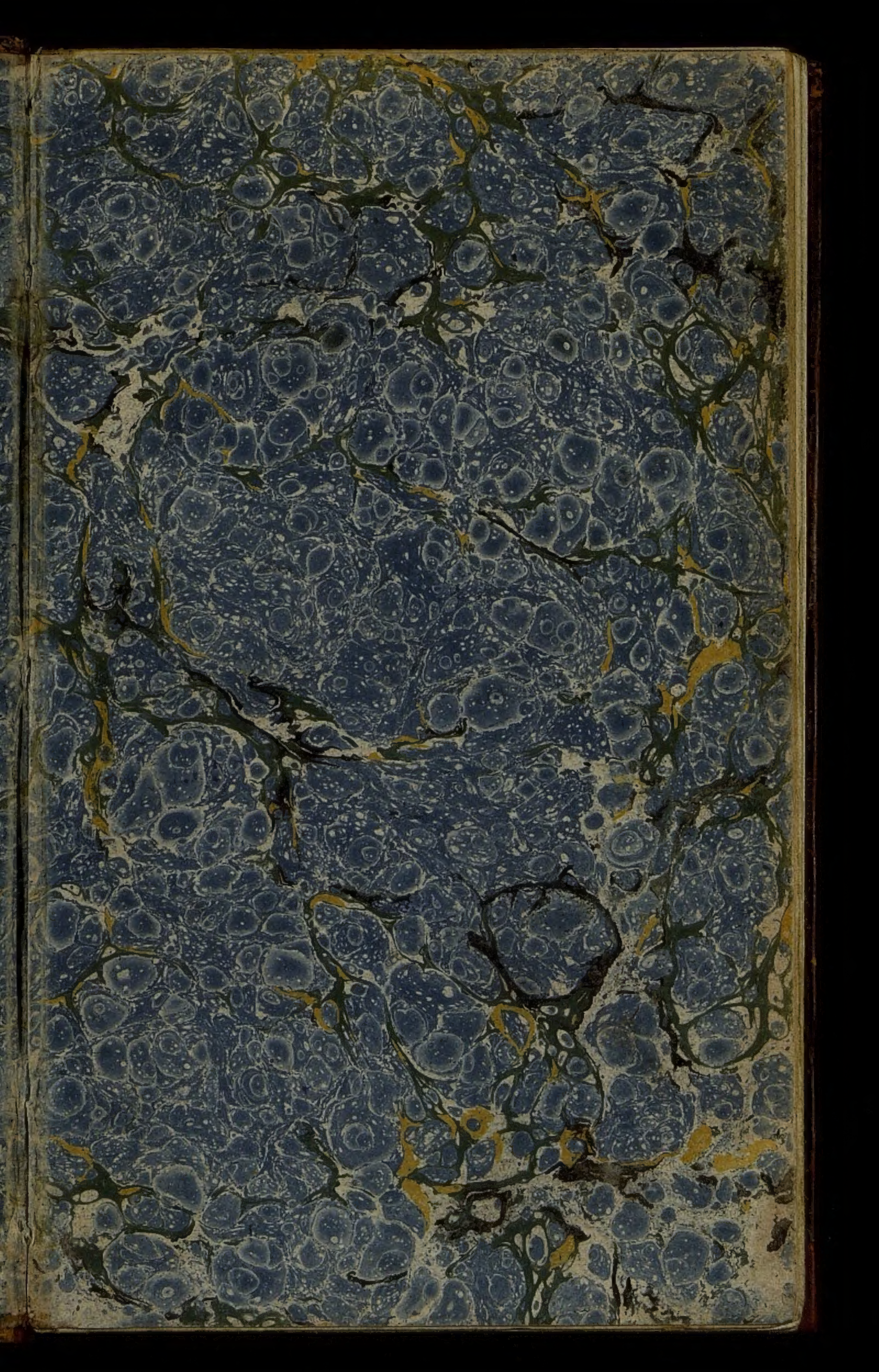



БИБЛІОТЕКА
№
.том
Князя С. Гагарина.
Антикварная
Книжная торговля
В. И. Клочкова



No: 562.

ИСТОРІЯ
ОРДЕНА
СВЯТАГО ІОАННА
ІЕРУСАЛИМСКАГО.

ЧАСТЬ III.

Напечатана
по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію.

ВЪ Санктпетербургѣ, 1800.
ВЪ Императорской Типографіи.

ИСТОРІЯ

ОРДЕНА Св. ІОАННА ІЕРУСАЛИМСКАГО.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

Фулкесъ Вилларетъ

И такъ два совсѣмъ различныя между собою происшествія — завоеваніе острова Родоса и уничтоженіе Ордена рыцарей Храма — содѣйствовали купно къ возвышенію блеска рыцарей Іоанновскихъ. Но сіе наружное приращеніе величія и богатства ослабило внутреннюю силу и достоинство Ордена. Натуральный ходъ вещей человѣческихъ тотъ, что внѣшность всегда въ спорѣ съ внутренностію. Что растетъ наружу, то ума-

Фулкесъ Вилларетъ

ляется внутри, подобно какъ водяной пузырь, чѣмъ болѣе надувается и дѣлается совнѣ великимъ, тѣмъ болѣе пустѣетъ внутри, и скорѣе изчезаетъ. Чрезмѣрное богатство Ордена породило роскошь, нѣгу и сластолюбіе между членами онаго. Молодые Кавалеры, возвращаясь изъ своихъ каравановъ, съ богатыми добычами, вмѣсто обращенія сего богатства въ казну орденскую, стали употреблять оное на игры, веселости и самыя распутства. Самъ великій Магистръ Вилларетъ не перенесъ, такъ сказать, своего счастія; прелести наслажденія очаровали твердую его душу. Ослѣпленный славою своихъ побѣдъ, онъ отдался въ руки подлыхъ ласкателей и началъ провождать жизнь праздную и бездѣйственную. — Роскошь его довела его до расточительности; а сія заставила его присвоить себѣ

Фулкесъ Вилларетъ

доходы съ упраздненныхъ Коммандорствъ: отсюда гордость, самовластіе — онъ сдѣлался недоступенъ, невнимателенъ къ жалобамъ, нерадивъ къ дѣламъ, всякія представленія и совѣты началъ почитать для себя обидными; и братья его сперва на него негодовали, потомъ его возненавидѣли.

Старшіе изъ Кавалеровъ, которые не привыкли видѣть въ своемъ великомъ Магистрѣ гордаго деспота, формально позвали его на судъ предъ Орденъ. Вилларетъ отвѣтствовалъ имъ на то презрѣніемъ, и тѣмъ увеличилъ всеобщее неудовольствіе, которое возрасло наконецъ до того, что онъ принужденъ былъ уйти изъ города въ замокъ Линдо; а Кавалеры, по удаленіи его, отрѣшивъ его, возвели на его мѣсто *Мавриція де Паньяка*, стараго Коммандора, строгаго, набожнаго и до крайности суроваго брата.

Фулкесъ Вилларешъ

О семъ раздѣленіи Ордена донесено было Папѣ. Папа тотчасъ отправилъ въ Родосъ двухъ своихъ Комисаровъ, которые отняли власть у обоихъ великихъ Магистровъ, повелѣвъ имъ явиться немедленно предъ самаго Папу; а Кавалерамъ объявили, что до рѣшенія сего спорнаго дѣла, Папа, какъ глава Ордена, препоручаетъ правленіе брату *Герарду де Пенв* въ качествѣ намѣстника, или поручика великаго Магистра. Всѣ Вилларетовы сокровища были описаны, запечатаны и отданы въ казначейство орденское на сохраненіе.

По сему Папскому указу оба соперника пустились въ путь. Прежняя слава Вилларетова вездѣ находила ему доброжелателей; гдѣ онъ ни проѣжжалъ, вездѣ принимаемъ былъ съ отмѣннымъ уваженіемъ: напротивъ того Паньяку не оказывали почти никакого вниманія, и взирали

Фулкесъ Виллареттъ

на него какъ на бунтовщика, какъ на возмутителя, какъ на нарушителя общественнаго покоя. Паньякъ скоро то примѣтилъ; и хотя Папа часто давалъ обоимъ имъ и приватныя и публичныя аудіенціи: но очевидное предпочтеніе ему соперника, стыдъ сего уничиженія, и горестная мысль о торжествѣ его непріятеля, когда споръ ихъ рѣшится въ пользу сего послѣдняго, погрузили его въ такую глубокую печаль, что онъ скоро потомъ отъ нея умеръ.

Смерть его развязала руки Папѣ, и онъ утвердилъ Виллярета въ прежнемъ его достоинствѣ: но чтобы не огорчить во́-все и противной стороны, и не побудить недовольныхъ къ новому возмущенію, условился тайно съ Вилларетомъ, чтобы онъ самъ чрезъ нѣсколько времени сложилъ съ себя свое званіе, въ замѣну кото-

Фулкесъ Вилларетъ

раго обѣщалъ ему лучшее Пріорство въ Европѣ; и Фулкесъ исполнилъ въ точности сіе условіе, и дѣйствительно получилъ въ награду Пріорство: но спустя послѣ того четыре года также умеръ.

Между тѣмъ какъ Орденъ обуреваемъ былъ сими внутренними раздорами, *Орканъ*, или *Урханъ Гази*, сынъ и наслѣдникъ Оттомана, предпріялъ возпользоваться симъ случаемъ для изгнанія Кавалеровъ изъ Родоса. Близость Каріи, одной изъ его провинцій, отдѣлявшейся отъ Родоса только узкимъ проливомъ, доставляла ему удобство къ сему предпріятію, въ успѣхѣ котораго онъ такъ былъ увѣренъ, что набралъ даже колонію изъ Магометанъ, Турковъ, Араповъ и Сарацинъ для поселенія на островѣ, по изгнаніи Родосскихъ

1321. Кавалеровъ. Завоевавъ на пути своемъ островъ Эпископію, онъ

высадилъ на оный всѣхъ стариковъ, женщинъ и дѣтей изъ сей своей колоніи; а съ прочими пошелъ прямо къ Родосу. Фулкесъ Вилларетъ

Герардъ де Пень, тогдашній намѣстный Великій Магистръ, или Правитель Ордена, не счелъ за полезное ждать непріятеля въ стѣнахъ города, и разсудилъ лучше предупредить его самъ, хотя большая часть кораблей и галеръ Орденскихъ были въ отсутствіи и въ разъѣздахъ противъ морскихъ разбойниковъ, такъ что въ гавани Родосской оставалось не болѣе четырехъ галеръ съ нѣсколькими фрегатами и купеческими судами. Присоединя къ онымъ шесть галеръ Генуэзскихъ, вошедшихъ тогда въ Родосскую гавань, и взявъ всѣхъ своихъ кавалеровъ, солдатъ и даже всѣхъ жителей, которые могли носить оружіе, онъ съ сею небольшою силою пошелъ на

Фулкесъ Вилларетъ

встрѣчу непріятелю, и самъ напалъ на него. Благоразуміе предводителя, храбрость бывшихъ съ нимъ воиновъ и опытность искусныхъ мореходцовъ доставили слабѣйшей сторонѣ рѣшительный перевѣсъ надъ превосходнымъ Турецкимъ флотомъ, котораго часть была потоплена, часть взята въ полонъ, а остальная прогнана и разсѣяна.

Тотчасъ послѣ сей побѣды Герардъ пошелъ съ галерами своими въ Эпископію и весь дессантъ Оркановъ взялъ и разпродалъ въ невольники въ другія земли, дабы симъ строгимъ поступкомъ истребить навсегда въ Туркахъ охоту къ подобнымъ предпріятіямъ.

Сіе славное пораженіе не только освободило Родосскихъ Кавалеровъ отъ сего страшнаго непріятеля, но навело страхъ и на всѣхъ прочихъ. Никто уже не смѣлъ отваживаться на подобное покуше-

ніе, и ОрденЪ вкусилЪ наконецЪ сладкій мирЪ.

По отреченіи ВиллареповомЪ, Папа созвалЪ всѣхЪ ПріоровЪ и КавалеровЪ, при дворѣ его и вЪ ближайшихЪ провинціяхЪ находившихся, вЪ АвиньіонЪ. Собраніе было не только при дворѣ ПапскомЪ, но и вЪ самомЪ дворцѣ его; и потому неудивительно, что покровительство Папы доставило сіе достоинство *Геліону Вильніову*, любимцу его. Геліонъ Вильніовъ

Сей великій МагистрЪ, будучи наперсникомЪ такого сильнаго властителя, каковЪ былЪ вЪ тѣ времена Папа, не скоро захотѣлЪ оставить дворЪ его, и пробылЪ при ономЪ еще четыре года. СимЪ временемЪ созвалЪ онЪ генеральный капитулЪ вЪ Монпелье для разсужденія о вкравшихся вЪ ОрденЪ злоупотребленіяхЪ; и вЪ семЪ то капитулѣ узаконено было, чтобы 1323.

Гелїонъ Вильнiовъ

каждый членъ проживалъ срочные годы въ резиденцiи Ордена, и выслуживалъ нѣсколько каравановъ на судахъ орденскихъ; и на семъ только условiи могъ бы признанъ быть способнымъ къ повышенiю въ разныя достоинства орденскiя. Въ семъже капитулѣ опредѣлено было, чтобы Совѣтъ составляли восемь Бальи Конвентуальныхъ; а главою и Президентомъ онаго былъ великiй Магистръ; каждый Бальи, или *Столпъ* (Pillier) Совѣта, какъ-то ихъ понынѣ называютъ, имѣлъ бы одинъ голосъ: великiй же Магистръ два. — Полагаютъ также, что въ семъже капитулѣ раздѣленъ Орденъ на разные языки, или нацiи, и каждому языку присвоены особыя званiя, или должности. Также постановлено было, чтобы великiе Магистры въ каждыя десять лѣтъ могли жаловать только два праздныя Комман-

дорства вЪ каждомЪ Пріорствѣ по своей волѣ, кому хотѣли; впрочемЪ наблюдали бы между Кавалерами старшинство, которое отнынѣ установлялось непремѣннымЪ закономЪ; каждому же Пріору дано было право вЪ пять лѣтЪ назначить на одно упразднившееся Коммандорство его Пріорства Коммандора по своему выбору, только бы назначаемый имѣлЪ нужныя кЪ тому достоинства и не долженЪ былЪ Ордену.

Гелїонъ Вильніовъ

По закрытіи сего капитула великій МагистрЪ поѣхалЪ вЪ Марсель, дабы отправиться оттуда вЪ РодосЪ: но болѣзнь продержала его здѣсь еще два года, такЪ что онЪ прибылЪ вЪ РодосЪ уже около 1332 года. По пріѣздѣ сюда онЪ обЪѣхалЪ островЪ, осмотрѣлЪ укрѣпленія, исправилЪ поврежденныя и заложилЪ новыя, умножилЪ вЪ городѣ гарнизонЪ и содержалЪ оный

на своемъ иждивеніи. Присутствіе великаго Магистра оживило жителей Родосскихъ, и возвратило многихъ удалившихся Кавалеровъ. Могущество Ордена возрасло примѣтно. Сверьхъ орденскихъ эскадръ знатнѣйшіе Коммандоры вооружили собственныя галеры, и крестовый флагъ скоро возвратилъ себѣ прежнее свое владычество на моряхъ. Морскіе разбойники скрылись, берега Кипра и малой Арменіи очистились и кораблеплаваніе сдѣлалось безопаснымъ.

Обезопасивъ такимъ образомъ Родосъ съ сей стороны, Геліонъ не позабылъ и другой цѣли Ордена, а именно: попеченія о бѣдныхъ и больныхъ. Распоряженіями его снова открылось удобное и спокойное для нихъ прибѣжище въ больницахъ орденскихъ; и о семъ великомъ Магистрѣ можно сказать: что во все время его управленія

онѣ точно исполнялѣ должность званія своего, яко *Стражѣ*, или *Попечитель бѣдныхѣ* (Guardien des pauvres). Гелïонѣ Вильнïовѣ

Такимѣ образомѣ дѣятельностію одного человѣка возстановлено паки величіе Ордена. Непріятели, приведенные вѣ страхѣ его вооруженіями, оставили берега Родоса и сосѣдственныхѣ островов, и всѣ окрестныя страны благословляли Орденѣ за его покровительство.

Но сія безопасность скоро обратилась вѣ безпечность, спокойствіе вѣ бездѣйственность. Кавалеры, подѣ предлогомѣ тѣмѣ, что вѣ мирное время нѣтѣ нужды вѣ пребываніи ихѣ на островѣ, стали удаляться изѣ Родоса и искали такихѣ мѣстѣ, гдѣ бы поступки ихѣ не были подѣ присмотромѣ и гдѣ бы они могли свободно предаваться всякимѣ удоволь-

Телїонъ Вильніовъ

ствіямъ жизни. Коммандоры разныхъ провинцій Европейскихъ, а особливо сѣверныхъ, чтобы удержать у себя доходы и респонсіи, принадлежавшія Ордену, во́-все почти прервали сообщеніе съ резиденціею, и поступали съ Коммандорствами какъ съ собственнымъ имѣніемъ. Хлѣбъ, коимъ долженствовали они прокормлять бѣдныхъ, обращали они на содержаніе безчисленнаго множества слугъ, коими домы ихъ наполнились; а деньги, опредѣленныя на вооруженія, разточали на свои забавы.

Такое несходственное съ цѣлію Ордена поведеніе Кавалеровъ возбудило всеобщее негодованіе. Отвсюду приходили къ Папѣ жалобы, и вездѣ кричали, что богатство, перешедшее къ Іоанновскимъ рыцарямъ съ уничтоженіемъ Ордена рыцарей Храма, очевидно послужило

Гелїонъ Вильнїовъ

къ развращенію токмо ихъ нравовъ, къ небреженію ихъ о должностяхъ своихъ, къ разслабленію духа и къ постыдному распутству; доказывали тѣмъ, что, съ истребленіемъ того уничтоженнаго ордена, Родосскіе Кавалеры лишились сильной пружины прежней ихъ дѣятельности, заключавшейся во взаимномъ соревнованіи; предлагали отобрать у нихъ сіе излишнее имущество, и изъ развалинъ прежняго Ордена Храма составить новый орденъ, дабы тѣмъ вновь возбудить соревнованіе въ Іоанновскихъ братьяхъ и обратить ихъ къ прежней, съ цѣлію ихъ учрежденія сообразнѣйшей, умѣренности, которая единственно была причиною порядка, добронравія и тѣхъ великихъ дѣлъ, коими отличились древніе рыцари.

Венедиктъ XII. наслѣдовавшій Папскую Тіару послѣ Іоанна XXII. вздумалъ пробудить рыцарей отъ

Гелїонъ Вильпїовъ

сей усыпительной безпечности предпріятіемъ новой войны, къ которой увеличивающаяся сила Турковъ подавала ему благовидный предлогъ. Но смерть его остановила исполненіе его плана и предоставила довершить оный преемнику его Клименту VI.

Грабительство и набѣги Африканскихъ морскихъ разбойниковъ, въ Архипелагѣ и при берегахъ Кипра и Кандіи, вскорѣ подали новый поводъ къ всеобщему ропоту на Родосскихъ Кавалеровъ. Климентъ послалъ къ великому Магистру грамату, наполненную жестокими укоризнами: при чемъ Святый Отецъ, изъявя въ оной намѣреніе свое выслать въ море большой флотъ, собравъ оный отъ разныхъ Христіянскихъ Государей, требовалъ, чтобы и Орденъ вооружилъ шесть галеръ. Безпрекословное повиновеніе было един-

ственнымЪ отвѣтомЪ великаго Магистра; и КлиментЪ, вооружа самЪ четыре галеры, прислалЪ ихЪ вЪ соединеніе кЪ шести орденскимЪ. Сіи десять галерЪ, вмѣстѣ сЪ судами, присланными отЪ Короля Кипрскаго и отЪ республики Венеціянской, составили довольно знатный флотЪ, который подЪ начальствомЪ Генуэзскаго Капитана Джингаррія, и подЪ главнымЪ предводительствомЪ Папскаго Легата, Генриха, титулярнаго Патріарха Константинопольскаго, вышелЪ вЪ море. Но корыстолюбіе Адмирала, у котораго цѣлію были торговые барыши, а не война; — по чему онЪ запасся множествомЪ разныхЪ товаровЪ, которые разпродать старался — и властолюбіе Папскаго Легата, который и вЪ дѣлѣ ему неизвѣстномЪ не хотѣлЪ подчиняться другому, продержали сей флотЪ Гелїонъ Вильнѣовъ

Гелїонъ Вильнїовъ

все лѣто въ бездѣйствіи. Огорченные тѣмъ союзники избрали въ слѣдующій годъ Адмираломъ начальника орденскихъ галеръ Іоанна Біандра, подъ предводительствомъ котораго тотчасъ предпринята была осада Смирны, обыкновеннаго убѣжища Турецкихъ морскихъ грабителей; и сіе предпріятіе увѣнчано было завоеваніемъ ея.

Но Турки не хотѣли такъ дешево уступить сей городъ, и въ слѣдующій годъ сами осадили Смирну у Христіянъ: но по трехмѣсячной безплодной осадѣ принуждены были оставить свое покушеніе. Между тѣмъ чего не могла пріобрѣсть имъ вооруженная сила, то доставила имъ хитрость предводителя ихъ Морбассана. Отступленіе его было для Христіянъ торжествомъ; радость ихъ объ ономъ родила въ нихъ безпечность; и хитрый Морбассанъ, предвидѣ-

вшій то заранѣе, и вмѣсто прямаго удаленія скрывшійся только за ближнія горы, вдругъ появился паки, напалъ нечаянно на Христіянъ, произвелъ страшное между ними пораженіе, и принудилъ ихъ бѣжать и запереться въ крѣпость. Геліонъ Вильніовъ

Печальная вѣсть о семъ несчастіи возбудила участіе во всемъ Христіянствѣ Европейскомъ. Папа, изъ отеческаго попеченія о вѣрующихъ своихъ чадахъ, или болѣе изъ страха, видя умножающуюся силу невѣрныхъ, провозгласилъ новый крестовый походъ, слѣдствія котораго были однакожъ маловажны по причинѣ неспособности избраннаго Папою предводителемъ Гумберта, Дофина Вьенскаго, и скоро за походомъ послѣдовало перемиріе.

Около сего времени умеръ достойный великій Магистръ Вильніовъ, и мѣсто его заступилъ *Богданъ Гозонъ*, (Dieu-donné de Gozon) 1346.

Богданъ Гозонъ

Кавалеръ изъ языка Прованскаго, прославившійся еще при жизни покойнаго великаго Магистра мужествомъ и храбростію своею въ такомъ случаѣ, который, по странному сходству съ повѣстями о нашихъ богатыряхъ и герояхъ всѣхъ націй, заслуживаетъ помѣщенъ быть и въ нашемъ повѣствованіи.

На островѣ Родосѣ проявилось чудовище, похожее на крокодила, на дракона, или на змѣя. Жилище его было въ норѣ при болотѣ у подощвы горы св. Стефана, въ двухъ миляхъ отъ города Родоса. Вся окружная страна трепетала сего чудовища. Овцы, лошади, скотъ, малыя дѣти и самые пастухи нерѣдко были добычею его челюстей. Многіе рыцари покушались избавить жителей отъ сего змѣя: но на немъ была такая непроницаемая кожа, которой ни стрѣла не брала, ни копье не пробивало; и всѣ вспу-

павшіе съ нимъ въ бой смѣлые витязи дѣлались жертвою его силы и лютости. Вильніовъ, щадя жизнь своихъ рыцарей, запретилъ наконецъ всѣмъ подъ смертною казнію отваживаться вступать съ нимъ въ бой: но Богданъ, не взирая на сіе запрещеніе, не утерпѣлъ, чтобы не испытать своей силы богатырской противъ чудовища. Онъ часто прихаживалъ къ пещерѣ, осматривалъ издали змѣя, и примѣтилъ наконецъ, что брюхо у него не имѣетъ такой толстой чешуи, какою покрыта была верьхняя часть его тѣла. На семъ замѣчаніи основавъ планъ своего предпріятія, ѣдетъ онъ во Францію, въ замокъ свой Гозонъ, велитъ сдѣлать чучелу, похожую на чудовище, и выкрасивъ ее такимиже красками, выучиваетъ двухъ гончихъ собакъ, при первомъ крикѣ его, бросаться тотчасъ подъ

Богданъ Гозонъ

брюхо чудовищу. Сію травлю производилъ онъ нѣсколько мѣсяцовъ ежедневно; и какъ увѣрился наконецъ, что можетъ положиться на собакъ своихъ: то возвратился назадъ въ Родосъ, и не открывая никому своего намѣренія, выходитъ ночью тайно изъ города съ двумя только вѣрными своими служителями, и пріѣхавъ къ горѣ Стефановской, входитъ въ церковь, и помолясь Богу, и поруча себя его промыслу, надѣваетъ на себя доспѣхи рыцарскіе, садится на коня своего добраго, ѣдетъ съ собаками травить змѣя чешуйчатаго —

Змѣй на лай собакъ пробужается,
Изъ норы своей поднимается,
На рыцаря храбраго разъяряется:
Изъ очей его искры сыплются,
Изъ ноздрей его валитъ дымъ столбомъ,
Изо рта пышетъ полымя;
Онъ бросается на витязя.

Витязь кидаетъ въ него копье

свое булатное — но копье отскакиваетъ прочь отъ чешуи его; — хочетъ вонзить въ него свой острый мечь — но мечь гнется и лишь тупится; — ударяетъ его палицей — но отъ размаху его

Конь подъ нимъ спотыкается,
Отъ свиста змѣинаго пужается,
Отъ страха на дыбы поднимается,
Отъ смрада его назадъ пятится,
Сшибаетъ съ себя храбраго всадника.
Змѣй на всадника бросается,
Бьетъ его хвостомъ чешуйчатымъ
И сбиваетъ его съ ногъ долой.
Онъ готовъ ужъ былъ, разинувъ пасть,
Проглотить его живьёмъ всего —
Тутъ собаки его вѣрныя
Пуще кинулись на чудище,
И подбившись ему подъ брюхо,
Рвутъ, терзаютъ и грызутъ его.

Тѣмъ временемъ Гозонъ оправляется, встаетъ, и увидя въ змѣѣ рану, прогрызенную собаками, вонзаетъ въ оную мечь свой по самую рукоять. Кровь хлынула рѣкою изъ чудовища; и оно, почувствовавъ ударъ смертоно-

Богданъ Гозонъ

сный, собравъ послѣднія силы, съ яростію бросается на рыцаря со всего розмаху, и уронивъ его своею тяжестью, падаетъ само на него, давитъ его своимъ тѣломъ и на немъ издыхаетъ. Безмѣрная тяжесть онаго едва не удушила рыцаря: но тутъ служители его, увидя змѣя издыхающа, прибѣгаютъ на помощь, и вытаскиваютъ его изъ-подъ груды тѣла змѣинаго. Поданная помощь и радость побѣды возвратили скоро силы Герою.

Быль ли мы повѣствуемъ, или сказку сказываемъ, оставляемъ судить читателю. Не одинъ Аполлонъ поражалъ Пиѳона, не одинъ Геркулесъ давилъ змѣй еще въ колыбели; много было богатырей въ древности во всѣхъ націяхъ, такъ какъ и на Руси, которые сражались съ змѣями, съ гидрами, съ драконами. Отнести ли сіе къ временамъ тѣмъ рыцарскимъ?

Богданъ Гозонъ

отнести ли сіе къ баснословію? Или преданіе разсѣяло во всѣхъ народахъ одну мысль, одну истинну, притчу, или исторію, съ нѣкоторыми перемѣнами, каждому народу свойственными? — Сей вопросъ оставляемъ мы рѣшить самому читателю. — Впрочемъ такія сказки и повѣсти во всѣхъ народахъ разсказываются; рыцарскія времена и богатырскіе подвиги у всѣхъ повѣствуются. Сказки, притчи и пословицы, изъ коихъ большая часть вездѣ одинаковы, составляютъ нравоученіе, философію и богословію простаго народа; и потому никакъ не заслуживаютъ того презрѣнія, съ какимъ объ нихъ отзываются нынѣ переученые. Когда стольким народамъ предано одно сказаніе: то сему должны быть, кажется, какія нибудь причины: или повѣствованіе такое должно заключать, въ себѣ какія нибудь

Богданъ Гозонъ

истинны. Впрочемъ, что касается до сей исторіи Дыо-донне-де-Гозона *): то и на гробѣ его вырѣзана надпись: *здѣсь лежитъ побѣдитель змѣя.* Голова сего змѣя выставлена была на городскихъ воротахъ въ память славной сей побѣды; и Г. Тевенотъ въ описаніи путешествій своихъ упоминаетъ, что онъ видѣлъ еще оную, и описываетъ, что она болѣе головы лошадиной, глаза имѣетъ большіе, зубы превеликіе, ноздри круглые, ротъ до ушей, кожу сѣроватую.

Едва дошло въ Родосъ извѣстіе о сей побѣдѣ, то половина города вышла на срѣтеніе побѣдителя. Онъ веденъ былъ въ тріумфѣ во дворецъ великаго Магистра, и радостные торжественные клики на-

*) Имя сіе *Дьіо-донне* слово въ слово значитъ *Богданъ*, а *Гозонъ* есть прозваніе отъ замка сего имени.

полняли воздухъ. Великій Магистръ принялъ его съ грознымъ видомъ, и велѣлъ торжествующей толпѣ тотчасъ отвесть нарушителя закона въ темницу. Всѣ предстоявшіе поражены были какъ громомъ симъ неожидаемымъ повелѣніемъ; просили, умоляли: но строгій судія остался непреклоннымъ, собралъ Совѣтъ и велѣлъ судить Гозона. „Повиноваться властямъ и „закону„ говорилъ онъ„ есть пер„вая должность наша: презрѣніе „оныхъ вредитъ больше Ордену, „нежели такія змѣи и чудовища „жителямъ страны сей; и потому „ни одинъ примѣръ преслушанія „не долженъ оставаться ненака„заннымъ.„ — Усильныя прозьбы всего Совѣта едва могли склонить великаго Магистра перемѣнить смертную казнь на лишеніе орденской одежды: а сіе наказаніе несчастному Гозону было жесточе

Богданъ Гозонъ

самой смерти. Принеся сію жертву правосудію, Вильніовъ возхотѣлъ потомъ наградить геройской подвигъ рыцаря. Но дабы не ослабить законной строгости, онъ научилъ главнѣйшихъ членовъ Ордена, чтобы они возобновили прозьбы свои за Гозона. Симъ посредствомъ онъ возвратилъ ему орденскую одежду, и во свидѣтельство, сколь много самъ онъ цѣнилъ его достоинства, осыпалъ его всѣми милостями. Молодой рыцарь отъ часу становился ему необходимѣе, и наконецъ возведенъ имъ былъ въ чинъ перваго полководца надъ всею орденскою арміею.

Сей-то самый Гозонъ единогласно обьявленъ былъ достойнѣйшимъ преемникомъ послѣ строгаго своего судіи. Правленіе его оправдало надежду на него братьевъ. Первое попеченіе его было пробудить усыпленный воинственный духъ въ ка-

валерахъ и прочихъ Христіянахъ. Присоединя орденскія галеры къ соединенному флоту преждепомянутыхъ Христіянскихъ Державъ, и возвратя главное начальство надъ всѣмъ симъ флотомъ храброму Біандру, онъ содѣйствовалъ чрезъ то къ завоеванію острова Эмбро, гдѣ непріятельской флотъ оставался безпечнымъ. Сто восмнатцать разныхъ судовъ и пять тысячь человѣкъ плѣнныхъ были плоды сего ополченія.

Богданъ Гозонъ

Вскорѣ за симъ рыцари нашли случай пріобрѣсть новые лавры. Арменской Царь Ливронъ призвалъ ихъ на помощь противъ Сарацинъ. Гозонъ отправилъ многочисленный флотъ въ Арменію, и одного сраженія довольно было къ совершенному разсѣянію многочисленныхъ силъ невѣрныхъ и къ освобожденію Арменскаго Царства. —

Сколь ни блистательны были

Богданъ Гозонъ

сіи успѣхи, они истощали однако казну Ордена и приводили Орденъ тѣмъ въ большее затрудненіе, что Папа первый отсталъ отъ союза, не хотя нести сопряженныхъ съ онымъ издержекъ. Возгорѣвшаяся потомъ война между Венеціею и Генуею за владычество Чернаго моря разсѣяла остатки силъ союза. Папа совѣтовалъ и Гозону заключить скорѣе миръ съ невѣрными; но Гозонъ отвѣтствовалъ Папѣ съ твердостію: что уставы Ордена возбраняютъ ему вступать въ какіе либо переговоры съ невѣрными; и что онъ потому, въ надеждѣ, что небо не оставитъ даровать ему новыхъ союзниковъ, желаетъ по крайней мѣрѣ вести войну оборонительную. А чтобъ набрать сумму на нужные расходы, потребовалъ онъ строго отъ всѣхъ Коммандоровъ, не заплатившихъ опредѣленныхъ респонсій,

Богданъ Гозонъ

чтобы они немедленно исполнили свои обязанности и поддержали бы тѣмъ честь и достоинство Ордена, а съ нимъ и всего восточнаго Христіянства.

Подобную честность оказалъ Гозонъ въ другомъ случаѣ противъ самаго Папы. Андроникъ, Императоръ Греческой, оставляя по себѣ наслѣдникомъ малолѣтнаго сына, до совершеннаго возраста его завѣщалъ правленіе Имперіи Іоанну Палеологу, родственнику своему: но сей властолюбивый вельможа объявилъ, вмѣстѣ съ малолѣтнымъ принцомъ, и себя самаго также Императоромъ; потомъ женивъ его на своей дочери, подъ видомъ сего родства, возвелъ на престолъ собственнаго сына своего третьимъ Императоромъ; и наконецъ отецъ и сынъ выгнали зятя изъ Константинополя. Но жители, оставшіеся вѣрными законному своему Госу-

Богданъ Гозонъ

дарю, возстали противъ обоихъ Палеологовъ. Іоаннъ бросился въ монастырь и постригся; а сынъ его ушелъ къ Папѣ Иннокентію VI. и склонилъ его на свою сторону такъ, что Иннокентій требовалъ отъ великаго Магистра, чтобы онъ помогъ ему къ завладѣнію Императорскимъ престоломъ. Гозонъ, видя несправедливость Папскаго требованія, отвѣчалъ: что уставы Ордена запрещаютъ ему мѣшаться въ войну между Христіянами; ибо при вступленіи въ орденъ принимаемому подавался мечь именно съ сими словами: *„Прими сей мечь, и употребляй оный „къ оборонѣ твоей и святой Божіей „церкви, и къ низложенію враговъ Креста Іисусова.„*

Постигшая старость заставила наконецъ сего славнаго героя возжелать покоя, и онъ сталъ просить Папу снять съ него его званіе.

Папа убѣдилъ его остаться еще на время въономъ и продолжать служеніе Ордену и Церкви: но пренебреженіе законовъ, усилившееся снова между рыцарями, и ослушаніе Европейскихъ Коммандоровъ, не присылавшихъ принадлежащихъ доходовъ Ордену, подкрѣпленное отчасти покровительствомъ самаго Папы и другихъ Государей, побудили сего великаго Магистра послать вторичную прозьбу объ отставкѣ: но прежде нежели получилъ онъ отъ Папы отвѣтъ на оную, смерть ускорила исполненіемъ его желанія. — Слезы всѣхъ жителей и искреннее сожалѣніе братьевъ были справедливою наградою заслугъ его. О надписи, высѣченной на гробѣ его, мы выше упомянули. 1353.

Капитулъ избралъ на мѣсто его брата *Петра Корнильяна*, или *Корнеліана*, изъ языка Прованскаго. Сей мужъ достоинъ былъ сего Петръ Корнеліанъ

Петръ Корнеліанъ

возвышенія какъ по строгости нравовъ, такъ и по непорочности своей жизни, и такой начальникъ нуженъ былъ тогда Ордену. Тотчасъ по вступленіи своемъ въ сіе званіе онъ созвалъ генеральный капитулъ въ Родосъ, предложилъ исправить многія злоупотребленія; и соглася къ тому всѣхъ братьевъ, ввелъ нужныя поправки со всею осторожностію и благоразуміемъ.

Между тѣмъ возрастающая сила Оркана, втораго повелителя Османцовъ, или Оттомановъ, устрашила Папу. Орканъ, разбивъ въ разныхъ сраженіяхъ Греческаго Императора Іоанна Палеолога, и взявъ Бурсу, Никомидію и Никею, прошелъ чрезъ Геллеспонтъ, и угрожалъ поставить престолъ свой въ Мореѣ. Сказываютъ: землетрясеніе помогло ему къ завладѣнію Галлиполемъ; и Орканъ, принявъ сіе за знакъ вышней помощи, ска-

Петръ Корнеліанъ

залъ тогда своимъ офицерамъ: *пойдемъ въ Европу, куда самъ Богъ прологаетъ намъ путь.* Устрашенный симъ Папа требовалъ, чтобы Кавалеры, оставя Родосъ, переселились въ какое либо мѣсто на твердой землѣ ближе къ Туркамъ, дабы быть оградою Европѣ, особливо Италіи, противу ихъ нападеній. Корнеліанъ отвѣчалъ: что въ дѣлѣ, толь важномъ, не можетъ онъ рѣшиться безъ генеральнаго собранія орденскаго Капитула, и что онъ не умедлитъ созвать Кавалеровъ въ Родосъ. Но Иннокентій, мало ожидая для себя отъ того пользы, предписалъ буллою собраться Капитулу въ Нимесъ, или Монпелье, гдѣ удобнѣе надѣялся достигнуть соотвѣтственнаго плану его рѣшенія. Таковымъ насиліемъ Папы Корнеліанъ приведенъ былъ въ крайнее замѣшательство. Не смѣлъ онъ возпротивиться

повелѣнію его, но не смѣлъ и при-
1355. нуждать своихъ Кавалеровъ къ исполненію онаго. Смерть на 18 мѣсяцѣ его Магистерства вывела его изъ сего затрудненія.

Рожеръ де Пенъ

Преемникомъ ему избранъ былъ братъ *Рожеръ де Пенъ*, также изъ языка Прованскаго, изъ знатнаго дому въ Лангедокѣ, родственникъ *Одона де Пеня*, двадцать третьяго великаго Магистра, и *Герарда де Пеня*, намѣстнаго великаго Магистра.

Нетерпѣніе Папы ото дня возрастало болѣе. Онъ недоволенъ уже былъ и близкимъ разстояніемъ Нимеса и Монпелье, и велѣлъ наконецъ Капитулу собраться, подъ предсѣдательствомъ новаго великаго Магистра, въ самомъ Авиньонѣ. Потомъ и здѣсь, не дождавшись прибытія большей части Капитуляровъ, составилъ самъ Капитулъ изъ нѣсколькихъ случи-

вшихся при дворѣ его кавалеровъ, отдавъ мѣсто великаго Магистра двумъ Пріорамъ Французскому и Авиньйонскому. Къ счастію Ордена могли убѣдить Иннокентія, что гораздо благоразумнѣе будетъ перевесть Родосскихъ Кавалеровъ въ Морею, гдѣ они лучше будутъ служить защитою для Христіянства, особливо для Италіи, нежели отсылать ихъ въ Палестину, гдѣ они не могутъ удержаться противъ толь страшной силы Турковъ и Сарацынъ. Сіе предложеніе понравилось Папѣ тѣмъ болѣе, что Турки, между происходившими спорами у Роберта, Принца Тарентскаго, съ Іаковомъ, Принцомъ Савойскимъ, за обладаніе Мореею, завоевывали въ оной укрѣпленныя мѣста одно за другимъ. И такъ, дабы удержать сію провинцію за Христіянами, Иннокентій предложилъ Принцу Савойскому усту-

Рожеръ де Пень

пить ее за что нибудь Родосскимъ Кавалерамъ и начать съ ними о томъ переговоры. Сіи переговоры были главнымъ предметомъ Авиньіонскаго собранія, въ продолженіе котораго Принцъ Савойской умеръ, и дѣло осталось неконченнымъ. Прочія совѣтованія сего собранія, такъ какъ и генеральнаго Капитула, собраннаго потомъ Рожеромъ въ Родосѣ, касались только до поправленія вкравшихся злоупотребленій и до нѣкоторыхъ внутреннихъ разпорядковъ въ Орденѣ. Рожеръ не долго прожилъ послѣ сего Капитула. Орденъ потерялъ въ немъ ревностнаго рачителя о строгомъ исполненіи законовъ и дисциплины: а бѣдные истиннаго попечителя и отца своего. Въ бывшую на семъ островѣ моровую язву, за которою послѣдовалъ потомъ страшный голодъ, онъ употребилъ всѣ свои доходы, раз-

продалъ серебреную свою посуду, и даже мебели, для прокормленія бѣдныхъ: чрезъ что заслужилъ наименованіе *Милостынедаятеля* (Aumonier).

Раймундъ Беренгеръ

Преемникомъ ему избралъ Орденъ брата *Раймунда Беренгера* изъ языка Прованскаго, изъ провинціи Дофине. Сей великій Магистръ ознаменовалъ правленіе свое экспедиціею противъ Египетскихъ морскихъ разбойниковъ, которые до того усилились въ тѣхъ моряхъ, что дѣлали кораблеплаваніе опаснымъ. Раймундъ предпріялъ истребить непріятельской флотъ въ самыхъ его гаваняхъ; и вооружа вмѣстѣ съ Королемъ Кипрскимъ достаточный флотъ, пошелъ самъ къ Александріи, и по жестокомъ приступѣ, овладѣлъ городомъ. Но богатая добыча была единственною наградою сего похода, стоившаго ручьевъ человѣ-

Раймундъ Беренгеръ

ческой крови; ибо побѣдители, не имѣя довольно силъ къ удержанію сего завоеванія, и услыша, что Султанъ со всѣми силами приближается къ Александріи; съ поспѣшностію оставили оную, сжегши всѣ корабли, найденные ими въ гавани. — Новыя несогласія между членами Ордена, продолжающееся неповиновеніе Коммандоровъ въ доставленіи респонсій, и другіе безпорядки побудили наконецъ сего великаго Магистра просить у Папы Григорія XI. позволенія сложить съ себя свое званіе. Папа не далъ на то своего согласія: а въ удовлетвореніе великому Магистру созвалъ Коммандоровъ въ Авиньонъ, и старался изъискать способы къ примиренію его съ ними. Беренгеръ съ радостію согласился на предложенныя къ тому мѣры: но смерть возпрепятствовала ему увидѣть исполненіе оныхъ.

Робертъ Жюлїакъ, преемникъ его, избранный заочно, въ бытность его въ отлучкѣ во Франціи, тотчасъ по вступленіи своемъ въ сіе достоинство получилъ препорученіе отъ Папы принять на себя защиту Смирны. Тщетно великій Магистръ представлялъ ему невозможность удержать надолго крѣпость, такъ далеко лежащую въ землѣ непріятельской; Папа оставался упорнымъ въ своемъ требованіи, зная, что безъ помощи Ордена онъ не можетъ сохранить сію крѣпость въ рукахъ Христіянскихъ. Дабы прикрыть сіи честолюбивые виды благовиднымъ предлогомъ, онъ подарилъ Смирну въ собственность Ордену и опредѣлилъ отъ себя по 1000 ливровъ въ годъ на содержаніе тамо гарнизона. Сколь ни мало обѣщали себѣ рыцари отъ сего предпріятія, однакожъ повиновались

Робертъ Жюлїакъ

Робертъ Жюліакъ

сему повелѣнію Папы; и нашлись и такіе, которые сами вызвались на сіе предпріятіе, въ коемъ великость опасности тѣмъ большею ласкала ихъ славою.

Чрезвычайныя военныя пріуготовленія Амурата I, втораго сына и наслѣдника Орканова, возбудили вниманіе великаго Магистра. Опасаясь, чтобы не только Смирна, но и самый Родосъ не учинился цѣлію сихъ вооруженій, Жюліакъ немедленно увѣдомилъ о сей опасности Папу, и просилъ неотступно его о подкрѣпленіи. Григорій созвалъ въ Авиньйонъ знатнѣйшихъ
1375. Коммандоровъ; и собраніе ихъ кончилось тѣмъ, что положено было отправить въ Родосъ, какъ возможно скорѣе, 500 рыцарей и столькоже служащихъ братьевъ. По счастію, вооруженія Турковъ обратились на Сербію и Булгарію. — Жюліакъ правилъ Магистерствомъ

только два года, и во все сіе время, по причинѣ продолжавшихся въ Орденѣ неустройствъ, почиталъ оное для себя тяжкимъ бременемъ.

По смерти его избранъ былъ въ великіе Магистры къ удивленію всѣхъ *Фердинандъ Гередія*, любимецъ Папской, человѣкъ, котораго честолюбіе много причинило зла пользамъ Ордена при дворѣ Папскомъ.

Фердинандъ Гередія

1376.

Сей Гередія былъ родомъ Испанецъ, изъ знатнаго дому въ Аррагоніи. Будучи вторый сынъ, и не могши наслѣдовать отцовскаго имѣнія при старшемъ братѣ, онъ вступилъ въ Орденъ еще при В. Магистрѣ Вильніовѣ, и храбростію и благоразумными поступками заслужилъ такое уваженіе къ себѣ отъ своихъ начальниковъ, что возходя изъ степени въ степень, достигъ наконецъ знатнѣйшихъ Ком-

Фердинандъ Гередія

мандорствѣ и первѣйшихъ должностей въ Орденѣ.

Случившійся споръ у Ордена съ самимъ Папою о Пріорствѣ Каталонскомъ, которое слѣдовало по старшинству одному Кавалеру и которое Папа Климентъ отдалъ другому, и симъ деспотическимъ своимъ разпоряженіемъ нарушилъ права Ордена, побудилъ великаго Магистра отправить нарочное посольство для исходатайствованія у Папы перемѣны такого его опредѣленія. — Дѣло было трудное: надлежало сохранить права Ордена и не разсердить Папу: одна хитрая политика могла произвесть сіе съ успѣхомъ; и сія-то негоціація поручена была Гередіѣ, который нашелъ въ оной ключь къ своему счастію. Онъ сдѣлался любимцемъ Климента, и довелъ его наконецъ до того, что Папа отдалъ ему самому то спорное Пріор-

ство. Съ удивленіемъ и негодо- ваніемъ услышали Кавалеры въ Родосѣ, что посолъ ихъ, имѣвшій цѣлію возпрепятствовать своевольному разпоряженію Папы, возпользовался самъ его самовластіемъ для своей выгоды. Гередія послѣ сего не захотѣлъ уже возвратиться въ Родосъ, а остался въ Авиньонѣ, и скоро умѣлъ сдѣлаться необходимымъ Папѣ.

Фердинандъ Гередія

Происшедшія несогласія между Филиппомъ, Королемъ Французскимъ, и Эдуардомъ, Королемъ Англинскимъ, побудили Климента войти въ посредничество между сими Государями; и сіе посредничество возложено было на Гередію съ полною мочью. Не успѣвши въ планахъ своихъ въ Лондонѣ, Гередія, объявя гордо о томъ неудовольствіе свое Эдуарду, отправился въ армію Короля Французскаго, и въ несчастное сраженіе

Фердинандъ Гередія

при Креси самъ сражался противъ Англичанъ и пособствовалъ побѣгу Филиппову. О семъ поступкѣ въ Англинскомъ лагерѣ разсуждаемо было весьма предосудительно для чести посланничей; говорили, что онъ, яко папской нунціусъ, не могъ взять сторону Французовъ, не наруша народнаго права. Гордый Гередія, услыша о сихъ толкахъ, послалъ въ станъ непріятельской герольда съ требованіемъ публичнаго удовлетворенія за сіе поношеніе его чести и оскорбленіе сана его; и Эдуардъ принужденъ былъ объявить, что Гередія, дѣйствуя по препорученію Папы, оправдывается тѣмъ во всемъ своемъ поведеніи. —

Гередія снова потомъ вошелъ въ переговоры и заключилъ между сими двумя Монархами перемиріе на годъ. По возвращеніи въ Авиньонъ былъ онъ принятъ Папою со всѣми

знаками почести и удовольствія. По смерти Климента, при вступленіи на папство Иннокентія VI, насталъ новый періодъ счастія для Гередіи, которому сей Папа, бывши въ Кардиналахъ, считался великимъ другомъ. Иннокентій сдѣлалъ его своимъ Министромъ, Губернаторомъ Авиньона и Графства Венесенскаго, и ежедневно осыпалъ его новыми милостями. Все было въ рукахъ Гередіи, или все шло чрезъ его руки; сильнѣйшіе Государи искали его дружбы, и онъ легко нажилъ себѣ безмѣрное богатство. Пресыщенный счастіемъ, Гередія не довольствовался уже честію перваго Папскаго любимца; ему наскучило зависѣть отъ милости Государей, и онъ сталъ искать независимости, въ которой бы могъ наконецъ насладиться плодами своей дѣятельности; и сіе успокоеніе находилъ

Фердинандъ Гередія

Фердинандъ Гередія

онъ себѣ въ достоинствѣ великаго Магистра. И сей планъ удался ему также счастливо. Имѣя друзей въ Авиньонѣ и имѣя большую часть Европейскихъ Государей на своей сторонѣ, онъ умѣлъ привесть орденской Капитулъ въ нѣкоторый родъ необходимости избрать на мѣсто Жюліака его.

Гередія, по избраніи его Капитуломъ, захотѣлъ явиться въ Родосѣ въ такомъ блескѣ, который бы оправдалъ падшій на него жребій; и такъ онъ вооружилъ на собственное иждивеніе девять галеръ со многими другими судами. Набравъ на оныя матросовъ и солдатъ на свое жалованье, онъ готовился пуститься въ путь, какъ Папа Григорій XI, вступившій на папство по смерти Иннокентія, упросилъ его отсрочить свой отъѣздъ и помочь ему флотомъ своимъ въ исполненіи важнаго, давно

замышляемаго имЪ плана.

Фердинандъ Гередія

СемьдесятЪ лѣтЪ прошло, какЪ Папской престолЪ, по причинѣ возставшихЪ вЪ Италіи волненій, пребывалЪ вЪ Авиньйонѣ. РимЪ, толь блистательная прежде столица духовнаго властителя, превратился чрезЪ то вЪ скучный и неважный городЪ. ПриливЪ разныхЪ народовЪ, стекавшихся туда кЪ ПапамЪ, прекратился; а сЪ онымЪ изсякли и источники богатства, притекавшаго вЪ РимЪ изЪ всѣхЪ странЪ Европы. Лишеніе сихЪ выгодЪ угнѣтало состояніе РимлянЪ отчасу болѣе, такЪ что наконецЪ они отправили тайно пословЪ кЪ Григорію XI, прося его возвратиться вЪ РимЪ, и обѣщая ему совершенное повиновеніе и ненарушимую вѣрность. Св. Екатерина Сіенская была посредницею сего мира, и ходатайство ея у святаго отца не было безЪ дѣйствія. Но болѣе

Фердинандъ Герeдія

всего утвердило Папу въ семъ намѣреніи полученное имъ изъ Рима отъ Кардинала, вице-Регента своего, извѣстіе, что Римляне, въ случаѣ его нерѣшимости, вознамѣрились возвесть на папской престолъ другаго. Одно скорое возвращеніе въ Италію могло отвратить сію угрожавшую бурю, и Григорій не сталъ болѣе медлить. Никакія представленія родственниковъ, Кардиналовъ, и самаго Императора Карла IV, который собственноручнымъ письмомъ старался отвратить его отъ сего предпріятія, не могли удержать его отъ того. Григорій съ поспѣшностію оставилъ Авиньонъ, пріѣхалъ въ Марсель, и оттуда на галерахъ, снаряженныхъ Герeдіею, отправился въ Римъ: гдѣ принятъ былъ съ радостными кликами отъ народа, и признанъ властителемъ всея Римскія области.

Отвезши Папу и утвердивъ его на престолѣ, Гередія отправился въ Родосъ, гдѣ съ нетерпѣніемъ ожидали его прибытія. Но на пути, при берегахъ Мореи, встрѣтился онъ съ Венеціянскимъ флотомъ, намѣревавшимся тогда возвратить себѣ городъ Патрасъ, отнятый у республики Турками. Венеціянской Адмиралъ, знавшій по всеобщей молвѣ о храбрости и высокихъ дарованіяхъ Гередіи, упросилъ его помочь ему въ его предпріятіи; и оба флота соединились и высадили войски на берегъ. Турецкой Комендантъ, по приближеніи ихъ, удалился въ крѣпость со всѣмъ гарнизономъ. Мужество осажденныхъ долго затрудняло дѣйствія соединенныхъ войскъ. Наконецъ удалось осаждающимъ сдѣлать проломъ въ стѣнѣ, и Гередія первый вошелъ въ городъ. Не смотря, слѣдуетъ ли кто за нимъ,

Фердинандъ Гередія

Фердинандъ Героліа

или нѣтъ, онъ бросается впередъ, встрѣчается съ Комендантомъ, и между ними начинается родъ поединка, на которомъ Геродія поражаетъ своего соперника и отсѣкаетъ ему голову; и такимъ образомъ заставляетъ крѣпость сдаться.

Ободренный симъ успѣхомъ, предпріемлетъ онъ завоевать всю Морею, и во первыхъ осаждаетъ Коринѳъ; но вышедши подъ малымъ прикрытіемъ для рекогносцированія непріятеля, встрѣтился онъ съ многочисленнымъ корпусомъ и попался въ плѣнъ. Три великіе Пріора, сопровождавшіе сего великаго Магистра, тщетно дѣлали всякія покушенія для искупленія его. Возвращеніе Патраса, которое предложили они во первыхъ, съ согласія Венеціянскаго Генерала, за выкупъ его, Турками было не принято. „Сей „городъ, отвѣчали они, вскорѣ и

„безъ того, будетъ обратно нашъ.„ Фердинандъ Гередія

Второе предложеніе, состоявшее въ большой выкупной суммѣ, до заплаты которой три великіе Пріора отдавали самихъ себя заложниками, самъ Гередія отвергнулъ. „Жизнь „ваша„ говорилъ онъ, когда они со слезами просили его согласиться на сіе ихъ пожертвованіе „гораз„до важнѣе жизни старика, ко„торому немного уже прожить „осталось. Естьли должно запла„тить за меня такой большой вы„купъ: то пусть заплатитъ его „моя фамилія, которой столько „сдѣлалъ я добра.„ — И такъ вмѣсто того, чтобы явиться въ новомъ своемъ званіи въ Родосѣ, Гередія увидѣлъ себя заточеннымъ въ горы Албанскія, куда отведенъ былъ Турками, и гдѣ провелъ онъ цѣлые три года въ жестокомъ заключеніи.

Фердинандъ Гередія

Между тѣмъ въ Католической церкви произошелъ раздоръ, продолжавшійся болѣе пятидесяти лѣтъ, о которомъ и мы здѣсь упомянемъ, потому что и орденъ принималъ участіе въ ономъ. По кончинѣ Григорія XI, Римляне, опасаясь, чтобы новый Папа не основалъ паки своей столицы въ Авиньонѣ, приняли всѣ мѣры, чтобы Папою избранъ былъ природный Римлянинъ, или по крайней мѣрѣ Италіянецъ. Какъ скоро извѣстіе о смерти Григорія распространилось по городу: то мятежники тотчасъ приставили караулы ко всѣмъ городскимъ воротамъ, дабы не выпускать изъ Рима ни одного Кардинала, и дабы Конклавъ оставался въ ихъ власти; грозя Кардиналамъ смертію, естьли не дадутъ имъ Папу Италіянца. Кардиналы должны были покориться волѣ разъяреннаго на-

рода: но прежде нежели присту- Фердинандъ Гередія
пили къ выбору, всѣ, не исключая и самихъ Италіянскихъ, издали отъ себя торжественное объявленіе, нотаріусами засвидѣтельствованное, что сіе невольное, очевидною опасностію жизни вынужденное у нихъ избраніе не есть дѣйствительное; и что соколь скоро придутъ они въ состояніе безопасности, то предпримутъ новый, болѣе каноническій, выборъ. Утвердивъ сіе свое объявленіе, назначили они на сей разъ Папою Архіепископа Барскаго Вартелемія Пиньяно, Неаполитанца. Сей прелатъ, хотя самъ участвовалъ въ сдѣланномъ Кардиналами предварительномъ протестѣ противъ сего избранія Папы, бывъ однакожъ возведенъ въ сіе достоинство, не захотѣлъ разстаться съ онымъ, и вступя на Папской престолъ подъ именемъ Урбана VI,

Фердинандъ Герелія

принудилъ Кардиналовъ, подъ страхомъ жестокихъ изтязаній, написать письма къ знатнѣйшимъ Государямъ и въ оныхъ объявить избраніе его за совершенно свободное и каноническое. Когда Урбанъ, по исполненіи сего, позволилъ наконецъ Кардиналамъ свободный выѣздъ изъ Рима: то они, съѣхавшись въ городѣ Анагніи, увѣдомили всѣхъ Государей обо всемъ происшедшемъ; потомъ собравшись въ Фонди, укрѣпленномъ мѣстечкѣ Королевства Неаполитанскаго, и привлекши на свою сторону корпусъ чужестранныхъ войскъ, нанятыхъ еще Григоріемъ для защищенія церковной области, учредили подъ защитою оныхъ новый конклавъ: на которомъ Кардиналъ Робертъ, Женевецъ, братъ Амедея Графа Женевскаго, единодушно избранъ Папою, и коронованъ подъ именемъ Климента VII.

Оба сіи Папы пустили другЪ въ друга стрѣлы анаѳемы: одинЪ изЪ Рима, другой изЪ Авиньона, и произвели раздѣленіе вЪ западной церкви. Италія, Англія, Венгрія, Португалія и большая часть Германіи пристали кЪ сторонѣ Урбана: а Франція и Испанія сЪ прочими приняли сторону Климента. Орденъ также раздѣлился на двѣ партіи; Гередія сЪ Родосскими Кавалерами взялЪ сторону Климента; а Италіянскіе и Англинскіе Коммандоры, сЪ нѣкоторыми Нѣмецкими братьями, перешли на сторону Урбана. УрбанЪ, негодуя за сіе на Гередію, объявилЪ его лишеннымЪ своего достоинства: но не могши склонить орденскій капитулЪ на избраніе другаго великаго Магистра, назначилЪ самЪ преемникомЪ ему Пріора Капуйскаго *Караччіоло*. ТакимЪ образомЪ Церковь имѣла вЪ одно время двухЪ

Фердинандъ Гередія

Фердинандъ Гередїя

Папъ, а Орденъ двухъ великихъ Магистровъ: но кромѣ весьма немногихъ вышепомянутыхъ Коммандоровъ, всѣ прочіе Кавалеры пребыли вѣрными законной главѣ своей.

Между тѣмъ сіе состояніе Ордена не могло не произвесть вредныхъ послѣдствій. Отдѣлившіеся Коммандоры отреклись отъ повиновенія великому Магистру, и подъ симъ предлогомъ отказавшись присылать свои респонсіи, прервали всякое сообщеніе съ Родосомъ. Казна орденская чрезъ то истощилась, доходы уменьшились, и на содержаніе только гарнизоновъ въ крѣпостяхъ надлежало входить въ неоплатные долги, съ которыхъ одни проценты поглощали уже всѣ доходы Родоса.

Въ такомъ состояніи нашелъ Гередія свой Орденъ, когда наконецъ, бывъ выкупленъ своею фа-

Фердинандъ Гередія

милiею, прибылЪ онЪ вЪ РодосЪ; и всѣ напряженныя его усилiя не могли возстановить прежней славы Ордена. СовѣтЪ, собранный имЪ для разсужденiя о семЪ состоянiи Ордена, нашелЪ единственнымЪ кЪ тому средствомЪ то, чтобы убѣдить какого нибудь сильнаго Монарха дать свое покровительство Родосу, и просилЪ самаго великаго Магистра отправиться вЪ АвиньiонЪ, гдѣ Папа КлиментЪ имѣлЪ пребыванiе, для испрошенiя у него Ордену помощи.

Но какЪ прежнiе поступки Гередiи, при прежнемЪ посольствѣ его кЪ Папѣ, научили СовѣтЪ осторожности: то онЪ обязалЪ своего великаго Магистра присягою вЪ вѣрномЪ наблюденiи пользы Ордена; и подЪ видомЪ пристойной свиты, придалЪ ему вЪ товарищи нѣсколькихЪ испытанныхЪ вЪ честности

Фердинандъ Гередія

и усердіи къ Ордену старыхъ Кавалеровъ. Но сіи мѣры предосторожности были уже излишни; Гередія, великій Магистръ, былъ не тотъ уже, что былъ Гередія, Папской любимецъ. Цѣль его — доставить своей фамиліи блескъ и знаменитость — была достигнута, и теперь собственная его польза сопряжена была тѣсно съ пользою Ордена; теперь онъ былъ столь же усердный ревнитель о благѣ Ордена, сколько прежде ревностный рачитель о собственной пользѣ.

Переговоры его у Папы и въ сей разъ сопровождались успѣхомъ. Климентъ созвалъ орденскіе капитулы въ трехъ разныхъ городахъ; и великій Магистръ успѣлъ многихъ обратить къ повиновенію: токмо денежныя пособія взносимы были медленно, и по причинѣ продолжавшагося еще раздѣленія были весьма маловажны.

Фердинандъ Гередія

При сихъ тяжкихъ обстоятельствахъ Родосъ и Смирна угрожаемы были нападеніемъ отъ Султана Баязета, и Орденъ лишенъ былъ всѣхъ способовъ къ защищенію ихъ. Гередія оказалъ въ семъ случаѣ прямое безкорыстіе и щедрость; казалось, онъ для того собиралъ прежде себѣ богатство, чтобы послѣ жертвовать онымъ Ордену въ его нуждахъ. Онъ отправилъ на своемъ иждивеніи въ Родосъ и Смирну множество судовъ съ оружіемъ, и не жалѣлъ ничего къ доставленію Ордену помощи. Смерть постигла его въ Авиньонѣ на дватцатомъ году его Магистерства, и всѣ братья почитали потерю его невозвратимою.

Что касается до Карачіоло, избраннаго въ великіе Магистры Папою Урбаномъ VI, какъ онъ не былъ признанъ въ семъ достоин-

ствѣ въ Родосѣ, то мы и не имѣемъ причины полагать его въ числѣ справедливыхъ начальниковъ Ордена. По смерти его, Папа Вонифатій IX, преемникъ Урбановъ, при продолжавшемся еще раздорѣ церковномъ, предвидя, что Родосскіе Кавалеры не примутъ также и другаго великаго Магистра въ предосужденіе правъ Гередіи, объявилъ мѣсто великаго Магистра празднымъ, и назначилъ только Намѣстникомъ, или Поручикомъ великаго Магистра брата *Вонифатія Карамандра*, родственника своего. Капитулъже по смерти Гередіи выбралъ въ великіе Магистры брата *Филиберта Нальяка*, великаго Пріора Аквитанскаго, мужа почтеннаго какъ по храбрости, такъ и по благоразумію своему.

Филибертъ Нальякъ

Едва Нальякъ вступилъ въ сіе достоинство: то отвсюду приглашаемъ былъ Христіянскими Госу-

дарями къ союзу противъ невѣрныхъ.

Филибертъ Нальякъ

Баязетъ, первый по имени, но пятой Султанъ Турецкой, возшедшій на престолъ отца своего Амурата I. чрезъ убійство брата своего, завоевалъ уже Болгарію, Боснію, Кроацію и часть Мореи; и потомъ, перешедъ изъ Европы въ Азію, пробѣжалъ Каппадокію и Фригію, и разбивъ Аладина, Султана Киликійскаго, овладѣлъ Виѳиніею, выгналъ Князей Сельгейсидскихъ изъ Натоліи, убѣжавшихъ къ Тимуру, или Тамерлану, Хану великой Татаріи, другому страшному завоевателю, овладѣвшему Персіею, Месопотаміею и частію Сиріи. Баязетъ, оставя правителемъ въ Азіи сына своего Ортогула, перешелъ опять въ Европу, и утвердивъ столицу свою въ Адріанополѣ, опустошилъ Аттику и Ѳессалію, завоевалъ часть Македо-

Филибертъ Нальякъ

ніи, наложилъ дань на Князя Волошскаго и простеръ военный пламень въ самые предѣлы Венгріи. Король Венгерской Сигизмундъ обратился къ Папѣ съ прозьбою о защищеніи; и Папа, устрашенный предстоящею опасностію, призывалъ всѣхъ къ союзу противъ Баязета, и послалъ о семъ повелѣніе къ новому великому Магистру. Кавалеры Родосскіе, соединясь съ Греческимъ Императоромъ и Венеціянскою республикою, тотчасъ вооружили знатный флотъ: но важнѣйшимъ союзникомъ въ семъ походѣ былъ Карлъ VI, Король Французской.

Соединенная армія, взявъ путь чрезъ Германію и Венгрію, обратилась въ Болгарію, отняла обратно нѣкоторыя завоеванныя Баязетомъ мѣста, и осадила Никополь. Но Догамбертъ, полководецъ Баязетовъ, защищавшій сіе

Филибертъ Нальякъ

крѣпкое и снабженное достаточнымъ гарнизономъ мѣсто, ежедневными вылазками продлилъ осаду до того, что далъ время Баязету прибыть съ арміею на помощь осажденнымъ. Слухъ о его приближеніи, скоро разнесшійся по всему лагерю, и появленіе передовыхъ его войскъ, открытыхъ разъѣжжавшими пикетами, побудили Христіянъ предупредить его атакою до прибытія всѣхъ его силъ. Сраженіе было счастливое; невѣрные, по жаркомъ сопротивленіи, побѣжали: но воинской жаръ, увлекшій побѣдителей въ слѣдъ за бѣгущими, превратилъ сіе счастливое начало въ самое бѣдственное окончаніе. При разсѣяніи ихъ въ погонѣ, вдругъ, за однимъ пригоркомъ, встрѣтились они съ Баязетовою конницею, изъ 40000 человѣкъ состоявшею, и оставленною здѣсь въ резервѣ. Побѣдители

Филибертъ Нальякъ

увидѣли здѣсь собственную бѣду свою. Турки отрѣзали у нихъ всѣ пути къ бѣгству. Началось новое сраженіе, и при множествѣ свѣжихъ Турецкихъ войскъ оно кончилось совершеннымъ пораженіемъ Христіянъ. Король Венгерской и великій Магистръ, пользуясь всеобщимъ смятеніемъ, избѣгли смерти и плѣна, спасшись въ маленькомъ перевозномъ суднѣ, найденномъ ими у береговъ Дуная. Среди тучи стрѣлъ непріятельскихъ пустились они по Дунаю и достигли соединеннаго Христіянскаго флота, откуда отправились уже въ Родосъ: предводительже Французской арміи Графъ Неверской взятъ былъ въ плѣнъ.

Такимъ образомъ одно сраженіе кончило весь походъ. На другой день Баязетъ, въ отплату за побіеніе многихъ его воиновъ, велѣлъ побить всѣхъ плѣнныхъ, кромѣ

Графа Неверскаго съ 25 другими знатнѣйшими офицерами, за которыхъ надѣялся получить богатый выкупъ. По прибытіи сихъ денегъ изъ Франціи, Баязетъ отпустилъ Графа Неверскаго съ симъ гордымъ объявленіемъ: „не требую „я отъ тебя, плѣнникъ „говорилъ онъ ему„ какъ бы могъ я требо„вать, чтобы ты обѣщалъ мнѣ не „поднимать противъ меня оружія; „— нѣтъ: напротивъ того есть„ли ты имѣешь еще какое чув„ство чести, то я повелѣваю „тебѣ воздвигнуть противъ меня „всѣ силы Христіянъ; — ты не мо„жешь сдѣлать мнѣ бо́льшаго удо„вольствія, какъ подавъ новый слу„чай къ умноженію моей славы.„

Филибертъ Нальякъ

Возторжествовавъ надъ Латинскими Христіянами, Баязетъ обратилъ свое оружіе противъ Грековъ. Опустоша Морею, со всѐми силами пошелъ онъ къ Константино-

Филибертъ Нальякъ

полю. Императоръ Мануилъ тщетно искалъ помощи у Христіянскихъ державъ. Устрашенные неудачнымъ слѣдствіемъ послѣдняго похода, Христіянскіе Государи не отваживались предпринять новаго, и при томъ многіе сами были въ войнѣ между собою. Нужда заставила Мануила прибѣгнуть къ Тамерлану, къ которому отправилъ онъ пословъ съ богатыми дарами.

Татарской Ханъ, поощряемый также и Сельгейсидскими Князьками, выгнанными Баязетомъ изъ Натоліи и ушедшими къ нему, принялъ благоволительно прозьбу Греческаго Императора и послалъ къ Баязету посла съ такимъ требованіемъ, чтобы онъ возвратилъ Натолію прежнимъ владѣльцамъ и снялъ осаду съ Константинополя. Баязетъ принялъ требованіе его съ такимъ презрѣніемъ, какого отъ

счастливаго завоевателя ожидать можно, и отвѣчалъ послу его: что естьли Тамерланъ столько дерзокъ, что можетъ осмѣлиться поднять противъ него оружіе, то онъ съ своей стороны научитъ его раскаяться въ своей дерзости. По полученіи толь гордаго отвѣта, Тамерланъ выступилъ въ походъ съ арміею изъ 800000 человѣкъ. Первое нападеніе учинилъ онъ на городъ Себастію въ Каппадокіи. Ортогулъ, сынъ Баязетовъ, самъ прибылъ для защищенія города: но ни присутствіе Принца, ни храбрость Турковъ не могли спасти города отъ превосходнѣйшей силы Татаръ. Тамерланъ взялъ Себастію, вошелъ побѣдителемъ, побилъ весь гарнизонъ и жителей, съ женами, съ дѣтьми и стариками, и отрубивъ голову самому Ортогулу, велѣлъ срыть городъ до подошвы. — Баязетъ пришелъ въ

Филибертъ Нальякъ ярость услыша о семъ варварствѣ; поносная смерть сына его, нѣжно имъ любимаго, поразила сердце его болѣе всей потери. Заклявшись отмстить Тамерлану равною мѣрою, онъ бросилъ всѣ дѣла свои, и не давши времени собрать равную силу силѣ своего соперника, онъ тотчасъ снялъ осаду съ Константинополя и пошелъ во Фригію. Сіи непримиримые враги со-
1399. шлись при Ангури, или Анцирѣ, главномъ городѣ Галатіи, и сраженіе началось подъ горою Стеллою на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ Помпей побѣдилъ Митридата. Армія Баязетова состояла изъ 120000 Турковъ, кромѣ разныхъ Татарскихъ ордъ. Сраженіе было наиупорнѣйшее, и, какъ можно себѣ представить, наикровопролитнѣйшее. Побѣда склонялась уже на сторону Турковъ; они принудили Татаръ къ бѣгству, и были уже

вѣ погонѣ за ними, какѣ Баязетѣ, опасаясь, чтобы жарѣ воиновѣ его не вовлекѣ ихѣ вѣ какую нибудь скрытую засаду, далѣ повелѣніе кѣ ретирадѣ, и тѣмѣ разстроилѣ весь успѣхѣ дѣла. Тамерланѣ, увидя отступленіе войскѣ Баязетовыхѣ, представилѣ оное бѣгущимѣ своимѣ Татарамѣ за самое бѣгство Турковѣ, ударилѣ самѣ вѣ непріятеля, и наконецѣ дѣйствительно принудилѣ его кѣ бѣгству. Измѣна Татарскаго корпуса, находившагося вѣ Турецкой арміи, довершила ея пораженіе. Сіи подлыя орды, вѣ самомѣ жару сраженія, оставя Султана, передались на сторону Тамерлана, кѣ братьямѣ своимѣ Татарамѣ, и сами поражали вѣ слѣдѣ бѣгущихѣ Турковѣ. Наконецѣ грозный завоеватель, страшный Баязетѣ самѣ попался вѣ плѣнѣ.

Филибертъ Нальякъ

Филибертъ Нальякъ

Историки несогласны между собою въ повѣствованіи его участи. Одни разсказываютъ, что Тамерланъ, при введеніи плѣнника въ его шатеръ, принялъ его отмѣнно гордо и укорялъ его въ его надменности и высокомѣріи: другіе пишутъ, что онъ принялъ его великодушно и представилъ только ему невѣрность счастія человѣческаго. Но Баязетъ, презирая въ Тамерланѣ убійцу сына своего и низкое происхожденіе, — ибо Тамерланъ достигъ Ханскаго достоинства изъ простаго пастуха — велъ себя весьма гордо: за что наказыванъ былъ разными уничиженіями отъ побѣдителя, и наконецъ засаженъ былъ въ желѣзную клѣтку и возимъ всюду за Тамерланомъ въ оной. Здѣсь кончилъ онъ бѣдственную жизнь свою, разбивъ себѣ голову о клѣтку, или — по сказкамъ другихъ — проко-

ловъ себѣ горло рыбьею костью, которую бросили ему какъ собакѣ.

Филибертъ Нальякъ

Съ смертію Баязета Христіяне избавились страшнаго непріятеля: но Тамерланъ, котораго честолюбіе и стремленіе къ завоеваніямъ чрезъ то увеличилось, представилъ имъ въ себѣ другаго еще страшнѣйшаго; и вопервыхъ оказалъ онъ себя завистникомъ Родосскихъ Кавалеровъ, единственныхъ соперниковъ силы его на востокѣ. Но не имѣя флота для нападенія на нихъ въ самомъ Родосѣ, онъ устремилъ мысли свои на завоеваніе Смирны, въ той надеждѣ, что гавани сего великаго купеческаго города доставятъ ему довольное число судовъ къ сооруженію флота и къ походу противъ Родоса и другихъ острововъ Архипелажскихъ. Завоеваніе Смирны было однакожъ весьма труднымъ предпріятіемъ для самаго Тамер-

Филибертъ Нальякъ

лана. Великій Магистръ, предусматривая, что она неминуемо подвергнется нападенію съ той, или другой стороны, отправилъ туда задолго прежде многочисленный гарнизонъ, и снабдилъ оный всѣми потребностями, а крѣпость всѣми возможными укрѣпленіями.

Тамерланъ, видя трудность осады, предложилъ Христіянамъ, что онъ удовольствуется однимъ тѣмъ, естьли они выставятъ только его флагъ на стѣнахъ и башняхъ городскихъ: но какъ сіе предложеніе натурально было отвергнуто, то раздраженный симъ отказомъ Тамерланъ окружилъ городъ войсками и повелъ формальную осаду. Съ начала невѣрные покушались засыпать рвы землею, но частыя вылазки Христіянъ уничтожали всѣ такія покушенія; потомъ принялись они за подкопы, но цѣлыя груды каменьевъ, бросаемыхъ со

стѣнъ Христіянами, побивали ихъ тысячами, и не давали возможности подойти близко къ городу. Ханъ, пришедши отъ толь упорнаго сопротивленія въ ярость, далъ наконецъ приказъ къ штурму. Во все сіе время, какъ описываетъ одинъ современный Персидской Историкъ Шерефеддин-Али, лилъ такой проливной дождь, что казалось небо хотѣло послать вторый потопъ на землю. *Штурмъ продолжался* — какъ пишетъ оный Историкъ — *отъ утра до вечера и отъ вечера до утра.* Съ какою храбростію наступали осаждающіе, съ такимъже мужествомъ оборонялись осажденные. Наконецъ построенныя на землѣ и на морѣ на плотахъ подвижныя башни въ нѣсколько ярусовъ, въ которыхъ вмѣщалось до 200 воиновъ въ каждой, приближась къ городу, раздробили стѣны и башни тарана-

Филибертъ Нальякъ

ми. Храбрые жители все однакожъ не переставали защищаться: но наконецъ Татара подвели подкопы подъ стѣны; стѣны обрушились, пали и подавили собою множество Христіянъ. Тамерланъ же, ворвавшись такимъ образомъ въ городъ, изрубилъ весь гарнизонъ; и только малое число жителей, побросавшись въ море, спаслись вплавь въ корабли свои: большая же часть ихъ перетонули, или были побиты.

По завоеваніи Смирны, Тамерланъ не только срылъ до подошвы крѣпость; но и самые матеріалы оной, кирпичи, каменья, со всѣмъ оружіемъ и вещами Христіянъ, побросалъ въ море. Ободренный симъ успѣхомъ, онъ прошелъ потомъ въ малую Азію, и опустоша оную огнемъ и мечемъ, готовился перейти въ Европу и простерть свое владычество до столповъ Гер-

кулесовыхъ; оттуда переѣхать въ Африку, и равно подвергнуть оную своей власти и возвратиться въ Персію чрезъ Египетъ: но полученное имъ извѣстіе, что владѣтель Индіи ворвался въ его предѣлы и завоевалъ Шери, одинъ изъ главныхъ городовъ Персіи, гдѣ оставлены были Тамерланомъ всѣ его сокровища, дало иной оборотъ честолюбивымъ его намѣреніямъ. Привыкши почитать себя выше всѣхъ Государей, онъ едва могъ повѣрить толикой дерзости Индіянина, и спѣшилъ примѣрно наказать оскорбителя его величія. Но Тамерланъ нашелъ въ немъ такогожъ страшнаго соперника, какого нашелъ въ Тамерланѣ Баязетъ; и скоро увидѣлъ, что имѣетъ дѣло съ такимъ непріятелемъ, который равнялся ему и въ могуществѣ и въ искусствѣ военномъ. По многихъ тщетныхъ покушеніяхъ

Филибертъ Нальякъ

Филибертъ Нальякъ

1415. Апрѣля.

о преодолѣніи его, Тамерланъ предпочелъ наконецъ мирное спокойствіе наружному величію бранной славы; и заключа съ нимъ миръ, возвратился въ свою столицу, гдѣ вскорѣ потомъ умеръ.

Между тѣмъ великій Магистръ Нальякъ, пользуясь происходившею между варварами войною, прилагалъ всѣ старанія о благѣ Ордена. Дабы привесть острова свои въ безопасность, онъ предпріялъ овладѣть однимъ древнимъ замкомъ, на твердой землѣ лежащимъ, въ 12 миляхъ отъ острова Ланго. Нечаянно прибывъ къ оному съ флотомъ своимъ, онъ безъ труда овладѣлъ онымъ: но нашедъ его весьма ветхимъ, принужденъ былъ построить новую крѣпость, избравъ къ тому мѣсто на каменной горѣ на выдавшемся въ море мысу. При сей крѣпости, нареченной во имя св. Петра, оставались всегда нѣ-

сколько судовъ, которыя, при ма- Филибертъ Нальякъ
лѣйшемъ знакѣ опасности, соединялись съ галерами острововъ Ланго и Родоса, и воздерживали разбойничьи суда. — Сверьхъ того крѣпость сія служила убѣжищемъ для Христіянъ, спасавшихся изъ плѣна отъ невѣрныхъ.

Попечительность Нальяка, не удовольствовавшись тѣмъ, простерлась далѣе и на сосѣдственный съ нимъ островъ Кипръ. — Въ царствованіе на ономъ Короля Іакова Лузиньяна, Генуэзцы въ спорѣ ихъ о преимуществѣ съ Венеціянами, не довольны будучи оказаннымъ отъ Лузиньяна предпочтеніемъ симъ послѣднимъ, объявили войну сему острову, и овладѣли на немъ многими мѣстами; но опасаясь сами силы Венеціянъ, отдались подъ покровительство Короля Французскаго, который правилъ ими чрезъ своего намѣстника, или

Филибертъ Нальякъ

Вицероя. Янусъ Лузиньянъ, сынъ Іакова, вознамѣрился возвратить себѣ завоеванныя Генуэзцами мѣста, и осадилъ городъ Фамагусту. Маршалъ Бусикольтъ, тогдашній Намѣстникъ Короля Французскаго въ Генуѣ, снарядивъ флотъ, отправился съ онымъ въ Кипръ для освобожденія Фамагусты отъ осады. Зашедши дорогою въ Родосъ, онъ принятъ былъ отъ великаго Магистра со всѣми почестями, приличными сану его: но при семъ случаѣ сей почтенный мужъ внушилъ Маршалу: съ какимъ прискорбіемъ онъ видитъ Христіянъ вооружающихся противъ своихъ единовѣрцовъ въ то самое время, когда невѣрные со дня на день усиливаются болѣе; представилъ ему, что раззореніе Кипра, служащаго убѣжищемъ для Европейскихъ флотовъ и оградою Христіянъ на востокѣ, не можетъ не послужить

Филибертъ Нальякъ

къ усиленію Сарацынъ; — и наконецъ, предложа себя въ посредники, склонилъ на то Маршала, и самъ отправился въ Кипръ для переговоровъ.

Важность сего посредничества — ибо Король Кипрской вѣдалъ, сколь нужна ему подпора Ордена — сдѣлала Януса сговорчивымъ; осада Фамагусты была снята и перемиріе между Генуэзцами и Королемъ Кипрскимъ безъ дальнихъ трудностей свершилось.

Въ продолженіе посланничества великаго Магистра, Бусикольтъ, дабы не быть праздну, отправился съ флотомъ своимъ къ Сиріи и осадилъ Александретту, городъ лежащій въ заливѣ Лаяццо, называемый также Скандероною, и заключилъ выгодный миръ съ владѣльцомъ Скандеронскимъ. По возвращеніи же великаго Магистра изъ Кипра, оба они предпріяли походъ

Филибертъ Нальякъ

къ берегамъ Сиріи и Палестины, обладаемымъ отчасти Сарацынами, отчасти Татарами; и хотя превосходныя силы варваровъ не дозволили имъ учинить какое либо важное завоеваніе: но они разнесли всюду такой страхъ, что самъ Султанъ Египетской за нужное почелъ искать ихъ дружбы и отправилъ въ Родосъ посла съ предложеніемъ о союзѣ противъ Турковъ. Переговоры скоро были окончаны самымъ выгоднымъ миромъ, въ которомъ великій Магистръ, въ доказательство, что онъ занимался не однимъ обогащеніемъ своего ордена, но и благомъ всего Христіянства, сверьхъ торговыхъ выгодъ, предоставленныхъ ему Султаномъ, постановилъ между прочимъ такое условіе: „чтобы Ордену дозволено было обнести стѣною гробъ Господень и „содержать въ Іерусалимѣ всегда

Филибертъ Нальякъ

„шесть Кавалеровъ, увольняемыхъ
„отъ всякихъ податей; — чтобы
„они могли принимать въ домъ
„свой прочихъ Кавалеровъ и стран-
„ствующихъ къ св. граду, и имѣли
„бы право выкупать Христіянскихъ
„невольниковъ за ту цѣну, какая
„за нихъ заплачена была при по-
„купкѣ ихъ, или выдавая на об-
„мѣнъ за Христіянскаго невольни-
„ка Сарацына; — чтобъ галерамъ
„орденскимъ свободно было выво-
„зить хлѣбъ изъ областей Султа-
„на: для отвращеніяжъ всякихъ
„притѣсненій Христіянамъ, вели-
„кій Магистръ имѣлъ бы право со-
„держать своихъ Консуловъ въ Іеру-
„салимѣ, въ Рамѣ и въ Алексан-
„дріи.„

Толико-то страшною учинилась сила Ордена подъ мудрымъ правленіемъ Нальяка! Какой же степени величія могла бы она достигнуть, естьли бы не была раздѣ-

Филибертъ Нальякъ

ляема несчастнымъ раздѣленіемъ тогдашней Римской церкви!

Но напослѣдокъ всѣмъ властямъ духовнымъ и свѣтскимъ наскучило дѣлиться между двумя Папами, и всѣ согласились созвать вселенской соборъ для утвержденія одного изъ нихъ.

Соборъ сей собрался въ Пизѣ въ Италіи, и былъ наимногочисленнѣйшій. — На ономъ присутствовало 4 Патріарха, 22 Кардинала, 12 Архіепископовъ на лицо, и 14 чрезъ депутатовъ, 80 Епископовъ на лицо, и болѣе 100 чрезъ депутатовъ, великій Магистръ Родосской съ 16 Коммандорами, Пріоръ Кавалеровъ гроба Господня, депутатъ отъ Ордена Тевтоническаго, 87 Аббатовъ, и множество другихъ духовныхъ чиновъ и депутатовъ отъ университетовъ, и послы отъ Королей Французскаго, Англинскаго, Португальскаго, Богемскаго,

Сицилійскаго, Польскаго и Кипрскаго и прочихъ Герцоговъ, Князей и Принцовъ. Открытіе сего знаменитаго собора происходило въ день Благовѣщенія, Марта 25. Послѣ многихъ засѣданій и вызововъ къ обоимъ Папамъ, чтобы они явились на соборъ, какъ они не только явиться, ниже отвѣтствовать на приглашеніе не захотѣли: то соборъ низложилъ ихъ обоихъ, и Конклавъ избралъ единодушно Папою Кардинала Миланскаго, который коронованъ былъ подъ именемъ Александра V. Послѣ сего рѣшенія о Папѣ, приступили они къ примиренію раздѣленій въ Орденѣ; и для сего собранъ былъ Капитулъ въ Ниццѣ, потомъ перенесенъ былъ въ Эзъ въ Провансѣ, который учредилъ многія перемѣны и поправки въ управленіи орденскихъ имѣній, но не прекратилъ бывшаго несогласія между

Филибертъ Нальякъ

1409.

Филибертъ Нальякъ

отдѣлившимися Коммандорами. Равно и отрѣшенные два Папы не захотѣли отказаться отъ своего сана, и нашли еще себѣ приверженцовъ. И такъ вмѣсто чаемаго соединенія церкви, произошло еще бо́льшее раздѣленіе оной, и вмѣсто двухъ Папъ сдѣлалось ихъ три. Александръ V, бывшій уже обремененъ старостію, не долго жилъ, и умеръ въ Болоніи. Къ стыду церкви избранъ былъ на его мѣсто Легатъ Болонской подъ именемъ Іоанна XXIII, человѣкъ ославленный своимъ сребролюбіемъ и другими худыми качествами. Наконецъ Сигизмундъ, Король Венгерской, о которомъ мы выше упоминали, бывъ избранъ въ Императоры, склонилъ Папу Іоанна XXIII. на новый церковный соборъ, который собрался въ городѣ Констанцѣ, или Костницѣ, въ Германіи, имѣя главнымъ предлогомъ

разсмотреніе ученія *Іоанна Гуса* и *Іеронима Пражскаго*, возобновившихъ въ Богеміи ученіе *Виклефово*, и сожженныхъ на семъ соборѣ. Филибертъ Нальякъ

Надѣялись, что важность собора удержитъ Іоанна отъ противозаконныхъ поступковъ: но гнусное сребролюбіе, ослѣпившее его и его прислужниковъ, заставляло его попирать ногами и честь и совѣсть, такъ что наконецъ не было уже въ церкви ничего святаго, и ничего, что бы не было продажное. Сіи на небо вопіющія неправды заставили соборъ низложить Іоанна *). Венедиктъ XIII. также былъ осужденъ онымъ;

*) „Іоаннъ, инако Валтасаръ Косса, „оставивъ Бононію, въ Римъ возвратися; хламиду Петрову на своя „рамена возложилъ, глаголя: *Азъ Павла есмь.* Совы устрашився, соборъ „изъ Рима въ Констанцію пренесе,

Филибертъ налъякъ

а Григорій XII. самъ отрекся, и въ Папы избранъ Кардиналъ Діа-

---

,,на коемъ соборѣ полтретьялѣтномъ ,,о четыредесяти беззаконіяхъ: о пре-,,любодѣйствѣ, кровосмѣшеніи, со-,,доміи, еретичествѣ и проч. осуж-,,денъ, и со Антипапами Венедик-,,томъ XIII. и Григоріемъ XII. низ-,,ложенъ есть.

,,Возстаніе мертвыхъ отвергалъ, ,,и яко души человѣческія, аки скот-,,скія съ тѣломъ умираютъ, вѣрилъ, ,,якоже глаголетъ правило 9 собора ,,Констанціенскаго. Мартину пято-,,му, сукцессору, падъ на колѣна, ,,поклонися, и сицевымъ смиреніемъ ,,Кардинальскую честь воспріялъ. Сѣ-,,дѣлъ лѣтъ 5. См. *Ѳеатронъ, или По-,,зоръ Историческій. Вѣкъ XV. стран.* ,,344.

О *Виклефѣ, Іоаннѣ Гусѣ* и *Іеронимѣ Пражскомъ* въ сей же книгѣ находится слѣдующее описаніе:,, ,,Лѣта 1360 Іоаннъ Виклефъ во Оксо-,,ніенской Академіи во Англіи Бого-,,словіи учитель, мужъ остроуменъ ,,и сильный, иже кромѣ беззаконій

конъ Оттонъ Колумна подъ именемъ Мартына V. Филибертъ Нальякъ

„клира и Епископовъ, такожде и „ученіе ихъ обличалъ, во многихъ „право разумѣлъ, но обидою временъ „между еретики почтенъ есть. — „Пять ему причитаютъ погрѣшеній: „1) яко отрицалъ присутствіе тѣла „Христова въ святомъ причащеніи; „2) яко училъ, что священникъ въ „смертномъ грѣсѣ тайны дѣйство-„вати не можетъ; 3) яко клиръ са-„мовластный и изобрѣтателей зако-„новъ отверже; 4) яко вся совершен-„ною нуждою въ семъ мірѣ творятся, „утверждалъ: таже 5) яко училища, „коллегіа и степени во академіяхъ „отъ подражанія язычниковъ быти, „ниже что либо пользовати, твер-„дилъ. Повѣствуютъ, яко двѣ зѣло „великія написалъ книги, иже вели-„чествомъ своимъ сравнишася тво-„реніямъ блаженнаго Августина: па-„чеже, свидѣтельствующу Балею, „болѣе полутораста книгъ издаде. „Многихъ отъ великихъ лицъ имѣлъ „друговъ, защитниковъ и покрови-

Филибертъ Нальякъ

Съ прекращеніемъ такимъ образомъ раздѣленія церкви прекра-

,,телей, и въ первыхъ Едварда III, ,,Короля Англинскаго, иже Папѣ въ ,,Англіи власть поставляти Епископовъ, аннаты и Петровы динаріи ,,отъятъ. По Виклефовѣ смерти, благородный нѣкій ученикъ книги его изъ ,,Англіи до Праги пренесе, отъ нихже Іоаннъ Гуссъ, Ректоръ Академіи ,,научися.,, *Стр:* 333 *на оборотѣ.* Изъ сочиненій сего Виклефа извѣстны слѣдующія: *увѣщанія къ искреннему желанію Небеси; совѣтъ о Іисусѣ Христѣ, о искушеніи, о духовной брани, о любви Іисусовой, о имени Іисусовомъ, о созерцательной и практической жизни, о духовной и плотской любви, о стремленіи къ Іисусу,* и тому подоб. Бывши Докторомъ и Профессоромъ Богословіи въ Оксфортѣ, онъ первый перевелъ библію на Англинской языкъ.

О Гусѣ въ тойже книгѣ Ѳеатронѣ ниже на *стр.* 348. *на оборотѣ* сказано слѣдующее: ,,Іоаннъ Гуссъ Богемецъ, ,,Ректоръ Академіи Пражской, отъ

тился наконецЪ раздорЪ и вЪ Орденѣ. ВЪ Іюлѣ слѣдующаго года

Филибертъ Нальякъ

„непрестаннаго чтенія книгЪ Виклефовыхъ возбужденЪ, вЪ Прагѣ вЪ „Храмѣ Виѳлеемскомъ, со удивительнымЪ дѣйствомЪ, противо пресуществленія, противо причащенія „подЪ единымЪ видомЪ, противо исповѣди ко уху бывающей о всякихЪ „грѣхахЪ, во образѣ исповѣдуемыхЪ, „противо папѣжства и Римскаго „Папы киченія, всенародно состязался, глаголя сице: *желаю, да по „смерти на оная мѣста отъиду, на „няже Виклефова душа прейде, егоже „не сумнюся быти мужа свята.* — Но „АрхіепископЪ Пражскій Зеденко, человѣкЪ тако простый, яко азбучникЪ „именуемый бѣ, 200 ВиклефовыхЪ „книгЪ, сребромЪ украшенныхЪ, всенароднѣ сожже. Тогда ученики, да равная воздадутЪ, такожде уставы Папѣжскія, на возЪ возложенныя, со „изображеніемЪ блудницы, всенароднѣ „сожгоша; и по ГуссовомЪ отшествіи, емуже проповѣдь сказывати бысть возбранено, собравшеся,

Филибертъ Нальякъ великій Магистръ прибылъ благополучно въ Родосъ, и принятъ

,,изъ Академіи Пражской, изъ единыя страны Германскія, четыре тысящи учениковъ въ Липсію преидоша, и вину Академіи, тамо уже отъ Фридерика Электора Саксоніи созданной, дадоша. — Но егда ученіе православное Гуссово всюду распространяшеся, отъ Кесаря Сигизмунда, подъ безопасствомъ народнымъ, до собора Констанціенскаго призванъ есть. Тамо, противо вѣры данныя, въ мерзской темницѣ заключенъ есть, и на сожженіе осужденъ. Ниже обрѣтеся кто въ сицевомъ собраніи, токмо единъ Каспаръ Схлицкій, Кесарскій Канцлеръ, иже на осужденіе Гусса соизволити не хотѣлъ, но воставъ отъ собора отъиде, егоже такожде Богъ по семъ изрядно благословилъ. Гуссъ шапкою бумажною обложенъ съ сею титлою: *Ересіарха*, на сожженіе изведенъ: токмо побожныя и теплыя молитвы изливалъ и святыя пѣсни пѣлъ, яко людіе

былЪ ото всѣхЪ КавалеровЪ и жителей сЪ искреннею радостію,

Филибертъ Нальякъ

„глаголаша: *что сей человѣкЪ училЪ,*
„*не вѣмы; яже при смерти сотворилЪ,*
„*сія воистину величайшая суть.* И
„егда имѣлЪ уже аки ересеначальникЪ
„сожженЪ быти, лѣта Христова 1415,
„пророческимЪ духомЪ реформацію
„Лютерову предсказалЪ, глаголя: *ме-*
„*не уже гуся печете* (гуссЪ бо Боге-
„мически знаменуетЪ *гуся*) *но прі и-*
„*детЪ лебедь, егоже сожещи не воз-*
„*можете, по* 100 *лѣтѣхЪ Богу и мнѣ*
„*отвѣтЪ воздасте.* — Его писанія дво-
„ма книгами содержатся, вЪ Норим-
„бергѣ издани суть.„

„Лѣту прешедшу, ІеронимЪ
„Пражскій, другЪ ГуссовЪ, сожженЪ
„есть, сіесть лѣта Христова 1416.
„Сей аще первѣе боязнію смерти
„одержимь, и изЪ Констанціи, идѣ-
„же писаніе за ГуссомЪ до дверей
„церковныхЪ пригвоздилЪ и вЪ бѣг-
„ство обратился, но по семЪ воз-
„вратился: егдаже во узахЪ держа-
„шеся и на сожженіе уже влечашеся,
„сицеваго бысть постоянства, яко

Филибертъ Нальякъ

какой заслуживали великія его достоинства и непрестанные тру-

---

„на самомъ огнѣ, донелѣже пламень „устенъ не заградилъ, пѣлъ: *се праздн„ственный день, всѣми почитаемый „вѣки.* Къ мучителю, созади прихо„дящему, возопи: *предъ очима огнь „возжги; аще бо быхъ сего боялся, на „сіе мѣсто, егоже избѣжати могохъ, „не быхъ пришелъ.* — Смерть сихъ „двоихъ мучениковъ, въ Богеміи воз„вѣщенная, великую ненависть поро„ди между Римлянами и *Чашниками*: „тако Гусситовъ нарекоша, яко о „чаши въ причащеніи тщахуся. Таже „пришло до брани, лѣта Христова „1416. — Брань сія Гусситовъ чрезъ „цѣлый вѣкъ, даже до реформаціи, „отъ Лютера содѣланной, продолжи„ся. Гусситовъ вождь бысть *Зизка* „непобѣдимый (или Іоаннъ отъ Тро„зенака), егоже самое имя супоста„томъ страшно было: емуже умер„шу, сиротами нарекошася; обаче ни„коимъ образомъ побѣдитися возмо„гоша.„

ды. День возвращенія его празднованЪ былЪ какЪ величайшее торжество для всего острова. ВЪ слѣдЪ за нимЪ прибыли знатнѣйшіе Кавалеры депутатами отЪ разныхЪ пріорствЪ для назначеннаго всеобщаго капитула. Соединеніе Ордена вторично было подтверждено; Кавалеры сошлись прямо какЪ братья, и разстались со взаимнымЪ увѣреніемЪ о ненарушимомЪ согласіи. Вскорѣ послѣ того достопочтенный великій МагистрЪ скончался, и понесЪ сЪ собою во гробЪ то утѣшеніе, что могЪ при концѣ дней своихЪ видѣть совершившееся соединеніе отторгшихся отЪ главы своей братьевЪ. ПреемникомЪ ему избранЪ былЪ *Антоній ФлувіанЪ*, или *де ла ФивіерЪ*, изЪ пріорства Каталонскаго. Антоній ФлувіанЪ

Во время сихЪ происшествій сыновья Баязетовы, по смерти Тамерлана, пользуясь раздорами

Антоній Флувіанъ

между сыновей его, возвратили себѣ отцовское наслѣдіе: но и сами, вступивъ въ такоеже несогласіе между собою, равно истребляли другъ друга. Наконецъ младшій сынъ Баязетовъ, Магометъ I, подкрѣпляемый нѣкоторыми Греческими Принцами и самимъ Императоромъ, сдѣлался единственнымъ обладателемъ отеческаго престола. Онъ царствовалъ восемь лѣтъ, и по немъ наслѣдовалъ сынъ его Амуратъ II, храбрый, мужественный Государь, изгладившій послѣдніе слѣды Тамерлановой славы, и возстановившій царство Оттоманское въ прежнемъ его величіи: чрезъ что содѣлался опаснымъ сосѣдомъ Родосу.

Но болѣе всего безпокоило Орденъ сосѣдство Султана Алназер-Ал-Дагера, возведеннаго въ сіе время Мамелюками на Египетской престолъ. Мамелюки составляли

главное воинство, или гвардію въ Египтѣ. Корпусъ ихъ набирался изъ плѣнныхъ, или купленныхъ чужестранныхъ невольниковъ, которые непрестанно упражняемы были въ ружьѣ и воспитывались въ воинскомъ ремеслѣ. Ал-Дагеръ, родомъ Черкашенинъ, самъ началъ службу въ корпусѣ Мамелюковъ, и достигъ сей первой высоты достоинства чрезъ храбрость и геройскіе свои подвиги. Чтобъ занять чѣмъ нибудь безпокойныя свои войски и легче удержаться на своемъ престолѣ, онъ объявилъ войну Янусу Лузиньяну, Королю Кипрскому, и пошелъ къ сему острову съ многочисленною арміею.

Антоній Флувіанъ

Лузиньянъ просилъ помощи у Родосскихъ Кавалеровъ. Великій Магистръ, самъ находившійся тогда въ войнѣ съ Турками и состоявшій въ мирѣ съ Сарацынами, упо-

Антоній Флувіанъ

требилъ сперва все стараніе къ примиренію Султана съ Лузиньяномъ: но какъ требованія перваго были чрезмѣрны, то великодушіе его не дозволило ему оставить утѣсненнаго Короля Христіянскаго безъ помощи, тѣмъ болѣе, что завоеваніемъ Кипра самый Орденъ подвергнулся бы неминуемой опасности. Война производима была однакожъ несчастливо для Христіянъ: великое множество Кавалеровъ и Кипрскихъ дворянъ было побито, и самъ Король попался въ плѣнъ. Перемѣнное счастіе оружія съ обѣихъ сторонъ и тайное намѣреніе Султана обратить мечь свой противъ самаго Родоса побудили наконецъ къ миру.

Ал-Дагеръ, дабы лучше скрыть свое намѣреніе, возобновилъ также и съ Орденомъ мирный договоръ, заключенный его предками: но великій Магистръ чрезъ шпіо-

новЪ своихЪ, которыхЪ тайно держалЪ вЪ Александріи, скоро узналЪ о СултановомЪ коварствѣ. Тотчасъ увѣдомилЪ онЪ о томЪ Папу Евгенія IV. и прочихЪ Христіянскихъ Государей, и просилЪ ихЪ помощи; и дабы совершенно быть готову на всѣ случаи, потребовалЪ отЪ всѣхЪ ПріоровЪ ОрденскихЪ, чтобы они прислали вЪ РодосЪ по крайней мѣрѣ по 25 КавалеровЪ отЪ каждаго пріорства. Усердіе членовЪ Ордена вЪ сей разЪ превзошло самое ожиданіе; готовыхЪ кЪ защищенію острова явилось гораздо болѣе, нежели сколько требовано было; и симЪ новымЪ приращеніемЪ защитниковЪ и мудрыми мѣрами великаго Магистра не токмо РодосЪ, но и прочіе острова Орденскіе приведены были вЪ толь хорошее положеніе, что СултанЪ не отважился напасть на нихЪ, и великій МагистрЪ имѣлЪ

Антоній Флувіанъ

Антоній Флувіанъ

удовольствіе кончить дни свои въ покоѣ и съ надеждою, что всѣ ухищренія варваровъ не превозмогутъ твердыни Ордена.

Около сего времени, а именно въ 1430 году, учрежденъ Филиппомъ, по прозванію *Добрымъ*, Герцогомъ Бургундскимъ, или Бургонскимъ, Орденъ *Златаго Руна*, донынѣ продолжающійся и сохранившій древнее къ себѣ уваженіе. Въ началѣ числу Кавалеровъ сего ордена опредѣлено было состоять токмо изъ 31: но въ послѣдствіи произошли въ томъ и въ другихъ обстоятельствахъ разныя перемѣны. О цѣли и самомъ наименованіи сего ордена были многіе толки: но какъ онъ не имѣетъ особливой связи съ нашимъ орденомъ Іоанновскимъ, то мы и не намѣрены входить въ подробное описаніе онаго *).

*) Упомянувъ мимоходомъ о семъ Ор-

По кончинѣ Флувіана въ великіе Магистры избранъ былъ братъ *Іоаннъ* де *Ластикъ*, великій Пріоръ 1437. Іоаннъ Ластикъ

денѣ, приведемъ мы здѣсь слѣдующее показаніе объ ономъ изъ извѣстной книги Θеатрона:

„Чинъ воиновъ злашаго Руна отъ „Филиппа, проименованіемъ Бона, „Бургундскаго Князя, на брацѣ, его-„же онъ со Изавелею, Короля Пор-„шугальскаго дщерію, творилъ, уста-„вленъ лѣта Христова 1430. — Нѣ-„цыи разумѣютъ, яко сей чинъ на-„чался въ подражаніе Гедеона, иже „веселымъ прознаменованіемъ руна, „съ 300 избранныхъ мужей, Мадіами-„товъ побѣдилъ: но самъ основатель „сего чина, въ грамашѣ установленія, „отъ злашаго Язонова руна наречен-„ныхъ быши повѣствуетъ. — Чтоже „до Язонова руна належитъ, разу-„мѣетъ Суида оное быши книгу пар-„гаминовую, въ нейже написанъ бысть „чинъ содѣловати злато чрезъ уче-„ніе Химическое. Иніи разумѣютъ „быши руно овна, еже, злашомъ обло-

Іоаннъ Ластикъ

Овернской. Тотчасъ по вступленіи его въ сіе достоинство пришли изъ Египта новыя извѣстія,

---

„женное, въ капищѣ Іовиша на острові Колхидскомъ повѣшенное бысть, „стрегущу неусыпному дракону, еже „Язонъ, отъ Медеи наученъ, отнеслъ.

„Въ воспоминаніе убо крѣпчайшаго „вождя и изряднѣйшихъ воевъ, ихже „съ собою имѣлъ, сіе дружество Ка„валерское установлено бысть, да „до подобныя добродѣтели воини воз„буждаются. Сего ради такожде „симъже златое руно дается на зла„той цѣпи, сіесть: изображеніе руна „овніяго златаго съ шапкою Княже„скою.

„Число сего чина Кароль пятый „умножилъ; нынѣ же въ чинъ сей не „пріемлются, токмо Кесари, Коро„ли и Князи. Умершу златаго Руна „Кавалеру, цѣпь его до Магистра, „иже есть Король Ишпанскій, при„носится, и отъ него наслѣднику „дается.„ *Θеатрон. Исход.* 4. *вѣк. XV. стр.* 381.

что Султанъ приготовляется къ совершенію гордыхъ своихъ замысловъ, съ тѣмъ еще прибавленіемъ, что и Амуратъ II, завидуя могуществу Ордена, хочетъ помочь ему въ семъ предпріятіи. Наконецъ война дѣйствительно возгорѣлась, и Султанъ началъ оную нападеніемъ на Шато-ру, небольшой островъ, принадлежавшій Ордену, которымъ онъ и владѣлъ. Къ осени, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, Сарацынской флотъ появился на высотѣ Родоса: но нашелъ вездѣ берега такъ хорошо прикрытыми и морскую силу Ордена въ такой готовности, что не могъ предпринять никакого завоеванія. Маршалъ Орденской, принявшій начальство надъ флотомъ, вышелъ съ онымъ изъ гавани и предложилъ Сарацынамъ бой: но они, не смотря на превосходство свое въ силѣ, отретировались прочь, и между фло-

Іоаннъ Ластикъ

тами, кромѣ пустой перестрѣлки, ничего не произошло важнаго. Къ вечеру непріятель поворотилъ назадъ, и пошелъ къ острову Ланго. Маршалъ, предусмотря его намѣреніе, пустился самъ въ тотъже путь, и съ помощію искуснѣйшихъ гребцовъ и опытныхъ мореходцовъ, предупредилъ непріятеля своимъ туда приходомъ. Египетской Адмиралъ изумился нашедши здѣсь Маршала столь неожидаемо и притомъ въ совершенномъ боевомъ порядкѣ. Онъ принужденъ былъ оставить и сей свой планъ, и вбѣжалъ въ одну Турецкую гавань. Построивъ тамъ изъ судовъ своихъ твердую батарею, онъ остался тутъ, въ надеждѣ, что Христіянской флотъ не осмѣлится атаковать его въ семъ положеніи. Но Орденской Адмиралъ доказалъ варварамъ, что Христіянскіе воины не боятся ни числа непріятелей,

ни силы укрѣпленій; онъ атаковалъ Сарацынской флотъ не взирая на страшное его ополченіе, и побилъ невѣрныхъ до 700 человѣкъ съ потерею своихъ только шестидесяти. Но какъ положеніе непріятеля, вспомоществуемаго самими жителями того острова, въ гавани котораго онъ укрѣпился, уничтожало всю возможность къ преодолѣнію его, и какъ оставаться на долго такъ далеко отъ своихъ портовъ было для Христіянъ опасно: то Маршалъ, удовольствовавшись тѣмъ, что разрушилъ всѣ намѣренія невѣрныхъ и привелъ ихъ самихъ въ робость, покрытый славою и пятью ранами, свидѣтельствовавшими о его подвигахъ, возвратился обратно въ Родосъ. По уходѣ его вышли и Сарацыны изъ гавани, и возвращаясь назадъ, на пути своемъ мимо Кипра, раззорили одно Коммандорство

Іоаннъ Ластикъ

орденское на семъ островѣ: чѣмъ и кончилось все страшное ихъ вооруженіе.

Султанъ не оставлялъ однакожъ своего намѣренія; а великій Магистръ не давалъ усыплять себя безпечностію. Европейскія державы, напуганныя страшными силами Амурата II. и Султана Алдагера и неудачными слѣдствіями толь частыхъ крестовыхъ походовъ, при томъже будучи сами всѣ почти въ войнѣ между собою, на всѣ настоянія великаго Магистра о помощи отвѣчали одними пустыми соболѣзнованіями и увѣреніями. Греческой Императоръ Іоаннъ Палеологъ одинъ заключилъ съ Орденомъ союзный оборонительный и наступательный трактатъ: но будучи самъ до того притѣсненъ Турками, что у него едва оставалась одна столица съ ея округомъ, былъ слабъ подать

ему дѣятельную помощь. И такъ Орденъ оставленъ былъ собственной своей защитѣ. — При сихъ обстоятельствахъ великій Магистръ употребилъ все попеченіе, какое только ему возможно было, о приведеніи себя въ лучшее оборонительное состояніе; заложилъ новыя крѣпости, построилъ вновь магазины, собралъ въ Родосъ всѣхъ Кавалеровъ, и вооружилъ всѣхъ жителей, кто только могъ носить оружіе, и всюду обращалъ неусыпное бдѣніе и труды.

Между тѣмъ Султанъ Египетской искалъ убавить число своихъ непріятелей. Въ семъ намѣреніи заключилъ онъ трактатъ о неупралитетѣ съ Королемъ Кипрскимъ, и даже съ Кавалеромъ Фантиномъ Квирини, великимъ Адмираломъ Орденскимъ и Ноблемъ Венеціянскимъ, начальствовавшимъ на островахъ Ланго и Ниццарѣ,

Іоаннъ Ластикъ

котораго боялся онъ особливо по тому, что чрезъ него могъ подвигнуть противъ себя и Республику Венеціянскую. Кавалеръ Квирини согласился съ Султаномъ въ неутралитетѣ, съ согласія самаго Ордена, для той мнимой выгоды, что чрезъ то они могутъ избѣгнуть лишнихъ издержекъ, какихъ бы потребовало укрѣпленіе и защищеніе сихъ острововъ.

Въ продолженіе происходившихъ о томъ переговоровъ, которые казалось имѣли цѣлію всеобщій

1444. Августа.

миръ, явился паки у Родоса многочисленный Египетскій флотъ, и высадилъ на берегъ 18000 пѣхоты со множествомъ конницы и Мамелюковъ, которые пошли прямо къ главному городу, и осадили его; флотъ же блокировалъ между тѣмъ гавани. Лѣтописи сего времени не представляютъ никакого подробнаго описанія сей осады; извѣ-

стно только, что Сарацыны, по многихъ безплодныхъ приступахъ, лишась на оныхъ лучшихъ своихъ воиновъ, принуждены были вторично оставить свое предпріятіе.

Іоаннъ Ластикъ

Извѣстіе о сей знаменитой побѣдѣ побудило многихъ молодыхъ дворянъ, особливо во Франціи и Испаніи, искать лавровъ подъ знаменами Ордена. Сіе пріумноженіе силъ было тѣмъ желательнѣе, что Орденъ въ сраженіяхъ съ невѣрными лишился многихъ храбрыхъ членовъ своихъ. Но умноженіе силы требовало умноженія и способовъ къ содержанію оной; и такъ въ держанномъ слѣдующаго года капитулѣ опредѣлено было сдѣлать надбавку въ респонсіяхъ на пять лѣтъ и запретить Пріорамъ принимать въ Кавалеры больше того числа, какое Орденъ содержать могъ. Между тѣмъ въ слѣдующемъ году возпослѣдовалъ и

Іоаннъ Ластикъ

миръ, который Ордену доставилъ одинъ знаменитый купецъ, бывшій потомъ Казначеемъ Короля Французскаго Карла VII. по имени Жакъ Кіоръ. Во Франціи никогда, ни прежде, ни послѣ, не было толь знаменитаго купца, который бы довелъ коммерцію свою до такой степени величія. Цѣлые флоты были въ его обладаніи, и болѣе 300 факторій, или конторъ, имѣлъ онъ въ разныхъ мѣстахъ Европы и Азіи. Одинъ изъ его факторовъ произвелъ сей миръ.

Но радость, какую получилъ великій Магистръ отъ заключенія
1448. сего мира, скоро прервана была печальными обстоятельствами внутреннихъ раздоровъ въ Орденѣ. Коммандоры, недовольные прибавкою получаемыхъ съ нихъ респонсій, принесли жалобу на то Папѣ какъ на притѣсненіе и покушеніе противъ правъ ихъ со стороны

властолюбія великаго Магистра. Папа Николай V, не разобравъ несправедливости сей жалобы, отправилъ грозное посланіе о томъ къ великому Магистру. Сей почтенный мужъ сообщилъ оное Совѣту и вмѣстѣ съ онымъ отвѣтствовалъ Папѣ, хотя въ почтительныхъ выраженіяхъ, но съ тою твердостію, какую истинна и справедливость всегда внушаютъ благороднымъ душамъ. Онъ представилъ Николаю: — что Папа Евгеній IV, предшественникъ его, разсмотрѣвъ счеты издержекъ Ордена, учиненныхъ во время осады Родоса, аппробовалъ самъ прибавку респонсій для оплаты накопившихся чрезъ то долговъ, и что жалующіеся на сіе разпоряженіе Совѣта недостойны носить креста, коимъ хотятъ украшаться; — „люди„ писалъ онъ „не видавшіе Ро„доса, или заглянувшіе только

Іоаннъ Ластикъ

Іоаннъ Ластикъ

„въ него и удалившіеся прочь, дабы освободиться отъ строгой „дисциплины орденской, а можетъ „быть и чтобъ избѣжать военныхъ опасностей, страшныхъ робкимъ душамъ и ужасныхъ трусливому сердцу, особливо въ толь „убійственную осаду, каковую выдержалъ Родосъ, думаютъ предписывать законы самому Ордену.„

„Большая часть сихъ слабыхъ „душъ„ продолжалъ великій Магистръ „вмѣсто того, чтобъ по „крайней мѣрѣ жить въ своихъ Командорствахъ и отправлять служеніе страннопріимства и призрѣнія бѣдныхъ, утопаютъ въ роскоши и удовольствіяхъ при Римскомъ „дворѣ: почему онъ и проситъ Его „Святѣйшество выслать всѣхъ таковыхъ къ своимъ мѣстамъ и „въ главное мѣстопребываніе Ордена, дабы они научились примѣромъ братьевъ своихъ лучше испра-

„влять свое званіе, и узнали бы, „какова должна быть жизнь истин- „наго рыцаря святаго Іоанна.„

Сіе негодованіе великаго Магистра на возмутившихся противъ него братьевъ было тѣмъ справедливѣе, что въ Родосѣ уставы и правила Орденскія наблюдаемы были еще со всею строгостію, какъ должно въ монашескомъ орденѣ. Отвѣтъ сей подписанъ былъ всѣмъ Совѣтомъ, и Папа послѣ того умолкъ.

Но какъ многіе Коммандоры Европейскіе, пользуясь отдаленностію мѣста, продолжали и за симъ упорствовать въ отрицаніи своемъ платить прибавочныя респонсіи: то Совѣтъ принужденнымъ нашелся употребить противъ нихъ всю строгость правосудія, и поручилъ великому Магистру полную власть въ наказаніи виновныхъ. Сей почтенный старецъ долго отказывался отъ сего полномочія,

Іоаннъ Ластикъ

опасаясь подать чрезъ то соблазнъ и примѣръ къ самовластію будущимъ великимъ Магистрамъ: но Совѣтъ непремѣнно настоялъ въ своемъ опредѣленіи и предоставилъ ему власть диктаторскую. Мудрость и твердость духа сего великаго Магистра скоро оправдала довѣренность къ нему его братьевъ. Онъ рѣшительно объявилъ, что всѣхъ тѣхъ, которые въ назначенный срокъ не заплатятъ своихъ респонсій, лишитъ онъ не только Коммандорствъ ихъ, но и самой орденской одежды; и какъ всякой зналъ, что онъ былъ непоколебимъ въ справедливыхъ своихъ требованіяхъ: то всѣ мятежные Коммандоры, устрашась сего наказанія, возвратились къ своему долгу.

Но какъ для оплаты долговъ и для издержекъ на необходимыя нужды Ордена, до наступленія назначеннаго срока, не доставало

еще знатныхЪ суммЪ: то сей великій МагистрЪ, какЪ чадолюбивый отецЪ, взялЪ оныя изЪ собственнаго своего имущества. Первое употребленіе его новой своей власти было то, что онЪ сЪ радостію пожертвовалЪ доходами, присвоенными его достоинству, на содержаніе бѣдныхЪ, неимущихЪ, и войскЪ, которыя имѣлЪ ОрденЪ вЪ разныхЪ островахЪ своихЪ: а чтобы злонамѣренные не возпользовались его щедростію, то онЪ всѣмЪ пребывавшимЪ вЪ Родосѣ КоммандорамЪ и получавшимЪ отЪ КоммандорствЪ своихЪ по сту талеровЪ золота запретилЪ требовать болѣе сего изЪ казны Орденской на свое содержаніе. Іоаннъ Ластикъ

Но скоро важнѣйшія обстоятельства отвлекли сію попечительность великаго Магистра о домашнемЪ благоустройствѣ кЪ другимЪ предметамЪ. — При раз-

Іоаннъ Ласшикъ

сшройкѣ орденскихъ доходовъ великій Магисшръ, опасаясь разрыва съ Турками, ошправилъ пословъ къ царсшвовавшему шогда Амурашу II. съ предложеніемъ о возобновленіи прежде сущесшвовавшихъ между ними шракшашовъ. Амурашъ охошно на шо согласился, пошому чшо самъ былъ въ шѣсныхъ обсшояшельсшвахъ ошъ сосшавившагося прошивъ него между Хрисшіянскими Государями сильнаго союза, главами кошораго были Король Венгерской, славный Іоаннъ Гуніадъ, воевода Седмиградской, и Князь Волошской. Къ нимъ присоединился шакже Уссун-Гассанъ, Шахъ Персидской: но сшрашнѣйшимъ изъ всѣхъ непріяшелемъ Амурашу былъ Скандербергъ, Князь Албанской.

Албанія, кошорой жишели и нынѣ едва ли шочно сосшояшъ въ подцансшвѣ у Поршы, есшь

провинція Европейская, лежащая вЪ горахЪ и почти неприступная для непріятеля, худо знающаго мѣстоположеніе ея. АмуратЪ, предпріявЪ завоеваніе оной, побѣдилЪ Іоанна Кастріота, Князя Албанскаго, и принудилЪ его, вЪ залогЪ вѣрности, отдать ему трехЪ сыновей своихЪ Константина, Георгія и Іоанна, которыхЪ вЪ противность заключенныхЪ сЪ ІоанномЪ обязательствЪ, онЪ обрѣзалЪ и воспиталЪ вЪ законѣ Магометанскомъ. Несчастный отецЪ, узнавЪ о семЪ, умерЪ сЪ печали; а АмуратЪ, подЪ предлогомЪ сохраненія Княжества сего для наслѣдниковЪ, овладѣлЪ всею Албаніею и ввелЪ вЪ крѣпости ея свои гарнизоны.

По исполненіи сего онЪ велѣлЪ умертвить двухЪ старшихЪ Іоанновыхъ сыновей: но красота и величественный видЪ младшаго заставили Амурата пощадить его

Іоаннъ Ластикъ

отъ подобной казни; и онъ удовольствовался тѣмъ, что велѣлъ его строго воспитывать въ законѣ Магометанскомъ и опредѣлилъ солдатомъ въ свою гвардію.

Какъ скоро онъ пришелъ въ тѣ лѣта, что могъ носить оружіе, то Амуратъ взялъ его съ собою на войну; и въ первомъ походѣ молодой Кастріотъ оказалъ уже столько опытовъ храбрости и воинственнаго духа, что Амуратъ прозвалъ его *Скандербергомъ* — имя, которое даютъ Турки Александру великому. — Скандербергъ не обманулъ надежды Амуратовой и дѣйствительно оказалъ себя великимъ воиномъ, превзошедшимъ даже чаяніе самаго Амурата, затмившимъ потомъ блескъ его славы и отнявшимъ у него постоянную благосклонность военнаго счастія. Воспоминаніе Албаніи, воспоминаніе отеческой вѣры и участи сво-

ихъ братьевъ, воображеніе прежняго достоинства и представленіе настоящаго своего состоянія столько занимали душу Кастріотову, что всѣ милости Султанскія не могли изгладить изъ мыслей его сего глубоко врѣзавшагося впечатлѣнія. Природная острота его скоро доставила ему способъ произвесть въ дѣйство тайныя свои помышленія. Іоаннъ Ластикъ.

Обожаемый войсками Скандербергъ умѣлъ скоро найти въ нихъ столько къ себѣ приверженныхъ, что могъ смѣло отважиться на всякое предпріятіе. Оградясь сими преданными ему людьми, въ одинъ день захватилъ онъ въ одной деревенькѣ Секретаря Амуратова, и принудилъ его силою написать къ Коменданту Крои, столичнаго города Албаніи, Султанской указъ, повелѣвающій сдать ему начальство надъ крѣпостью. А чтобы

совершенно скрыть сію тайну, онъ тотчасъ заколол потомъ сего Амуратова Министра и всю его свиту, и поскакалъ въ Крою. Комендантъ принялъ его со всѣмъ уваженіемъ, какъ слѣдовало принять вручителя Султанской грамматы, и повиновался оной. Скандербергъ ночью ввелъ тайно въ крѣпость 300 человѣкъ своихъ единомышленныхъ, и овладѣвъ совершенно городомъ, былъ провозглашенъ отъ Албанцовъ законнымъ Княземъ и обладателемъ ихъ.

Большая часть Христіянскихъ Государей отправили къ нему пословъ съ поздравленіями о вступленіи его на отеческой престолъ: а Венеціянская республика, видя въ областяхъ его ограду своимъ собственнымъ, прислала сверьхъ того ему и денежныя пособія для набору войскъ. Скандербергъ не долго имѣлъ въ нихъ недостатокъ;

Албанцы, отъ природы народъ военный, стекались къ нему толпами, и онъ скоро набралъ себѣ корпусъ изъ 8000 пѣхоты и 7000 конницы. Съ симъ маловажнымъ корпусомъ, при помощи горъ и узкихъ проходовъ, онъ разбилъ четыре арміи Амуратовы.

Іоаннъ Ласшикъ

Амуратъ, которому побѣда до сихъ поръ не измѣняла, приписалъ сіе несчастіе неискусству своихъ полководцовъ, и принялъ самъ команду надъ своею арміею. Вошедъ въ земли Скандерберговы, онъ овладѣлъ нѣсколькими мѣстечками и шелъ впередъ не щадя крови ни непріятелей, ни своихъ собственныхъ воиновъ. Въ семъ походѣ находился при немъ сынъ его Магометъ, молодой воинъ, котораго храбрость и мужественный духъ побудили Амурата раздѣлить съ нимъ государственное правленіе.

Іоаннъ Ластикъ

Оба Султана готовились осадить Крою, и для большей вѣрности успѣха заключили трактатъ съ Венеціянами, въ которомъ республика обязалась не подавать никакой помощи Князю Албанскому. Таже причина и тоже опасеніе побудили Амурата возобновить мирные трактаты и съ великимъ Магистромъ.

Осада Крои имѣла однакожъ неблагопріятныя слѣдствія для Турковъ. Амуратъ принужденъ былъ оную снять; и Скандербергъ, преслѣдуя его въ ретирадѣ, истребилъ большую часть его войскъ. Огорченный сею неудачею и удрученный старостію Амуратъ впалъ въ жестокую болѣзнь, и чрезъ пять, или шесть мѣсяцовъ послѣ того, умеръ въ Адріанополѣ. — Смерть сего Султана оплакиваема была всѣми его подданными, и самыми Христіянами, особливо когда сра-

внивали они правленіе его съ правленіемъ его преемника, храбраго, мужественнаго принца, одного изъ величайшихъ завоевателей, но жестокаго, вѣроломнаго и кровожаднаго тирана.

Іоаннъ Ластикъ

Связь его исторіи съ исторіею Ордена побуждаетъ насъ описать нѣсколько подробнѣе сего Султана. Магометъ II, вступившій на престолъ отца своего на 21 году своего возраста во всемъ уже блескѣ славы, былъ изъ числа тѣхъ владыкъ земныхъ, которые не знаютъ честолюбію своему мѣры, и не полагаютъ власти своей предѣловъ. Безъ вѣры, безъ нѣжности сердечной, онъ столькоже мало уважалъ алкоранъ, какъ и Евангеліе; и по правиламъ его два только божества заслуживали обожаніе — *Счастіе* и *Побѣда*. Посланники изъ всѣхъ странъ востока явились къ нему съ поздравленіями

и предложеніями союза. Магометъ, дабы усыпить ихъ осторожность, осыпалъ всѣхъ ласками и заключалъ со всѣми мирные трактаты. Но какъ завоеваніе Константинополя было первою цѣлію его честолюбія, то первому Греческому Императору оказалъ онъ свою невѣрность. Готовясь къ сему своему предпріятію, вздумалъ онъ, дабы заградить Константинополю всѣ пути къ полученію помощи какъ съ твердой земли, такъ и съ Чернаго моря, заложить крѣпость на Европейскомъ берегу Константинопольскаго пролива. Константинъ, устрашенный симъ явнымъ оказательствомъ его намѣренія, отправилъ къ нему посольство съ жалобою на сіе нарушеніе мирныхъ трактатовъ: но Магометъ коварно отвѣчалъ ему: что крѣпость сію строитъ онъ единственно для отраженія набѣ-

говъ общихъ ихъ непріятелей, Родосскихъ Кавалеровъ, и для обезпеченія отъ нихъ обѣихъ Имперій. Когдажъ посланники стали настоять въ своей претензіи, то Магометъ гордо объявилъ имъ: что *естьли кто осмѣлится ему въ томъ прекословить, то онъ съ перваго того велитъ содрать съ живаго кожу.* Іоаннъ Ластикъ

Изготовясь совсѣмъ къ походу, выступилъ онъ съ своею многочисленною арміею и осадилъ Константинополь. Осада сія есть одна изъ достопамятнѣйшихъ во всей исторіи восточной Имперіи. Султанъ прибылъ въ лагерь 2 Апрѣля. Армію его полагали въ 300000 человѣкъ, кромѣ флота, состоявшаго изъ 250 судовъ разной величины, на коемъ посажено было 24000 войска. Противъ толь страшной силы въ Константинополѣ едва находилось 6000 собственнаго войска, и около 3000 чу- 1453.

Іоаннъ Ластикъ

жестраннаго съ волонтерами. Хотя сіе счисленіе покажется удивительнымъ по пространству города и множеству жителей; но надлежитъ намъ припомнить, что жители его были не тѣ Греки, славные разумомъ, храбростію и любовію къ отечеству: но такіе, у которыхъ торговля и корысть составляла ихъ душу. Здѣсь всякой думалъ только о своемъ прибыткѣ, о барышахъ; а не о пожертвованіяхъ жизнію, или имѣніемъ. Константинополь наполненъ былъ купцами, монахами и попами, и по большей части такими корыстолюбцами, которые вмѣсто вспомоществованія богатствомъ своимъ своему Государю, закапывали оное въ землю и прятали деньги въ скрытныя мѣста. — Не завидуемъ мы тѣмъ тщеславнымъ націямъ, коихъ величіе основывается на корыстныхъ разчетахъ при-

Іоаннъ Ластикъ

бытка и торговыхъ барышей; охотно оставляемъ имъ успѣвать въ искусствѣ умножать свои корысти на счетъ прочихъ добрыхъ свойствъ благоустроенныхъ націй. Любовь къ прибытку, склонность къ корысти ослабляютъ мужественную силу духа частнаго человѣка и цѣлыхъ народовъ; отравляютъ жизненные соки души, — благородныя свойства, превосходныя качества ея. — Главное основаніе великой души — безкорыстіе, пожертвованіе собою и своимъ — никакъ не совмѣстно съ низкою душою сребролюбца, прикованною къ своимъ выгодамъ и барышамъ; и какъ великіе люди, такъ и великія имперіи не сими побужденіями двигались къ достиженію могущества и величія. Источникъ просвѣщенія, чудный Египетъ, славная мудростію и добродѣтелями Греція, знаменитый храбростію и

Іоаннъ Ластикъ

твердостію духа Римъ, и удивляющая насъ древностію и крѣпостію своею Китайская Имперія не отъ любостяжанія заимствовали свою славу, великость, знаменитость и прочность. Напротивъ того корыстные виды служатъ пагубою для частныхъ людей и цѣлыхъ государствъ; ибо они суть отрава всѣхъ благородныхъ свойствъ человѣческаго духа: а потому мы пожелаемъ лучше бо́льшаго просвѣщенія, бо́льшаго очищенія нравовъ и бо́льшаго избыточества въ общественныхъ добродѣтеляхъ, нежели приращенія богатства и умноженія прибытковъ. — Греки и нынѣ живутъ подъ тоюже полосою неба: но Греки нынѣ купцы, и — уже не воины, не философы, не герои въ добродѣтеляхъ.

И такъ не удивительно, что Константинополь, лишенный силъ и способовъ, не могъ устоять

противъ усилій Магомета. Чрезъ 42 дни, по начатіи осады, сей городъ былъ взятъ. Константинъ захотѣлъ лучше умереть защищая престолъ и вѣру, нежели отдаться въ руки невѣрныхъ. Едва ли когда происходило толь плачевное и ужасное зрѣлище, какъ при взятіи сего города. Болѣе 40000 человѣкъ пали отъ меча, и 60000 проданы въ неволю. Ничто не избѣжало лютости и корыстолюбія побѣдителей. Знатнѣйшіе изъ Грековъ, вельможи, и самые принцы, взятые съ оружіемъ въ рукахъ, по повелѣнію Султана преданы были въ руки палачей; словомъ, все дышало варварствомъ и безчеловѣчіемъ.

Іоаннъ Ластикъ

Въ сіе время прелести одной молодой Гречанки, рѣдкой красоты и знатной породы, имѣвшей едва 16 лѣтъ и называвшейся Ириною, овладѣли неукротимымъ сердцемъ

Іоаннъ Ластикъ

Магометовымъ. Лютость его уступила на сей разъ родившейся склонности; онъ предался своей страсти, проводилъ дни и ночи съ Ириною, не показываясь ни Министрамъ, ни главнымъ чиновникамъ арміи, и взялъ Ирину съ собою и въ Адріанополь. Но самая война, бывшая доселѣ главною его страстію, не могла оторвать сердца его отъ прелестей молодой Гречанки. Онъ сталъ препоручать предводительство арміи своимъ военачальникамъ, и мало занимался пріобрѣтаемыми лаврами. Воины его скоро примѣтили сію перемѣну въ своемъ Султанѣ; увидѣли ясно, что война не есть уже первымъ его предметомъ, и между ними поднялся ропотъ, который становился опаснымъ. Мустафа Паша увѣдомилъ своего Государя о предстоявшей ему опасности. Магометъ, выслу-

шавъ донесеніе его, пребылъ нѣсколько времени въ молчаніи, разсуждая, что предпринять ему въ такомъ случаѣ; потомъ, какъ бы пробудясь отъ сна, приказалъ, чтобы онъ на завтра собралъ всѣхъ пашей и войски подъ предлогомъ смотра; и давъ сей приказъ, ушелъ самъ къ своей Иринѣ и пробылъ съ нею до слѣдующаго утра.

Іоаннъ Ластикъ

На завтра, по собраніи войскъ и чиновниковъ, онъ вывелъ ее предъ собраніе; и сдернувъ съ нея покрывало, съ горделивостію спросилъ окружавшихъ его вельможъ: видалъ ли кто красоту толь совершенную? Всѣ, по обыкновенію царедворцевъ, надрывались отъ похвалъ Иринѣ, находили ее безподобною, и поздравляли Султана съ симъ сокровищемъ. Тогда Магометъ, принявъ грозный видъ, и одною рукою взявъ молодую Гре-

Іоаннъ Ластикъ

чанку за волосы, другою вынувъ мечь, мгновенно отсѣкъ ей голову; и обратясь къ вельможамъ съ яростнымъ лицемъ, сказалъ: *Когда сей мечь можетъ разсѣкать любовныя узы, естьли я захочу: то чего могутъ отъ него ожидать дерзновенные, осмѣливающіеся возставать противъ моей воли?*

Ужасъ объялъ всѣхъ присутствовавшихъ; каждый воображалъ себѣ пагубный сей мечь висящимъ надъ его головою; и дѣйствительно первый Мустафа, въ награду за свою вѣрноподданническую ревность, учинился жертвою Магометова мщенія. Подъ предлогомъ нѣкоторыхъ маловажныхъ преступленій онъ велѣлъ его удавить въ сералѣ, и потомъ мало по малу истребилъ всѣхъ тѣхъ, которые возмутительнымъ своимъ ропотомъ прервали его наслажденіе и возбудили прежнюю ярость.

Не прошло и шести мѣсяцовъ по завоеваніи Константинополя, какъ сей гордый Султанъ послалъ къ великому Магистру посланника, или герольда съ требованіемъ, чтобы онъ призналъ его за своего повелителя и Государя, и платилъ бы ему впредь ежегодно дань по 2000 червонныхъ: въ противномъ случаѣ посланникъ уполномоченъ былъ объявить ему войну.

Іоаннъ Ластикъ

Великій Магистръ, потребовавъ мнѣнія у Совѣта, отвѣчалъ послу его: что Орденъ, состоящій изъ военно-монаховъ, по званію своему зависитъ единственно отъ главы церкви; — что предки ихъ пріобрѣли Родосъ и сосѣдственные острова оружіемъ, храбростію и кровію своею; — что ни одинъ Государь не оспоривалъ у нихъ обладанія ими; и что принявъ сей залогъ отъ своихъ предшественниковъ, братья его пожертвуютъ

самою жизнію для сохраненія своей свободы и независимости. Предвидя же, что толь твердый отвѣтъ обратитъ оружіе Султана противъ Родоса, великій Магистръ прибѣгнулъ къ Христіянскимъ Государямъ. Коммандоръ Добюссонъ, изъ языка Овернскаго, назначенъ былъ посланникомъ къ Карлу VII, царствовавшему тогда во Франціи, и сей выборъ былъ послѣднимъ подвигомъ сего великаго Магистра; ибо вскорѣ послѣ сего онъ умеръ въ глубокой старости, правя кормиломъ Ордена въ самыя трудныя и смутныя времена съ такимъ же благоразуміемъ, какъ и мужествомъ.

Іаковъ Мильи — 1454. Іюня 1.

Братъ *Іаковъ Мильи*, великой Пріоръ Овернской, избранъ былъ ему преемникомъ. — Какъ онъ находился въ отсутствіи, въ своемъ пріорствѣ, то Орденъ отправилъ къ нему племянника его съ извѣ-

Іаковъ Мильи

стіемъ о его избраніи и съ прозьбою о поспѣшеніи своимъ прибытіемъ; и едва сей великій Магистръ прибылъ въ Родосъ, то показались въ водахъ его тритцать Турецкихъ галеръ, за коими слѣдовалъ многочисленнѣйшій флотъ. Магометъ, не успѣвши въ осадѣ Бѣлграда, отъ котораго славный Іоаннъ Гуніадъ, полководецъ Владислава, Короля Венгерскаго, отразилъ многократныя его нападенія, обратилъ оружіе противъ островов Христіянскихъ, и произвелъ разныя опустошенія въ Симіи, Ланго, Леро, Каламо, въ Ницларѣ и въ самомъ Родосѣ, не достигши однако главной своей цѣли, покоренія оныхъ. Орденъ, хотя оставленъ былъ единственно собственной своей защитѣ, при всемъ томъ однакожъ не только дѣлалъ вездѣ сильные отпоры страшному сему непріятелю, но еще далъ покро-

Іаковъ Мильи

вительство свое острову Кипру: гдѣ наслѣдовавшая по смерти Короля Іоанна Лузиньяна дочь его съ мужемъ Людовикомъ, Герцогомъ Савойскимъ, притѣсняема была отъ побочнаго сына покойнаго Короля, вспомоществуемаго Султаномъ Египетскимъ. Чрезъ сію помощь Орденъ получилъ себѣ, сверьхъ Императора Турецкаго, новаго еще непріятеля въ Султанѣ Египетскомъ. — Бѣгство Королевы, преодолѣнной своимъ соперникомъ, въ Родосъ подъ защиту Ордена, и переходъ Кипра подъ власть Венеціянъ доставили Ордену третьяго страшнаго непріятеля, республику Венеціянскую, приславшую флотъ изъ 42 галеръ, который блокировалъ Родосскую гавань и грозилъ осадою городу, естьли Орденъ не выдастъ плѣнныхъ Сарацынъ, съ которыми республика вступила въ союзъ. — Къ симъ бѣдствіямъ

присоединились еще внутренніе раздоры. Кавалеры языковЪ Испанскаго, Италіянскаго, Англинскаго и НѣмецкагО жаловались вЪ генеральномЪ Капитулѣ, что знатнѣйшія достоинства вЪ Орденѣ, особливо чинЪ ГенералЪ-Капитана, отдаваемы были всегда языкамЪ ФранцузскимЪ: кавалерыже Французскихъ языковЪ утверждали справедливость сего своего предпочтенія тѣмЪ самымЪ, что они были основатели Ордена, и что прочіе языки, вЪ послѣдствіи временЪ кЪ Ордену присоединенные, обязаны своимЪ участіемЪ имЪ, и должны почитать ихЪ за отцовЪ Ордена. РаздорЪ сей усилился до того, что ПрокурорЪ языка Аррагонскаго, бросивЪ кЪ ногамЪ великаго Магистра аппелляцію на таковое притѣсненіе кЪ Папѣ, вышелЪ шумно сЪ братьями своими изЪ Капитула и выѣхалЪ изЪ города. —

О семъ его поступкѣ Совѣтъ подалъ мнѣніе, чтобы предать его суду, яко бунтовщика: но благоразумная кротость великаго Магистра пощадила всѣхъ ихъ отъ наказанія, и тѣмъ избавила Орденъ отъ дальнѣйшихъ слѣдствій раздѣленія. Чрезъ посредничество старшихъ Кавалеровъ дѣло напослѣдокъ кончено было миролюбно, и недовольные возвратились къ своему долгу и къ своимъ мѣстамъ.

1461. Раймундъ Закоста

Но какъ Іаковъ Мильи вскорѣ потомъ умеръ, и на мѣсто его вступилъ *Петръ Раймундъ Закоста*, родомъ Кастилланецъ: то претензіи недовольныхъ снова возродились, и прекращены были токмо учрежденіемъ новаго языка для Кастилланцовъ. Такимъ образомъ составился въ Орденѣ восьмый языкъ, къ которому приписано было достоинство *великаго Канцлера*.

Между тѣмъ Магометъ вдругъ оказался склоннымъ къ миру. О требованной дани ни слова уже упоминаемо не было, и посланникъ великаго Магистра привезъ въ Родосъ подписанный мирный трактатъ, на два года постановленный. При семъ томъ вооруженія со стороны Турковъ продолжались неослабно, какъ на морѣ, такъ и на сухомъ пути, и никто не могъ проникнуть цѣли оныхъ. Кадилескеръ, любимецъ Султанской, отважившись однажды вопросить его о семъ предметѣ, получилъ въ отвѣтъ отъ Магомета: что *естьлибъ хотя одинъ волосъ его бороды узналъ сію его тайну: то онъ бы тотчасъ его вырвалъ и сжегъ.* Наконецъ тайна сія, содержавшая въ страхѣ всю Европу и Азію, открылась; Турки вошли въ Пендеракію, или древнюю Пафлагонію, завоевали Синопъ и Кастамону и покорили Требизундъ,

Раймундъ Закоста

Раймундъ Закоста

который и былъ главнымъ предметомъ вооруженія Магометова.

Спокойствіе, которымъ въ сіе время Орденъ наслаждался, доставило великому Магистру способъ обратить попеченіе свое на приведеніе въ бо́льшую безопасность города и гавани Родоса. Въ семъ намѣреніи онъ построилъ на выдавшейся въ море каменной горѣ новую крѣпость, названную *башнею святаго Николая*. Но сіе спокойствіе не долго длилось. Турецкіе корсары, не смотря на продолжавшееся еще перемиріе, не оставляли дѣлать набѣги на острова, принадлежавшіе Ордену. Великій Магистръ принесъ на сіе жалобу Султану: но какъ оная осталась безъ дѣйствія, то Кавалеры въ отплату стали и сами равномѣрно производить набѣги на Турецкіе берега. Магометъ, раздражась сею дерзновенностію Кавалеровъ, отважи-

вшихся равняться съ нимъ, поклялся выгнать ихъ изъ Родоса и истребить ихъ во всей Азіи; и во первыхъ обратилъ свое мщеніе противъ Лесбоса и другихъ Архипелажскихъ острововъ, дабы Кавалеры не могли получать оттуда помощи при осадѣ Родоса. Раймундъ Закоста

Островъ Лесбъ, или Лесбосъ, лежитъ въ восточной части моря Эгейскаго, и тогда находился подъ правленіемъ Греческаго Князя изъ дому Гаттилузіо. Магометъ, въ слѣдствіе своего плана, явился съ флотомъ предъ онымъ, и осадилъ Митилену, главный его городъ: но нашедъ гораздо сильнѣйшее сопротивленіе, нежели какого ожидалъ, — потому что великій Магистръ прислалъ къ союзнику своему достаточное подкрѣпленіе, и при храбромъ отпорѣ Лесбійцовъ и Родосцовъ Магометъ самъ едва не подвергся плѣну — упо-

требилъ хитрость къ достиженію того, чего не могъ получить оружіемъ. Визирь его умѣлъ склонить племянника Гаттилузіева сдать ему городъ, обѣщая возвесть его на мѣсто дяди. Но Магометъ, не державшій никогда своего слова, даваемаго плѣнникамъ, заставилъ потомъ обоихъ Гаттилузіевъ отречься отъ своей вѣры, и вмѣсто возведенія племянника на престолъ дяди, возвелъ обоихъ ихъ на эшафотъ и отрубилъ имъ головы, взявъ предлогомъ къ тому прогулку ихъ за городъ, и растолковавъ оную за умыселъ ихъ къ побѣгу.

Всѣ сіи обстоятельства побудили великаго Магистра усугубить бдительность и попеченіе свое о безопасности Родоса. Онъ сдѣлалъ новый созывъ генеральнаго капитула, и разослалъ ко всѣмъ членамъ Ордена повелѣніе пріѣхать въ Родосъ и привезть съ собою

недоимочныя респонсіи и годовые взносы. Но вмѣсто повиновенія сему вызову многіе Коммандоры жаловались, что великій Магистръ принуждаетъ ихъ къ толь дальнему и убыточному путешествію и налагаетъ на нихъ такіе чрезмѣрные поборы единственно изъ пустаго ребяческаго страха. Наконецъ убѣдили они Папу Павла II. созвать Капитулъ вмѣсто Родоса въ Римъ. Великій Магистръ, не смотря на опасность, какой чрезъ отсутствіе его въ толь критическое время подвергался Родосъ, принужденъ былъ повиноваться и ѣхать въ Римъ. Оправданіе его предъ генеральнымъ Капитуломъ посрамило его обвинителей, и имѣло то слѣдствіе, что тотчасъ предприняты были строгія мѣры противъ ослушниковъ: но онъ умеръ въ Римѣ и погребенъ былъ въ церкви св. Петра. — Преемникомъ ему из-

Раймундъ Закоста

Іоаннъ Баптистъ Урсинъ

бранъ отъ Римскаго генеральнаго Капитула Римскій Пріоръ *Іоаннъ Баптистъ Орсини*, или *Урсинъ.*

По прибытіи въ Родосъ сего новаго великаго Магистра, со множествомъ взятыхъ имъ съ собою храбрѣйшихъ и опытнѣйшихъ кавалеровъ изъ всѣхъ языковъ, заложены были на островѣ новыя укрѣпленія. Братъ Петръ Добюссонъ, искуснѣйшій инженеръ того времени, разпространилъ рвы вокругъ города и построилъ каменную стѣну на приморской сторонѣ онаго: но всѣ сіи мѣры предосторожности не защитили бы Родоса отъ страшной силы Магометовой, естьлибъ моровая язва, опустошавшая Константинополь, не остановила сіе предпріятіе. Она была причиною, что Магометъ выслалъ въ море только 30 галеръ, которыя, обезпокоивая берега орденскихъ острововъ, опустошили нѣкоторыя

селенія на оныхъ и забрали нѣсколько жителей въ плѣнъ; впрочемъ не могли произвесть ничего важнаго: ибо варвары вездѣ встрѣчали кавалеровъ, которые отражали всѣ ихъ покушенія и наконецъ разбили одинъ знатный корпусъ, высаженный на берегъ.

Раздраженный сею неудачею Магометъ собралъ армію изъ 120000 человѣкъ и снарядилъ флотъ изъ 300 парусовъ; и наблюдая систему своей политики, чтобы прежде покорить всѣ тѣ острова, откуда Родосъ могъ бы получить помощь, съ сими страшными силами пошелъ противъ острова Негрепонта, принадлежавшаго Венеціянской республикѣ. Республика предложила Ордену оборонительный и наступательный союзъ: но какъ прелиминарнымъ пунктомъ онаго полагалось, чтобы Орденъ отдалъ себя въ зависимость отъ респу-

Іоаннъ Баптистъ Урсинъ

блики и не предпринималъ бы ничего безъ ея согласія: то таковый союзъ справедливо былъ отвергнутъ. Великій Магистръ не отказалъ однакожъ въ помощи Негрепонту и послалъ туда свои галеры и войски.

Негрепонтъ, въ древности называвшійся *Эвбея*, имѣетъ въ окружности около 360 миль. Самая большая его широта около 40: меньшая около 20 миль. Съ твердою землею Віотіи, или Беоціи, раздѣляется онъ только узкимъ проливомъ, Эврипомъ называемымъ. Аѳиняне столичный его городъ называли Халкидою: но послѣ назывался онъ именемъ всего острова.

Магометъ прибылъ къ берегу Эврипа, и перешелъ оный построя мостъ на судахъ, между тѣмъ какъ флотъ его подъ предводительствомъ Визиря Махмуда подошелъ съ другой стороны къ остро-

Іоаннъ Баптистъ Урсинъ

ву. Три нападенія были жителями счастливо отражены: но одинъ измѣнникъ указалъ слабое мѣсто въ крѣпостной стѣнѣ, куда невѣрные устремили всю свою артиллерію, и наконецъ пробили стѣну. Трусость Венеціянскаго Адмирала, не отважившагося дать рѣшительный бой Турецкому флоту, чрезъ что могъ бы еще онъ спасти городъ, помогла осаждающимъ овладѣть наконецъ онымъ и всѣмъ островомъ.

Венеціянской Проведиторъ Эррицо удержалъ еще за собою замокъ: но недостатокъ въ съѣстныхъ и военныхъ припасахъ принудилъ наконецъ и его войти въ переговоры. Онъ не хотѣлъ однакожъ отворить воротъ прежде, пока Султанъ не дастъ ему вѣрнаго слова, что *голова его останется на немъ цѣла.* Магометъ поклялся своею головою, что онъ не сниметъ головы съ него; и сей

храбрый военачальникъ напослѣдокъ сдался. Но Магометъ, ругавшійся всегда надъ плѣнными, и не державшій даннаго имъ слова, велѣлъ растесать Эррицо по поламъ, говоря съ насмѣшкою, что онъ тѣмъ не нарушилъ своего слова; *ибо голова Эррицова цѣла, а за бока его онъ не отвѣчалъ.*

Сей храбрый Венеціянинъ имѣлъ дочь, по имени Анну, рѣдкой красоты. Страшась, чтобы она не учинилась добычею неистовства солдатскаго, онъ умолялъ своихъ мучителей лишить ее жизни предъ его глазами: но красавица представлена была Султану, и красота ея плѣнила его сердце. Его Султанское Величество объявилъ ей сіе свое благоволеніе; но добродѣтельная Венеціянка отвергла всѣ его предложенія; и какъ ни ласками, ни дарами не могъ онъ смягчить ея суровости: то раз-

раженный симъ упорствомъ, перемѣнилъ любовь свою въ такую злобу, что самъ отсѣкъ ей саблею голову. Іоаннъ Баптистъ Урсинъ

Трудно изобразить всѣ лютости, какими варвары ознаменовали свое вступленіе въ Негрепонтъ. Весь островъ дымился кровію и огнемъ. Воины Турецкіе, въ глазахъ своего Государя, и по примѣру его, старались отличиться вящшимъ звѣрствомъ. Между тѣмъ Магометъ, досадуя на помощь, поданную Орденомъ Венеціянамъ, послалъ въ Родосъ герольда съ объявленіемъ войны, хвалясь наполнить островъ огнемъ и кровію, и поклявшись убить своею рукою великаго Магистра и истребить всѣхъ кавалеровъ, кои попадутся въ его руки.

Венеціяне между тѣмъ, озлобленные потерею Негрепонта, заключили союзъ съ Королями Арра-

Іоаннъ Баптистъ Урсинъ

гонскимъ и Неаполитанскимъ, съ Папою Павломъ II, съ Орденомъ Іоанновскимъ и съ республикою Флорентинскою; и дабы подвигнуть на Магомета еще страшнѣйшаго непріятеля, отправили посла въ Персію къ Уссун-Гассану. Сей Персидской Монархъ, давно съ завистію взиравшій на сильнаго соперника своего, охотно принялъ предложеніе, и тотчасъ отправилъ самъ посольство къ великому Магистру и къ республикѣ Венеціянской, дабы отчасти узнать: какого подкрѣпленія ожидать онъ можетъ отъ сихъ своихъ союзниковъ; отчасти, чтобы достать отъ нихъ огнестрѣльное оружіе и пушкарей, которыхъ въ арміи его еще не было. Магометъ, узнавъ о семъ посольствѣ, отправилъ и самъ посла къ Шаху, стараясь отвратить его отъ сего союза и представляя ему: что Государю правовѣрныхъ

Іоаннъ Баптистъ Урсинъ.

Музульманъ неприлично соединяться съ невѣрными Христіянами противъ такогожъ правовѣрнаго Государя. Но Уссун-Гассанъ остался твердъ въ своей рѣшимости, и Магометъ, раздраженный несклонностію его, самъ объявилъ ему войну и вошелъ въ его области съ арміею изъ 190000 человѣкъ.

Сія война между двумя толь сильными соперниками, долженствовавшая рѣшить господство ихъ надъ Азіею, продолжалась нѣсколько лѣтъ и вновь доставила отдыхъ Ордену. Впрочемъ сила Турецкая была столь велика, что не смотря на войну съ Персіею, могла еще противостоять соединеннымъ державамъ Христіянскимъ. — Кавалеры Родосскіе между тѣмъ умножали бдѣніе свое о защитѣ Родоса: старыя укрѣпленія были умножены новыми; для внутренняго порядка и соблю-

денія дисциплины, составлявшей всегда главнѣйшую подпору Ордена, предприняты были вновь нужныя поправки; и генеральный Капитулъ, собравшійся тогда въ Родосѣ, утвердилъ всѣ оныя.

Среди сихъ пріуготовленій умеръ великій Магистръ, и на мѣсто его вступилъ помянутый *Петръ Добюссонъ*, котораго общія желанія всѣхъ братьевъ призвали въ сіе званіе, и который многими опытами благоразумія своего, мужества и ревности къ Ордену, при прежнемъ еще великомъ Магистрѣ, пріобрѣлъ отъ всѣхъ великую довѣренность.

Петръ Добюссонъ

Въ началѣ его правленія внѣшнее спокойствіе Ордена счастливо продолжалось, и первое его стараніе было сохранить оное. Для защищенія Родоса отъ всякаго нападенія онъ заперъ гавань цѣпью и построилъ вокругъ въ разныхъ разстояніяхъ новыя башни и крѣ-

постцы; прочіе острова снабдилъ также достаточными прикрытіями и гарнизонами. Подъ правленіемъ столь искуснаго полководца и воина кавалеры презирали всѣ опасности: примѣръ его вливалъ во всѣхъ мужество, и подъ его предводительствомъ почитали они себя сильными противустать всякой бурѣ.

Но мало по малу буря сія между тѣмъ приближалась. Уссун-Гассанъ, утомленный продолжительною войною, наконецъ уступилъ и остался въ оборонительномъ только положеніи; робкіе Венеціяне заключили также тайно особенный миръ; прочія Христіянскія державы, находясь сами въ войнѣ, подавали мало надежды на помощь; и такъ ничто уже не мѣшало намѣреніямъ Магомета: однакожъ онъ за лучшее счелъ отложить еще на нѣсколько времени свое предпріятіе, опасаясь, чтобы всеобщій вы-

Петръ Добюссонъ

зовъ кавалеровъ, обнародованный великимъ Магистромъ во всѣхъ земляхъ Европейскихъ, не произвелъ противъ него новаго союза Христіянскихъ державъ. Дабы дать простыть сему жару и усыпить бдительность Родосцовъ, Магометъ отправилъ въ Родосъ посольство съ предложеніемъ о мирѣ. Великій Магистръ проникъ его коварство, и самъ употребилъ такуюже хитрость. Онъ принялъ его предложеніе съ притворною радостію и оказалъ сожалѣніе, что зависимость его отъ Папы и Европейскихъ Государей, въ областяхъ которыхъ находились Орденскія земли, заставляла его требовать и ихъ на то согласія. Однако, объявилъ онъ послу, онъ отправитъ тотчасъ въ Европу нарочныхъ, и надѣется чрезъ три мѣсяца въ состояніи быть заключить съ Султаномъ долговременный и

прочный миръ: до тогожъ времени могутъ они заключить перемиріе на время. Хитрость удалась, и перемиріе было заключено на три мѣсяца; а симъ временемъ Кавалеры изъ отдаленнѣйшихъ странъ успѣли собраться въ Родосъ безпрепятственно.

Почти въ тоже время прибылъ въ Родосъ другой посолъ, изъ Египта. Султанъ Египетской, опасаясь, чтобы Магометъ не усилился еще болѣе чрезъ завоеваніе Родоса, за лучшее почелъ изъ сихъ двухъ своихъ сосѣдей взять сторону слабѣйшаго, и для того предложилъ великому Магистру возобновить съ нимъ мирный трактатъ. Сему посольству великій Магистръ дѣйствительно обрадовался, и тотчасъ заключилъ выгодный миръ какъ съ нимъ, такъ и съ Королемъ Тунисскимъ.

Между тѣмъ мѣры осторожности со стороны великаго Магистра

Петръ Добюссонъ

не прекращались; и Магометъ, уставши ждать согласія Европейскихъ Государей, началъ производить въ дѣйство свои замыслы: къ чему наиболѣе поощренъ онъ былъ великимъ своимъ Визиремъ Мисахомъ Палеологомъ, сдѣлавшимся по завоеваніи Константинополя изъ Греческаго Принца Магометаниномъ и пріобрѣтшимъ великую у Султана довѣренность. Сей Визирь чрезъ трехъ своихъ лазутчиковъ, также отступниковъ отъ вѣры Христіянской, успѣлъ достать планы всѣмъ укрѣпленіямъ на Родосѣ; и какъ сіе средство весьма облегчало осаду острова, то онъ тѣмъ болѣе сталъ льстить честолюбію Султана. Такимъ образомъ Магометъ, нетерпѣливо желавшій видѣть Родосъ въ своей власти, далъ повелѣніе сему Визирю итти тотчасъ къ Родосу съ нѣсколькими отрядами Янычаръ и Спаговъ

Петръ Добюссонъ

не дожидаясь прибытія главной арміи. Помянутые при шпіона Мисаховы были родомъ: первый изъ самаго Родоса, благороднаго происхожденія, по имени *Антоній Мелигаллъ*, который, промотавъ свое имѣніе, вздумалъ искать счастія въ перемѣнѣ вѣры; вторый именемъ *Димитрій Софіанъ*, человѣкъ хитраго ума, почитавшійся за чародѣя и за искуснаго въ тѣхъ наукахъ, которыя называются *тайными;* третій *Георгъ Фрапантъ* былъ свѣдущій инженеръ изъ Нѣмцовъ. Всѣ трое отправились они на флотѣ вмѣстѣ съ Визиремъ: но ни одинъ изъ нихъ не нашелъ своего счастья въ вѣроломствѣ. Первый Мелигаллъ умеръ еще въ дорогѣ, и смерть его почтена была отъ самихъ Турковъ казнію за его измѣну своему отечеству; ибо болѣзнь его была странная, состоявшая въ томъ, что у него еще

Петръ Добюссонъ

живаго гнило тѣло, и мясо отваливалось отъ костей прочь кусками. Вторый отступникъ раздавленъ былъ въ сраженіи лошадьми. Третій, какъ мы ниже увидимъ, казненъ послѣ въ Родосѣ.

Визирь, прибывъ съ флотомъ къ Родосу, покушался высадить войски на берегъ: но они были отбиты съ большою потерею. Тоже предпріялъ онъ потомъ противъ острова Тило: но и здѣсь, потерявъ великое число людей, принужденъ былъ также оставить свое предпріятіе и возвратиться назадъ
1480 Маія 23. въ свои гавани. Уже въ концѣ Маія слѣдующаго года многочисленный флотъ невѣрныхъ, состоявшій изо 160 большихъ кораблей, кромѣ множества мѣлкихъ судовъ, съ арміею изо ста тысячь, показался паки на высотѣ Родоса. Многочисленность непріятеля превозмогала всѣ напряженныя усилія Кава-

Петръ Добюссонъ

леровъ: пока они сражались съ одною частію Турецкихъ войскъ въ одномъ мѣстѣ, другіе отряды оныхъ тѣмъ временемъ приставали и выходили на берегъ въ другихъ мѣстахъ, и множество ихъ притѣснило Христіянъ и принудило удалиться въ крѣпости. Визирь занялъ гору Стефановскую; и дождавшись тамъ артиллеріи, повелъ первую атаку противъ башни Николаевской, отъ завоеванія которой зависѣло обладаніе гаванью, потому что отсюда могъ быть возпрепятствованъ входъ въ оную. Одинъ изъ помянутыхъ переметчиковъ, Нѣмецкой Инженеръ Георгъ, начерталъ планъ атаки; и между тѣмъ какъ твердость укрѣпленій со стороны моря противоборствовала всѣмъ нападеніямъ Турковъ, безмѣрное множество пушекъ произвело проломъ въ стѣнѣ по ту сторону, насупротивъ города. Къ счастію оса-

Петръ Добюссонъ

ждаемыхъ развалины оной случайно слеглися такъ плотно, что составили новую ограду. Визирь на другой день по утру далъ повелѣніе къ штурму, и вся Агарянская сила двинулась въ надеждѣ скорой побѣды. Хотя Христіяне бросали со стѣнъ кучи каменьевъ, кидали каленый песокъ, и лили кипящее масло: но разъяренные Турки никакими препятствіями не отвращалися, отчасу далѣе продирались впередъ, и на мѣста низверженныхъ, или убитыхъ, появлялись всегда другіе, которыхъ паки смѣняли новые. — Иные, не могши влѣзть на стѣну, стрѣляли снизу изъ ружей и луковъ, или кидали вверьхъ арканы и ими стаскивали со стѣнъ кавалеровъ и увлекали ихъ въ плѣнъ; словомъ: казалось, штурмъ кончиться иначе не могъ, какъ только совершеннымъ истребленіемъ обѣихъ сторонъ. Но

Петръ Добюссонъ

незапно огонь довершилъ то, чего не могло рѣшить оружіе. Христіяне зажгли брандерами Турецкія галеры; ужасъ, отъ того разпространившійся между Турками, при сильномъ дѣйствіи артиллеріи изъ крѣпости, принудилъ ихъ къ отступленію.

Пораженіе было толь страшное, что Визирь послѣ сего не разсудилъ усиливаться въ завоеваніи сего мѣста, защищаемаго столь усердно самимъ великимъ Магистромъ, и обратился въ другую сторону города. Общая опасность соединила всѣхъ жителей: Греки и Латины, Жиды и Христіяне, мужчины и женщины, всѣ были въ дѣйствіи. Въ опаснѣйшихъ мѣстахъ великій Магистръ былъ всегда самъ; и Визирь, видя, что одно его присутствіе уничтожало всѣ его планы, рѣшился, во что бы то ни стало, избавиться такого

Петръ Добюссонъ

страшнаго непріятеля. Не видяже возможности покорить его оружіемъ, предпріялъ онъ погубить его ядомъ. Къ сему намѣренію избраны были два перемѣтчика изъ Христіянъ, которые, за обѣщанную большую награду, взялись исполнить злодѣйской сей умыселъ. На сей конецъ они явились въ городъ, объявя, будто нашли случай уйти изъ плѣну, и умѣли такъ скрытно вести себя, что одному изъ нихъ удалось-было подкупить уже повара Добюссонова: но неосторожность другаго, открывшагося въ томъ секретарю великаго Магистра, оказавшему нѣкоторое неудовольствіе противъ сего своего начальника, разрушила сіи ковы, и низвела на него и на сообщниковъ его заслуженное наказаніе.

Не меньшая опасность предстояла Родосу отъ коварныхъ замысловъ вышепомянутаго треть-

Петръ Добюссонъ

лго ренегата, Нѣмецкаго Инженера Георга, который въ самомъ началѣ еще осады, условившись съ Визиремъ, возвратился въ Родосъ, бѣжавъ будто изъ стана Турецкаго съ притворнымъ раскаяніемъ о своемъ проступкѣ. Видъ, рѣчи и совѣты его казались такъ честны, такъ искренни, что не смотря на осторожность Добюссонову, злодѣй умѣлъ истребить въ немъ все подозрѣніе. Способы, которые предлагалъ онъ къ защищенію города были такъ вѣрны и такъ точны, что самъ Добюссонъ не могъ ихъ не одобрить и не послѣдовать онымъ.

Въ самое сіе время прилетѣли изъ стана Турецкаго въ городъ стрѣлы съ привязанными къ нимъ цыдулками, въ которыхъ стояли слѣдующія слова: *Страшитесь ввѣрять себя Георгу.* Неизвѣстность: предостереженіе ли то было отъ какихъ Хри-

стіянскихъ невольниковъ, находившихся въ арміи великаго Визиря, или хитрость самаго Визиря, дабы лишить великаго Магистра толь хорошаго помощника, привела Добюссона въ большое недоумѣніе. Чтобы не сдѣлаться игралищемъ той или другой хитрости, онъ велѣлъ тайно имѣть за нимъ строгой присмотръ; а между тѣмъ не преставалъ требовать у него совѣтовъ и пользоваться его искусствомъ. Въ послѣдствіи оказалось, что измѣнникъ, не смотря на всѣ предосторожности, находилъ случай извѣщать тайно великаго Визиря обо всемъ происходившемъ въ городѣ чрезъ условленные сигналы. При дальнѣйшихъ нападеніяхъ Турковъ, въ самой крайности Родоса, потребованъ былъ вновь у Георга совѣтъ: какими бы средствами можно еще спасти городъ? Измѣнникъ, съ видомъ искренняго

соболѣзнованія, объявилъ невозможнымъ совершенно защитить его: однакожъ присовѣтовалъ перенесть батареи на другую сторону, и съ намѣреніемъ поставилъ оныя въ самыхъ слабыхъ мѣстахъ, чтобы чрезъ то дать знать Визирю, въ которую сторону крѣпости обратить ему свою артиллерію; а чтобы довершить злодѣйской свой умыселъ, взялся самъ управлять крѣпостными пушками. Тутъ скоро примѣтили Родосцы, что онъ производилъ пальбу для того только, чтобы привлечь сюда огонь непріятельской; измѣна его открылась, онъ отданъ былъ подъ судъ, и получилъ достойную казнь.

Петръ Добюссонъ

Между тѣмъ новая буря грозила гибелью городу. Нѣкоторые изъ Италіянскихъ кавалеровъ, считая потерю Родоса неизбѣжною, начали роптать на безплодное упорство великаго Магистра въ защи-

Петръ Добюссонъ щенія острова, которато сохранить не возможно, и на тщетную трату людей, которая не приносила уже пользы. Нашлись другіе недовольные, которые къ нимъ пристали и утверждали, что гораздо благоразумнѣе спасти жизнь кавалеровъ и жителей честною капитуляціею, нежели жертвовать оною честолюбію великаго Магистра, не хотѣвшаго разстаться съ своимъ высокимъ званіемъ. Какъ скоро Добюссонъ провѣдалъ о семъ возмущеніи: то призвавъ къ себѣ недовольныхъ кавалеровъ, объявилъ имъ съ твердою рѣшимостію: „что „естьли кто изъ нихъ столько „боязливъ, что не хочетъ защи„щать города: то-гавань не такъ „еще тѣсно заперта непріяте„лемъ, чтобы онъ не сыскалъ спо„соба выпроводить таковыхъ изъ „онаго.„ Но, присовокупилъ онъ твердымъ голосомъ „кто за симъ

„рѣшится остаться съ нами, тотъ „не смѣй уже думать о сдачѣ, и „страшись поносной казни, дол-„жной измѣнникамъ.„ Сею твердостію онъ привелъ въ такой стыдъ и страхъ мятежныхъ кавалеровъ, что они всѣ присягнули въ вѣрности и изгладили потомъ проступокъ свой кровію своею и непріятельскою.

Избавясь сей внутренней язвы, Добюссонъ продолжалъ отвращать умножавшіяся опасности со внѣ. Но мы не станемъ продолжать повѣствованія сей убійственной осады; охотники до кровопролитныхъ сценъ могутъ найти пространное описаніе оныхъ у Вертота; скажемъ только въ заключеніе: что пораженіе было съ обѣихъ сторонъ ужасное, разъяреніе съ обѣихъ сторонъ чрезвычайное, упорство превышавщее силы человѣческія. Великій Магистръ одушевлялъ

Петръ Добюссонъ

всѣхъ своимъ примѣромъ; онъ, получа пять ранъ и изтекая кровію, еще сражался и не хотѣлъ оставить мѣста сраженія; Визирьололъ и рубилъ своихъ, которые отступали: но напослѣдокъ не возможно уже стало ни чѣмъ удержать всеобщаго бѣгства, и невѣрные почитали себя счастливыми еще, что могли добѣжать до своего лагеря. Такимъ образомъ гордый Визирь принужденъ былъ наконецъ снять осаду, очистить

Авг: 18. островъ, сѣсть на суда и отплыть назадъ со стыдомъ къ своему повелителю.

Обрадованный счастливымъ концемъ мужественныхъ своихъ подвиговъ Добюссонъ, какъ скоро оправился отъ ранъ, пошелъ въ церковь св. Іоанна и повергся предъ престоломъ Божіимъ, принося торжественное благодареніе за спасеніе острова. На память онаго за-

ложилЪ онЪ вновь при церкви и учредилЪ, чтобы вЪ сей день вѣчно отправляема была панихида по убiенныхЪ вЪ сiю осаду кавалеровЪ. ЖивыхЪ наградилЪ щедро до послѣдняго солдата; и вЪ замѣну убытковЪ, понесенныхЪ крестьянами и сельскими жителями, коихЪ земли опустошены были невѣрными, роздалЪ весь оставшiйся вЪ магазинахЪ хлѣбЪ до будущаго урожая, и сложилЪ всѣ подати на нѣсколько лѣтЪ.

Когда великiй МагистрЪ сею знаменитою побѣдою и щедростiю своею утверждалЪ благосостоянiе своего острова, МагометЪ напротивЪ того пришелЪ вЪ ярость услыша о неудачѣ предпрiятiя. ВЪ первомЪ движенiи гнѣва своего онЪ хотѣлЪ казнить Визиря со всѣми главными военачальниками, и ПалеологЪ почелЪ себя весьма счастливымЪ, что лишился только

своего мѣста, и посланъ былъ въ заточеніе въ Галлиполь съ цѣлою головою. По утишеніи перваго жара, разъяренный Магометъ, гордясь тѣмъ, что оружіе его подъ его предводительствомъ было всегда счастливо, велѣлъ нарядить вто-
1481. 3 Маія. рый походъ, и собралъ армію до 300 тысячь человѣкъ. Но смерть, постигшая его въ самомъ походѣ, избавила Родосцовъ отъ дальнѣйшихъ слѣдствій его кровожадности. Надпись на гробѣ его — которую онъ самъ себѣ выбралъ, и въ которой онъ, по покореніи двухъ Императорскихъ престоловъ и по завоеваніи двухъ Королевствъ и болѣе 300 городовъ, ни слова обо всемъ томъ не упоминаетъ; а говоритъ только о Родосѣ — ясно свидѣтельствуетъ, въ какомъ уваженіи былъ тогда Орденъ. Сія надгробная заключалась въ сихъ словахъ: *Хо-*
,,*тѣлъ завоевать Родосъ и покорить*
,,*гордую Италію.*,,

Петръ Добюссонъ

Съ смертiю Магомета Орденъ снова получилъ себѣ отдыхъ. У него остались два сына, Баязетъ и Зизимъ. Историки не согласны въ томъ между собою: который изъ нихъ былъ старшiй? Сiи братья вошли въ споръ о наслѣдiи, не хотя раздѣлить онаго между собою, и оставалось оружiю рѣшить ихъ распрю. Счастiе склонилось на сторону Баязета; побѣжденный Зизимъ бѣжалъ къ Султану Египетскому, надѣясь въ немъ найти заступника; но какъ несчастные принцы рѣдко производятъ прямое участiе въ сердцахъ счастливыхъ: то вся помощь сего Султана состояла въ томъ, что онъ предложилъ Зизиму свое посредничество между имъ и братомъ; и какъ посредники рѣдко успѣваютъ въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ мало видятъ собственной пользы: то посредничество Султана Египетскаго кончилось

Петръ Добюссонъ

тѣмъ, что Баязетъ согласился уступить брату своему одну провинцію. Зизимъ отвергнулъ сіе предложеніе, и оставилъ Египетской дворъ. Онъ уѣхалъ къ Караману, владѣльцу Киликіи, которому обѣщалъ возвратить всѣ отнятыя у него Магометомъ земли, когда онъ поможетъ ему взойти на отеческой престолъ. Но и здѣсь счастіе не болѣе ему благопріятствовало. Со всѣми силами Карамановыми и прочими набранными имъ войсками, къ которымъ и Родосъ прислалъ также въ подкрѣпленіе 5 галеръ, онъ былъ разбитъ вторично и принужденъ бѣжать въ Родосъ и отдаться подъ покровительство Ордена.

Добюссонъ умѣлъ вычислить выгоды такого покровительства и обратить сей случай въ свою пользу, предусматривая изъ сего, что пока находиться будетъ въ рукахъ

его такой важный заложникЪ, то Баязет будетЪ бояться разрыва сЪ Орденомъ. Но сЪ другой стороны сколь выгодно было для кавалеровЪ пребыванiе у нихЪ такого гостя, стольже могло оно учиниться для нихЪ и опаснымЪ; ибо БаязетЪ не могЪ остаться вó-все равнодушнымЪ кЪ сему покровительству Ордена такому его сопернику, который искалЪ только случая кЪ его низверженiю. И такЪ тоже самое обстоятельство, которое предохраняло ОрденЪ отЪ безвременнаго разрыва сЪ Баязетомъ, могло незапно обратить на него всю месть его. КЪ счастiю, БаязетЪ не отважился домогаться силою выдачи брата своего, и прибѣгнулЪ кЪ переговорамЪ. Великiй МагистрЪ, опасаясь, чтобы СултанЪ, не могши достать его силою, не исполнилЪ того хитростiю, склонилЪ Зизима уда-

Петръ Добюссонъ

Петръ Добюссонъ

литься на время изъ Родоса, пока переговоры кончатся, и назначилъ мѣстомъ пребыванія его одно изъ отдаленныхъ Коммандорствъ Орденскихъ во Франціи. Несчастный Принцъ принужденъ былъ принять предложеніе, и далъ отъ себя великому Магистру полную мочь вести переговоры съ братомъ его и о немъ.

Къ сему акту прибавленъ былъ другой, въ которомъ сей несчастный принцъ, по изъявленіи своей благодарности великому Магистру и Ордену за покровительство, обѣщалъ — естьли онъ вступитъ на престолъ своей имперіи, всей ли, или хотя части ея, — сохранять вѣчный миръ съ Орденомъ, отворить флотамъ его всѣ свои гавани, освобождать ежегодно по триста Христіянскихъ невольниковъ обоего пола, и платить Ордену по 150000 талеровъ золо-

симЪ трактатомЪ. Визирь АхметЪ, человѣкЪ великихЪ достоинствЪ и гордаго духа, разсердился услыша о постановленной ежегодной платѣ 45000 червонныхЪ, называя оную данью, постыдною для Турецкаго Императора, и вЪ жару своего негодованія позволилЪ себѣ нѣкоторыя вольныя рѣчи на счетЪ Султана. Завистники Ахметовы, которые какЪ тѣнь слѣдуютЪ всегда за достоинствами и высокими чинами, подхватили сіи неосторожныя Ахметовы слова, увеличили, размножили и разнесли оныя по городу. Паша ИзакЪ, непріятель АхметовЪ и тесть его, котораго дочь прежде отогналЪ отЪ себя АхметЪ за нарушеніе брачнаго ложа, употребилЪ сей случай кЪ своему мщенію. ОнЪ собралЪ всѣ ходившія по городу сказки, и приправя еще оныя тѣмЪ ядомЪ желчи, на который придворные осо-

Петръ Добюссонъ.

Петръ Добюссонъ

бливо бываютъ не скупы, превратилъ ропотныя Ахметовы рѣчи въ совершенныя насмѣшки, и подъ видомъ всеподданнической вѣрности и усердія къ Его Султанскому Величеству, перенесъ ихъ въ уши Баязету какъ оскорбленіе Величества, не упустивъ представить также, что такія вольности, отъ такого человѣка, какъ Ахметъ, обожаемаго войсками, могутъ и значить *что нибудь*.

Въ такомъ дѣлѣ, а особливо въ такомъ деспотическомъ правленіи, какъ Турецкое, одно подозрѣніе бываетъ уже преступленіемъ; и подозрительный и недовѣрчивый Баязетъ, каковы бываютъ обыкновенно слабыя души, тотчасъ опредѣлилъ погубить Ахмета для предупрежденія мнимыхъ его замысловъ: при томъже непріятно ему уже было видѣть при себѣ такого человѣка, котораго

великость заслугъ поставляла его выше всѣхъ наградъ и воздаяній. Баязетъ созвалъ съ намѣреніемъ всѣхъ своихъ вельможъ на пиръ къ себѣ: гдѣ противъ обыкновенія много пили вина. Умысливъ погубить Ахмета, онъ нарочно завелъ рѣчь о заключенномъ съ великимъ Магистромъ мирѣ; и Визирь, котораго голова разгорячена уже была винными парами, тѣмъ болѣе разгорячился въ своихъ доказательствахъ о неприличности сего мира для достоинства такой Имперіи. Едва онъ произнесъ нѣкоторыя изъ сихъ словъ: то, сказываютъ, по данному знаку отъ Баязета, поставленный тутъ нѣмой вонзилъ кинжалъ въ грудь Ахмету. Другіе писатели повѣствуютъ то иначе, говоря: что смерть его была Султаномъ отсрочена и онъ только былъ битъ здѣсь нѣмыми по повелѣнію Султана; когдажъ онъ

потомъ приказалъ-было удавить его веревкою: то начальникъ евнуховъ, другъ Ахметовъ, видя ярость пьянаго Султана, бросился къ ногамъ его и умолилъ отсрочить казнь Ахмету, дабы прежде узнать, что будутъ говорить янычара, когда завтра не увидятъ любимаго своего предводителя. — Страхъ есть сильнѣйшая пружина для робкихъ и слабыхъ душъ. Застращенный Султанъ отложилъ казнь Визиря, и велѣлъ бросить его въ тюрьму до утра.

Между тѣмъ сынъ Ахметовъ, дожидавшійся отца у воротъ серальскихъ, при выходѣ оттуда пьяныхъ Пашей, не видя отца своего, провѣдалъ тому причину и побѣжалъ въ казармы къ янычарамъ объявить имъ о происшедшемъ на пиру у Султана. Сія мятежная толпа съ бѣшенствомъ бросилась ко дворцу, съ крикомъ

и угрозами требовала, чтобы ей выданъ былъ Ахметъ, и не успокоилась до тѣхъ поръ, пока онъ не былъ ей представленъ. Онъ выведенъ былъ къ нимъ босой, съ непокрытою головою, и почти нагой, яко приговоренный къ смерти. Янычара, увидя его въ такомъ позорномъ состояніи, пришли тѣмъ въ большую ярость. Въ бѣшенствѣ своемъ тотчасъ сорвали они чалму съ одного изъ главныхъ чиновниковъ Порты и надѣли оную на голову Ахмета; потомъ велѣли принести ему кафтанъ, и торжествуя свою побѣду надъ Султаномъ, хотѣли далѣе устремить свое мщеніе: но — къ чести сего великаго Визиря сказать должно — онъ явилъ при семъ случаѣ рѣдкой примѣръ честности и великодушія. „Стойте, друзья мои!„ закричалъ онъ янычарамъ „Султанъ Государь

„нашъ; остановите стремленіе „ваше: кто изъ васъ знаетъ, не „самъ ли я навлекъ на себя гнѣвъ „его, и не праведно ли я наказанъ?„ и прозьбами и увѣщаніями своими довелъ наконецъ разсвирѣпѣвшую толпу до того, что она успокоилась и разошлась.

Баязетъ однакожъ худо заплатилъ Ахмету за сіе оказанное имъ великодушіе. Долго притворялся онъ позабывшимъ сей случай; Визирь, казалось, вошелъ у него въ прежнюю милость: но какъ онъ безпрестанно его боялся, и какъ малыя души мало уважаютъ достоинства и добродѣтели, любятъ только себя и всѣмъ жертвуютъ себѣ, своимъ прихотямъ и своимъ страхамъ: то въ путешествіи Султанскаго двора въ Адріанополь, Баязетъ не упустилъ сыскать удобный случай удавить Ахмета.

Пока сія трагическая сцена про-

исходила на востокѣ, Зизимъ прибылъ благополучно къ берегамъ Прованскимъ. Великій Магистръ послалъ впередъ посла къ царствовавшему тогда во Франціи Людовику VI. просить позволенія сему принцу вступить въ его владѣнія. Король, мало заботившійся о происходившемъ на востокѣ, безъ труда на сіе согласился, и Зизимъ прибылъ въ коммандорство Бурніофъ, назначенное мѣстомъ его пребыванія; а кавалеры, сопровождавшіе его подъ видомъ сотоварищества, остались при немъ для присмотра. Въ послѣдствіи нарочно построена была тамъ башня для житья его, для того ли чтобы надежнѣе сохранить его отъ покушеній Баязетовыхъ, или чтобъ самаго его охранять отъ какихъ либо покушеній.

Баязетъ между тѣмъ соблюдалъ вѣрно свое обязательство, пла-

Петръ Добюссонъ

тилъ деньги Ордену исправно, и даже впередъ; и, чтобы болѣе пріобрѣсть дружбу великаго Магистра, прислалъ ему въ подарокъ десную руку святаго Іоанна Крестителя, Покровителя Ордена, которая пренесена была изъ Антіохіи въ Константинополь, и по завоеваніи Константинополя Магометомъ, оставалась въ сокровищницѣ его. Сіи мощи суть тѣ самыя, которыя находятся нынѣ въ городѣ Гатчинѣ.

По утвержденіи сей дружбы между Султаномъ и великимъ Магистромъ, Зизимъ еще болѣе возчувствовалъ тягость состоянія несчастнаго принца въ рукахъ счастливѣйшаго Государя. Заключенный между Орденомъ и братомъ его трактатъ привелъ его въ отчаяніе; онъ желалъ и просилъ себѣ смерти, какъ единственнаго конца всѣмъ несчастіямъ; и приставни-

ки его весьма боялись, чтобы онъ не покусился на жизнь свою. Такое состоянiе его скоро сдѣлалось извѣстно и внѣ стѣнъ его темницы; и разные Европейскiе владѣльцы, изъ разныхъ видовъ, опорочивая поступокъ съ нимъ великаго Магистра, начали требовать у него сего принца. Папа Сикстъ IV, Фердинандъ, Король Кастильской, Аррагонской и Сицилiйской, другой Фердинандъ, Принцъ изъ тогоже дому, Король Неаполитанской, республика Венецiянская; а особливо Матiасъ Корвинъ, сынъ Гунiада, тогдашнiй Король Венгерской, великой полководецъ, также какъ и отецъ его, страшный Туркамъ, усильно настояли у великаго Магистра, чтобы онъ отдалъ имъ Зизима, дабы поставить его главою ихъ армiй и именемъ его возбудить внутреннiй раздоръ въ Оттоманской имперiи и ободрить

Петръ Добюссонъ

тайныхъ единомышленниковъ Зизимовой партіи. Но большая часть сихъ Государей сами были во враждѣ, и нѣкоторые въ войнѣ между собою; и великій Магистръ боялся, чтобы въ случаѣ неудачи намѣреваемаго предпріятія, не сыскался изъ нихъ кто нибудь столь вѣроломный, или столь малодушный, что пожертвуетъ для какихъ нибудь собственныхъ выгодъ выдачею Баязету брата его, и тѣмъ отниметъ у Ордена выгоду, которою онъ пользовался имѣя въ рукахъ своихъ Зизима, и обуздывая чрезъ то стремленіе Баязетово на разрушеніе Родоса.

Наконецъ Папа Иннокентій VIII, вступившій на папство по смерти Сикста VI, вознамѣрившись вооружить всѣхъ Христіянскихъ Государей на изпроверженіе Оттоманской имперіи, умѣлъ разными обѣщаніями и дозволенными Ордену

привиллегіями убѣдить великаго Магистра отпустить Зизима въ Римъ.

Петръ Добюссонъ

Баязетъ, наблюдавшій всѣ шаги Добюссоновы, отправилъ сперва посла къ Карлу VIII, царствовавшему тогда во Франціи, съ прозьбою, чтобы онъ или выдалъ ему Зизима, или бы не выпускалъ его изъ своихъ областей: за что между прочими выгодами обѣщалъ отдать всѣ находящіяся въ Константинополѣ мощи. Но какъ сіе посольство не имѣло желаннаго успѣха: то Баязетъ предложилъ на томъ-же условіи вступившему по смерти Иннокентія на папской престолъ Александру VI. 40000 червонныхъ, внушивъ при томъ сему Папѣ: „что принцъ въ неволѣ есть „почти уже мертвый; что онъ не „живетъ, а только страждетъ; и „такъ для него самаго благодѣяніе „бы тотъ сдѣлалъ, кто бы пресе-

Петръ Добюссонъ

„лилъ его въ мѣста вѣчнаго по-„коя,„ и за сіе благотвореніе предлагалъ Папѣ 300000 червонныхъ. Но разчотистый Александръ предпочелъ ежегодный доходъ единовременному полученію, и отложилъ рѣшеніе сего предложенія на предки. Зизимъ между тѣмъ прибылъ еще при Иннокентіи въ Римъ, и принятъ былъ отъ него съ особливыми почестями. Какъ ни бѣдственно было положеніе сего несчастнаго узника, при всемъ томъ за него возгорѣлась потомъ война у Папы Александра VI. съ Королемъ Французскимъ. Карлъ, по честолюбію своему, желалъ сдѣлаться восточнымъ Императоромъ, и для того хотѣлъ имѣть въ рукахъ Зизима. Для удобнѣйшаго похода на востокъ, чтобъ имѣть лучшія гавани въ своей власти, онъ предпріялъ завоевать Королевство Неаполитанское, и безъ

дальняго труда овладѣлъ онымъ; а ненависть народная къ развратному и корыстолюбивому Папѣ отворила ему ворота и въ Римъ. Папа бѣжалъ и заперся въ крѣпости св. Ангела. Оставленный всѣми, онъ прибѣгнулъ къ хитростямъ; и деньгами и разными ласкательствами и обѣщаніями умѣлъ склонить на свою сторону Французскаго Министра, а чрезъ него большую часть Королевскихъ любимцовъ. И такъ дѣло пошло на переговоры: чего отъ Папы ни требовали, онъ все обѣщалъ, съ намѣреніемъ не исполнить ничего, когда будетъ опять на свободѣ.

Въ договорѣ постановлено было, чтобы Папа выдалъ Королю Зизима, и Кардиналъ Боргія, побочный сынъ Папы, послѣ него гнуснѣйшій всѣхъ людей того времени, долженствовалъ остаться за него залогомъ. Тутъ вспомнилъ Папа

Петръ Добюссонъ

о тайномъ предложеніи Баязетовомъ; и выдавая Карлу Зизима, отравилъ его медленнымъ ядомъ, отъ котораго сей несчастный узникъ чрезъ нѣсколько дней потомъ умеръ. И въ тотъ же самый день ночью Кардиналъ Боргія нашелъ случай бѣжать изъ Французскаго лагеря: чѣмъ явно обнаружилъ стыдъ свой и злодѣйской поступокъ Папы.

Между тѣмъ успѣхи Короля Французскаго возбудили многихъ Государей противъ него къ союзу, который принудилъ его оставить свои завоеванія и поспѣшить обратно во Францію.

Какъ скоро Папа увидѣлъ себя въ безопасности, то началъ вести опять прежнюю жизнь. Но смерть бѣднаго Зизима навлекла на него сильное подозрѣніе въ тайномъ согласіи со врагами Христіянства. Дабы отвратить опасное вліяніе

сего мнѣнія, онъ вздумалъ самъ составить союзъ противъ Турковъ, объявилъ себя главою онаго и назначилъ великаго Магистра Генералиссимусомъ соединенныхъ войскъ. Императоръ Максимиліанъ, Короли Французской, Португальской и Венгерской, Венеціянская республика, и большая часть Италіянскихъ Принцовъ вступили въ сей союзъ. Папа, извѣщая объ ономъ великаго Магистра, требовалъ отъ него для сего похода только 4 галеръ, обѣщая самъ вооружить 15 кораблей. Но великій Магистръ, зная хорошо свойство сего Папы, не вѣрилъ словамъ его, и даже не принялъ и титла Генералиссимуса: однакожъ, по долгу званія своего, и чтобы во время войны съ невѣрными не оставаться въ бездѣйствіи, вооружилъ флотъ больше требованнаго Папою. Но тщетно ожидалъ онъ прибытія другихъ

Петръ Добюссонъ

Петръ Добюссонъ

флотовъ. Французской Адмиралъ, захотѣвъ прежде соединенія съ орденскими галерами прославить себя какимъ нибудь знаменитымъ дѣйствіемъ, поплылъ къ острову Метелину, и осадилъ столичный его городъ. Но силы его несоразмѣрны были его предпріятію, и онъ принужденъ былъ съ большою потерею возвратиться назадъ во Францію. Сіе несчастное приключеніе остановило все дѣло. Хотя Венеціяне содержали въ морѣ 30 галеръ, и хотя союзъ еще продолжался, во время котораго отнятъ былъ у невѣрныхъ островъ святаго Мавра: но тѣмъ однимъ походъ сей и кончился. Папа не прислалъ обѣщаннаго флота; между Французами и Испанцами за Королевство Неаполитанское загорѣлась война; Александръ для выгоды своей старался болѣе раздувать, нежели погашать, сей пламень; Ве-

неціяне заключили съ Портою особенный миръ; скоро и Король Венгерской послѣдовалъ ихъ примѣру; и Орденъ остался одинъ дѣйствователемъ на позорищѣ военномъ.

Петръ Добюссонъ

Единственною наградою за разрывъ сего союза и за военныя издержки было взятіе богатаго купеческаго флота, состоявшаго изъ Турецкихъ и Сарацынскихъ кораблей, шедшаго изъ Александріи въ Константинополь съ дорогими товарами: впрочемъ Добюссонъ, видя, что въ правленіе сего Папы не льзя ожидать ничего добраго, возвратился также изъ похода, и обратилъ попеченіе свое на внутреннее благосостояніе Ордена и на защищеніе его со внѣ отъ притѣсненій властолюбія Папскаго. Такимъ образомъ онъ кончилъ въ мирѣ славную свою жизнь, явя свѣту въ себѣ величайшаго полководца своего времени, бывъ уважа-

емъ всѣми Государями, любимъ и почитаемъ всѣми братьями, бывъ прозванъ отцемъ нищихъ, спасителемъ Родоса, щитомъ Христіянства, и проживъ болѣе восмидесяти лѣтъ.

Эммерихъ д'Амбоазъ

Подобное сему защищеніе правъ Ордена противъ насилія Папскаго было первымъ стараніемъ новаго великаго Магистра *Эммериха д'Амбоаза*, избраннаго заочно, во время пребыванія его во Франціи. Орденъ, возвѣщая ему его избраніе, просилъ его при томъ доставить ему покровительство Короля Французскаго; потому что Папа не токмо присвоялъ себѣ раздачу орденскихъ коммандорствъ, но за взятки увольнялъ кавалеровъ и отъ пребыванія въ Родосѣ, и даже разрѣшалъ ихъ отъ ихъ обѣтовъ. Ибо у сего корыстолюбиваго Папы все было продажное; самые подданные его стара-

лись скрывать отъ него свое богатство, дабы не заплатить за оное жизнію. О смерти его повѣствуютъ, что онъ нечаянно содѣлался жертвою собственнаго своего адскаго умысла. Давно онъ съ сыномъ своимъ взиралъ съ завистію на великое богатство Кардинала Адріана Корнетта, почитавшагося за богатѣйшаго изъ всѣхъ Кардиналовъ, и думалъ какъ бы прибрать имѣніе его въ свои руки. Но сей старикъ долго не умиралъ, и Папа наскучилъ уже его жизнію: почему умыслилъ избавиться отъ него ядомъ, и съ симъ намѣреніемъ позвалъ къ себѣ Кардинала на обѣдъ за городъ, въ ближнюю отъ Рима винницу. Ядъ вмѣшанъ былъ въ вино, и кравчій Папской имѣлъ повелѣніе не наливать никому изъ сей бутылки кромѣ Кардинала Корнетта. Но Папа съ сыномъ своимъ,

Эммерихъ д'Амбоазъ

Эммерихъ д'Амбоазъ

пріѣхавъ въ сей садъ прежде Кардинала, и почувствовавъ жажду, спросили пить. Кравчаго на сей разъ не случилось; и другой служитель, не вѣдавшій о сей тайнѣ, увидя первую отставленную отъ прочихъ бутылку, налилъ изъ нея и подалъ имъ пить. Какъ Александръ былъ уже старъ, то никакія средства не могли спасти его отъ дѣйствія отравы, и онъ кончилъ симъ образомъ гнусную свою жизнь: сынъ же его хотя и былъ вылеченъ, но скоро потомъ былъ убитъ на сраженіи. *)

По смерти сего Папы великій Магистръ, не находя болѣе нуж-

---

*) Смотри Vertot, *l'Histoire de l'Ordre de Malthe* Liv. VIII, pag. 171. Daniel, *l'Histoire de France* 1. *Edit T.* 2. *p.* 721. Historia arcana, sive de vita Alexandri VI. Papae *edita a Godefr. Guillielmo Leibnizio.*

ды въ пребыванiи своемъ у двора Французскаго, отправился въ Родосъ. Король Французской осыпалъ его ласками, подарилъ ему часть древа Креста Господня, (которая также, какъ извѣстно, находится нынѣ въ Гатчинѣ), и мечь Короля Людовика, по прозванiю *Святаго*.

Эммерихъ д'Амбоазъ

Прибывъ въ Родосъ, д'Амбоазъ для разсмотренiя и изслѣдованiя, въ какомъ состоянiи находился тогда Орденъ, созвалъ генеральный капитулъ, въ которомъ определены были разныя учрежденiя, касающiяся до внутренняго устройства доходовъ и орденской дисциплины; и сiи мѣры были весьма нужны для предупрежденiя коварныхъ умысловъ Турковъ и Сарацынъ. Баязетъ и Султанъ Египетской, досадуя на кавалеровъ за владычество ихъ на всѣхъ моряхъ восточныхъ, заключили между собою союзъ и поло-

Эммерихъ д'Амбоазъ

жили истребить сихъ враговъ племени Магометова и разрушителей ихъ торговли. Особливо Баязетъ не могъ простить Ордену покровительства его, даннаго имъ вновь по смерти Зизима сыну его Амурату, бѣжавшему также въ Родосъ и отдавшемуся равномѣрно подъ защиту Ордена. Въ отмщеніе за оное Баязетъ далъ повелѣніе всѣмъ корсарамъ, плавающимъ подъ его флагомъ, производить набѣги на всѣ острова, состоящіе подъ владычествомъ Ордена; а Султанъ Египетской съ своей стороны вызвался поставить многочисленную армію для осады Родоса. Но какъ въ земляхъ его не было лѣсовъ, годныхъ на строеніе кораблей: то Баязетъ подарилъ ему четыре вооруженныя галеры, и позволилъ послу его купить въ Константинополѣ разныя купеческія суда, и сверьхъ того далъ позволе-

ніе рубить лѣсъ на кораблестроеніе въ своихъ областяхъ, смежныхъ съ владѣніями Султана Египетскаго. Сей лѣсъ привозимъ былъ готовый въ Александрію; а оттуда перевозился уже на верблюдахъ въ Суэцъ, городокъ, лежащій на краю Чермнаго моря, близь того мѣста, гдѣ Израильтяне перешли оное по суху подъ предводительствомъ Моисея. Египетской Султанъ имѣлъ также намѣреніе употребить сей флотъ на усмиреніе Португальцовъ, которые въ сіе время начинали становиться страшными въ томъ краю. Эммануилъ, Король Португальской, самый величайшій Государь, какого Португалія имѣла, распространившій коммерцію свою по берегамъ Чермнаго моря и по всему востоку, былъ тогда въ войнѣ съ Королемъ Каликутскимъ, что на берегахъ Малабарскихъ. Каликутцы, не могши

противиться превосходнымъ силамъ Португальцовъ, призвали себѣ на помощь Султана Египетскаго. Венеціяне, изъ зависти къ коммерческимъ успѣхамъ Португальцовъ на востокѣ, также подожгли къ тому Египетскаго Султана; и сіе-то было поводомъ союза его съ Баязетомъ.

Баязетъ выслалъ изъ гаваней своихъ въ море многочисленный флотъ подъ предводительствомъ славнаго морскаго разбойника Камали, которому велѣно было отъ Султана опустошать огнемъ и мечемъ всѣ Орденскіе острова, гдѣ ему приставать удастся, и къ которому присоединились также и другіе корсары. Но бдительность великаго Магистра и храбрость кавалеровъ уничтожала всѣ ихъ предпріятія. Они покушались дѣлать высадки на острова Родосъ, Симію, Тило, Ниссару, Ланго: но

вездѣ были отбиты съ урономъ. Болѣе всѣхъ посчастливилась имъ высадка на островѣ Леро, гдѣ гарнизонъ былъ очень малъ, и потому могли они осадить за́мокъ и сильною артиллеріею своею пробить стѣну. Но Павелъ Симеони, молодой, восмнатцатилѣтній кавалеръ изъ Піемонта, которому здѣшній Комендантъ, за болѣзнію своею, поручилъ защиту за́мка, зная, какъ страшны корсарамъ Родосскіе кавалеры, вздумалъ нарядить всѣхъ жителей, и самыхъ женщинъ, въ платье кавалеровъ, и въ сопровожденіи ихъ явился у пролома. Турки, почтя ихъ дѣйствительно за кавалеровъ и испугавшись такого ихъ множества, тотчасъ сняли осаду и удалились отъ береговъ. И такъ и сіе покушеніе счастливою выдумкою молодаго Кавалера равномѣрно было уничтожено.

Эммерихъ д'Амбоазъ

Эммерихъ д'Амбоазъ

Не лучшее счастіе имѣлъ и Египетской флотъ. Въ море вышло ихъ семь кораблей, изъ коихъ два передовые тотчасъ были взяты двумя орденскими галерами; и кавалеры, пересѣдши на сіи плѣнные корабли, пошли тоюже дорогою, которою шли Сарацыны, и достигли прочихъ пяти кораблей Египетскихъ: которые, увидя свои суда и не имѣя никакого подозрѣнія, безпечно приближились къ нимъ. Но какое было изумленіе невѣрныхъ, когда они встрѣчены были пушечными залпами! Вскорѣ потомъ появились и тѣ двѣ орденскія галеры, и вступя въ бой съ невѣрными, принудили ихъ сдаться.

Сія побѣда сопровождалась потомъ еще славнѣйшею. Изъ Александріи ежегодно отправлялось одно большое судно, или *Карака*, которая ходила изъ Египта въ Тунисъ и Константинополь съ пря-

ными кореньями и съ шелковыми и другими товарами, которые Египетскіе купцы доставали изъ Индіи чрезъ Чермное море. Сія карака была толь необыкновенной величины, что мачта самой большой галеры была ниже ея кормы; шесть человѣкъ едва могли обхватить ея мачту; построена она была о семи декахъ, изъ которыхъ два были подъ водою; сверьхъ груза, товаровъ, купцовъ и матросовъ, помѣщалось на ней до тысячи солдатъ; имѣла она болѣе ста пушекъ, и по огромности своей и вооруженію называлась *Царица Морская*. Еще при Добюссонѣ кавалеры покушались не однократно овладѣть симъ судномъ: но преемникъ его былъ въ семъ случаѣ счастливѣе. Д'Амбоазъ, услыша, что карака вышла въ море, велѣлъ Кавалеру Гастино, Коммандору Лиможскому, итти ей на встрѣчу и стараться овладѣть

Эммерихъ д'Амбоазъ

ею больше хитростію, нежели силою; особливо, чтобъ привесть ее неповрежденною. Гастино, дождавшись ея у острова Кандіи, и увидя плывущую сію громаду, тотчасъ пустился за нею въ погоню. Но Сарацыны, надѣясь на силы свои и на вооруженіе караки, гордо продолжали путь свой, и издѣвались надъ гнавшимися за ними Христіянами. Гастино, подошедъ къ каракѣ на пушечный выстрѣлъ, послалъ сперва шлюпку требовать сдачи. Сарацынской Капитанъ удивился сей дерзости и отвѣчалъ на оную гордымъ отказомъ. Гастино послалъ къ нему вторично офицера съ тѣмъже предложеніемъ, и съ угрозами въ случаѣ вторичнаго отказа; а между тѣмъ отчасу ближе подходилъ къ каракѣ и сошелся съ нею наконецъ такъ, что когда посланный офицеръ возвратился опять съ тѣмъже отвѣ-

Эммерихъ д'Амбоазъ

томъ: то Коммандоръ, сдѣлавъ залпъ по каракѣ, убилъ на ней самаго Капитана со многими офицерами. Находившіеся на каракѣ купцы и прочіе пассажиры, устрашась толь убійственнаго огня, не захотѣли дожидаться втораго выстрѣла, спустили паруса и сдались. На сей каракѣ кавалеры получили несмѣтную добычу, состоявшую, сверьхъ большихъ суммъ деньгами и драгоцѣнными каменьями, во множествѣ разныхъ дорогихъ товаровъ. Султанъ предлагалъ разныя суммы и другія выгоды за выкупъ сего судна: но д'Амбоазъ не хотѣлъ промѣнять ни на что славы сего пріобрѣтенія.

Сія важная потеря, за которою слѣдовали ежедневно новыя, побудила наконецъ Султана Египетскаго къ вооруженію многочисленнѣйшаго флота. Но и сіе предпріятіе его обратилось къ большей

только славѣ Ордена. Кавалеры взяли въ полонъ одиннатцать кораблей и четыре галеры, и множество оныхъ потопили. Сіе пріобрѣтеніе достаточно наградило издержки Ордена на вооруженіе флота; особливо потому, что кавалеры въ то время не только получаемую добычу отдавали въ казну орденскую: но многіе и изъ доходовъ со своихъ Коммандорствъ удѣляли большую часть на общественныя нужды.

Между тѣмъ почтенный Эммерихъ д'Амбоазъ приближился къ концу своему. Избранный на его мѣсто

Гвидонъ Бланшфортъ

великій Магистръ *Гвидонъ Бланшфортъ*, племянникъ бывшаго великаго Магистра Добюссона, на пути своемъ изъ Франціи умеръ на островѣ Зантѣ, не доѣхавъ до Родоса.

Каравелла съ извѣстіемъ о смерти его прибыла въ Родосъ 13 Декабря, и на завтраже Капитулъ приступилъ къ избранію

себѣ новаго великаго Магистра, и избралъ въ сіе достоинство великаго своего Адмирала *Фабриція делъ Каретто*, изъ языка Италіянскаго, кавалера испытанной храбрости, которому еще великій Магистръ Добюссонъ, въ бывшую осаду Родоса, предрекъ сіе будущее его возвышеніе. Каретто, тотчасъ по вступленіи своемъ въ сіе званіе, созвалъ генеральный капитулъ; и какъ тогда ожидали осады Родоса отъ Турковъ: то большая часть постановленій сего капитула касалась до приведенія Родоса въ лучшее оборонительное состояніе, до снабженія его съѣстными и военными припасами и пр. т. подоб. Великій Магистръ все сіе принялъ на себя, и за 40000 талеровъ, которые онъ долженъ былъ получить отъ Ордена, взялъ на свое содержаніе пятьсотъ пятьдесятъ кавалеровъ. Орденъ назна-

Фабрицій Каретто

Фабрицій Каретто

чилъ ему еще другую сумму 23000 талеровъ на чрезвычайныя издержки и на содержаніе Амурата, сына Зизимова, который принялъ уже Христіянскую вѣру и получилъ для пребыванія своего замокъ Фераклъ на островѣ Родосѣ. Великій Магистръ выписалъ изъ Франціи множество артиллерійскихъ орудій, и отправилъ туда посломъ брата Филиппа Вильера де Лиль-Адама, который, оставаясь тамъ, отправлялъ должность Посѣтителя и Намѣстника, или Поручика великаго Магистра.

Но походъ Турковъ остановленъ былъ внутренними раздорами, происшедшими въ Оттоманской имперіи. Баязетъ былъ уже старъ и слабъ здоровьемъ; изъ трехъ его сыновей первый, Ахомаръ, провождалъ жизнь въ роскоши и нѣгѣ; второй, Калкутъ, вдался въ набожность, занимался только алко-

раномъ, и не выпускалъ его изъ рукъ: почему третій и младшій сынъ его Селимъ, родившійся съ военными склонностями, любившій оружіе и войну и любимый войсками, умыслилъ отторгнуть къ себѣ правленіе имперіи. Мятежные янычара охотно пристали къ нему, и оставалось Селиму найти только случай къ исполненію тайныхъ своихъ замысловъ. Сей случай представился ему скоро въ войнѣ, возгорѣвшейся между Оттоманцами и Персіею.

Фабрицій Каретто

Какъ скоро оная была объявлена: то янычара стали громко требовать Селима себѣ въ предводители, вопреки опредѣленію Баязета, который назначилъ-было предводителемъ своей арміи старшаго сына. Мятежники, не удовольствуясь тѣмъ, потребовали еще отъ слабаго Султана, чтобы онъ, для увѣренія ихъ въ платѣ должнаго имъ жалованья, отдалъ и ключи

Фабрицій Каретто

отъ своихъ сокровищъ Селиму. Несчастный старецъ понялъ сей языкъ, и въ предупрежденіе дальнѣйшихъ слѣдствій янычарскаго неистовства, оставилъ самъ престолъ и Константинополь, и удалился въ одинъ изъ загородныхъ своихъ за́мковъ. Но Селимъ, опасаясь склонности отца своего къ Ахомару, велѣлъ врачу своему тайно отравить Баязета; а потомъ удавилъ и обоихъ своихъ братьевъ съ женами и дѣтьми ихъ, и чрезъ сіе злодѣйство отворилъ себѣ путь къ престолу.

Честолюбіе новаго Султана тѣмъ еще не удовлетворилось, но искало новой себѣ жертвы; и первая Персія возчувствовала ярость пылкаго его свойства. Вошедъ въ земли Шаха, онъ перешелъ Эвфратъ, напалъ на него, разбилъ его, и овладѣлъ славнымъ городомъ Таврисомъ. Шахъ, дабы защититься

отъ такого страшнаго непріятеля, заключилъ союзъ съ великимъ Магистромъ и съ Султаномъ Египетскимъ. Селимъ, узнавъ о томъ, тотчасъ обратилъ оружіе свое противъ сего Султана, и менѣе нежели въ четыре года завоевалъ у него Сирію, Палестину, приморскія мѣста Чермнаго, или Краснаго моря, часть Аравіи, весь Египетъ; и разрушивъ совершенно Монархію Мамелюковъ, болѣе двухъ сотъ лѣтъ обладавшихъ престоломъ Египетскимъ, сдѣлалъ Сирію и Египетъ провинціями своими, и поставя въ оныхъ своихъ Губернаторовъ, возвратился въ Константинополь покрытый славою.

Фабрицій Каретто

Тогда мысль его обратилась на покореніе Родоса: но зная важность укрѣпленій онаго, захотѣлъ онъ прежде узнать подробно состояніе всѣхъ мѣстъ и крѣпостей; и для того отправилъ туда шпіономъ

Фабрицій Каретто

одного Жида, лекаря. Сей лазутчикъ, дабы вѣрнѣе скрыть свою тайну, по прибытіи въ Родосъ, тотчасъ окрестился. Хитрость сія привлекла ему знакомство и довѣренность многихъ набожныхъ Христіянъ; а нужда въ немъ, по званію его, открыла доступъ въ первые домы въ Родосѣ, и онъ удобно могъ безопасно входить во всѣ мѣста и узнать всѣ части военной защиты и качество укрѣпленій и слабыхъ мѣстъ. Но между тѣмъ какъ производились военныя пріуготовленія Турковъ, Селимъ заболѣлъ и умеръ, царствовавъ только восемь лѣтъ, и въ сіе краткое время покоривъ скипетру своему цѣлыя царства, какъ-то мы выше показали.

Послѣ него остался одинъ только сынъ Солиманъ II, который безпрепятственно и вступилъ на престолъ отца своего, бывъ еще

двашцаши шолько лѣшъ и принявъ правленіе въ одно почши время съ избраніемъ въ Императоры Карла V. Начало царсшвованія своего Солиманъ ознаменовалъ побѣдоноснымъ походомъ прошивъ Сирскаго своего Губернашора, кошорый, обнадежась, чшо молодосшь Солимана даешъ ему удобный случай къ сверженію съ себя ига поддансшва, вздумалъ возсшановишь имперію Мамелюковъ, будучи самъ изъ рода ихъ. Онъ ошправилъ шайно вѣсшника съ предложеніемъ союза къ Губернашору Египешскому, предсшавляя ему: чшо шеперь, въ правленіе шакого молодаго принца, кошорый почши ребенокъ, ничего нѣшъ легче, и ничего для нихъ славнѣе, какъ сдѣлашься самовласшными и независимыми Государями; а сіе удобно произвесшь будешъ можно, есшьли они соединяшъ къ шому общія свои силы.

Фабрицій Карешшо

Фабрицій Карешто

Но Египетской Губернаторъ, предпочитая надежное состояніе невѣрному счастію, вздумалъ воспользоваться симъ самымъ случаемъ къ укрѣпленію себя въ настоящемъ своемъ положеніи; и такъ, умертвивъ тайно сего посланника, далъ о томъ знать молодому Султану.

Солиманъ тотчасъ отправилъ въ Сирію сильную армію подъ предводительствомъ лучшаго генерала. Паша, увидя то, и не видя возвращенія посланника своего, догадался о измѣнѣ Паши Египетскаго: но какъ не оставалось уже ему никакого другаго способа къ своему спасенію, кромѣ упорной обороны, то онъ отправилъ посольство въ Родосъ къ великому Магистру съ прозьбою о присылкѣ ему артиллерійскихъ орудій и снарядовъ. Великій Магистръ, зная, сколь могутъ внутренніе раздоры между невѣрными послужить къ спокой-

Фабрицій Каретто

ствію Ордена, тотчасъ послалъ ему пороху, пушекъ и другихъ артиллерійскихъ снарядовъ съ искусными инженерами. Но всѣ сіи усилія не могли устоять противъ сильной Солимановой арміи, предводительствуемой искуснымъ полководцемъ; и Паша не могъ получить лучшаго жребія, какъ кончить жизнь съ оружіемъ въ рукахъ на сраженіи, какъ-то и случилось.

Оставалось торжествующему Солиману исполнить намѣреніе отца своего и отмстить Родосскимъ Кавалерамъ за ихъ союзы противъ Селима, и за сіе подкрѣпленіе возмутившагося Паши противъ самаго Солимана. Министры его усердно подкрѣпляли сію мысль, представляя ему, что сіи рыцари чрезъ многочисленные свои флоты обладали почти одни всѣми морями на востокѣ; — что потому Сирія и

Египетъ всегда будутъ ему не надежны; ибо всѣ отправленія туда военныхъ снарядовъ и всякихъ припасовъ моремъ доставались всегда разъѣжжающимъ орденскимъ галерамъ — что торговля подданныхъ его совершенно отъ того страждетъ; — что и въ найденныхъ послѣ отца его запискахъ Селимъ именно сдѣлалъ сіе замѣчаніе: что пока Турки не завладѣютъ въ Европѣ Бѣлградомъ, а въ Азіи Родосомъ, до тѣхъ поръ границы Оттоманской имперіи не будутъ никогда вѣрны и безопасны.

Но Солиманъ, не слѣдуя примѣру предшественниковъ своихъ, прежде приступленія къ симъ двумъ важнымъ предпріятіямъ, захотѣлъ утвердить владычество свое на правилахъ и основаніяхъ честныхъ и вѣрныхъ; захотѣлъ прежде показать себя хорошимъ правителемъ, нежели явиться ве-

ликимъ завоевателемъ; и для того принялся напередъ за внутреннее устройство своей имперіи, положа предѣлы необузданному самовластію Пашей, приведя въ силу законы и правосудіе, и устроя внутреннее благосостояніе своихъ областей. Впервые можетъ быть Султанскіе подданные увидѣли у себя цвѣтущими правду и справедливость. Солиманъ публиковалъ во всѣхъ своихъ областяхъ, чтобы всѣ обидимые и притѣсненные являлись къ нему самому, и всѣ Паши и Кадіи приведены были тѣмъ въ страхъ и воздержались отъ грабежей и притѣсненій подчиненныхъ вѣдомству ихъ жителей. Словомъ: онъ объявилъ прежде войну пороку, несправедливости и насилію; потомъ обратилъ оружіе противъ враговъ своей вѣры, открывъ походъ свой осадою Бѣлграда, которую Амуратъ II. и

Фабрицій Каретто

Магометъ II. тщетно предпринимали.

Между тѣмъ Орденъ лишился своего великаго Магистра; и не могши долго оставаться безъ главы, тотчасъ по отправленіи погребенія приступилъ къ избранію ему преемника. Андрей д'Амаралъ, или дю Мераль, Канцлеръ Орденской и великой Пріоръ Кастильской, полагаясь на многія свои заслуги и свою знатность, требовалъ себѣ сего высокаго сана съ такимъ высокомѣріемъ и надменностію, какъ бы дѣлалъ тѣмъ еще милость Ордену, что принималъ на себя сіе званіе. Дѣйствительно онъ былъ не недостоинъ онаго: но чрезмѣрное его тщеславіе, чрезвычайная гордость и нестерпимое презрѣніе другихъ заслужили ему всеобщій отказъ. Почти всѣ голоса пали на *Филиппа Вильера де Лиль-Адама*, великаго Надзирателя

Вильеръ де Лиль-Адамъ

и великаго Пріора Французскаго, кавалера отличнаго также своими достоинствами и заслугами Ордену, и котораго кроткія свойства пріобрѣли ему всеобщую любовь и уваженіе отъ братьевъ. Онъ избранъ былъ заочно, будучи въ отлучкѣ и не имѣя въ Капитулѣ за себя другихъ ходатаевъ, кромѣ своихъ добродѣтелей и заслугъ. Радость о избраніи его была всеобщая: одинъ д'Амаралъ оскорбился симъ предпочтеніемъ ему Лиль-Адама; и тогда еще, сказываютъ, въ первомъ жару своего негодованія, онъ сказалъ одному изъ своихъ пріятелей: *что сей Великій Магистръ будетъ конечно послѣдній.*

Вильеръ де Лиль-Адамъ

Время, вмѣсто уменьшенія его ярости, умножало только въ немъ оную. Отъ ненависти къ Лиль-Адаму, котораго давно онъ не могъ терпѣть, какъ главнѣйшаго себѣ соперника, перешелъ онъ

къ злобѣ противу всего Ордена и началъ строить ковы къ его погибели. Бозіо, одинъ изъ древнѣйшихъ исторіографовъ Ордена, описываетъ сіе обстоятельство слѣдующимъ образомъ. — Д'Амаралъ открылся въ умыслѣ своемъ одному Турецкому невольнику, взятому имъ въ плѣнъ на войнѣ и котораго признавалъ онъ за способнаго къ исполненію его замысловъ. Невольникъ, изъ сей довѣренности своего господина получивъ надежду къ возвращенію себѣ вольности, согласился помогать ему въ его предпріятіи, и подъ предлогомъ, будто ѣдетъ въ свое отечество для полученія отъ родственниковъ своихъ денегъ на выкупъ себя, отправился въ Константинополь съ письмомъ отъ д'Амарала къ Солиману: въ которомъ предатель сей просилъ его поспѣшить осадою Родоса, описывая ему все состояніе

города, число кавалеровЪ, силу ихЪ, слабыя мѣста вЪ городѣ, и количество сЪѣстныхЪ и военныхЪ припасовЪ. СолиманЪ находился еще вЪ Венгріи, какЪ невольникЪ д'АмараловЪ привезЪ сіе письмо, и вЪ небытность его отдалЪ оное его МинистрамЪ, которые тотчасЪ отправили оное сЪ нарочнымЪ кЪ Султану. СолиманЪ обрадовался до крайности найдя вЪ самомЪ Родосѣ тайнаго себѣ помощника, одарилЪ щедро сего невольника, и обѣщалЪ чрезвычайную награду, естьли онЪ поможетЪ ему вЪ исполненіи сего намѣренія. Вилберъ де Лиль-Адамъ

ТѣмЪ временемЪ СолиманЪ овладѣлЪ БѣлградомЪ и надѣялся подвергнуть тойже участи и РодосЪ: но какЪ всякой измѣнникЪ дѣлается подозрительнымЪ; то СултанЪ, не увѣряясь на показаніяхЪ д'Амарала, отправилЪ вЪ РодосЪ одного вѣрнаго себѣ человѣка подЪ видомЪ

Вильеръ де Лиль-Адамъ посольства къ великому Магистру и будто для поздравленія его съ вступленіемъ въ сіе достоинство.

Между тѣмъ Вильеръ, получа извѣстіе о своемъ избраніи, отправился въ Родосъ изъ Марсели на большой каракѣ въ сопровожденіи четырехъ фелукъ. На высотѣ Ниццы сдѣлался на каракѣ пожаръ. Пламя вдругъ обняло все судно, и смѣшавшись съ дымомъ, препятствовало матросамъ производить нужныя работы для спасенія судна. Замѣшательство и безпорядокъ, какіе обыкновенно бываютъ въ такихъ случаяхъ, умножились отъ того до чрезвычайности; паруса и веревки обгорѣли и скоро превращены были въ пепелъ; всякой бросался въ море и находилъ спасеніе свое только въ томъ, чтобы доплыть до берега, или до фелукъ. Великій Магистръ, видя совершенное отъ

того замѣшательство, запретилъ всѣмъ подъ смертною казнію сходить съ судна, и сею своею рѣшительностію привелъ опять все въ такой порядокъ, что наконецъ пожаръ былъ потушенъ и судно спасено самими тѣми, которые хотѣли оставить оное, не видя средствъ къ его спасенію. Вильеръ де Лиль-Адамъ

Едва Лиль-Адамъ избѣгнулъ сего бѣдствія, какъ попался въ новое, не менѣе страшное. Возстала буря, волны кидали корабль по морю, кормчій не могъ управлять кормиломъ, вѣтры дули немилосердо; и, какъ будто само небо согласилось съ моремъ на погибель караки, громъ, гремѣвшій долго надъ горизонтомъ, ударилъ прямо въ караку, убилъ девять человѣкъ и разбилъ мечь великаго Магистра, не тронувъ ноженъ его. Сіе приключеніе почтено было тогдажъ за худое предвѣщаніе: но великій

Вилберъ де Лиль-Адамъ

Магистръ продолжалъ путь свой и остановился только на малое время въ гавани Сиракузской для починки судовъ; потомъ прибылъ благополучно въ Родосъ, гдѣ принятъ былъ съ обыкновенною церемоніею, но съ необычайною радостію, отъ всѣхъ жителей и кавалеровъ.

Для любопытства читателей сообщимъ мы здѣсь грамату, которую привезъ тотъ мнимый посолъ Солимановъ къ великому Магистру.

Солиманъ Султанъ, Божіею милостію Царь Царей и Государь Государей, величайшій Императоръ Византійской и Требизондской, могущественнѣйшій Царь Персіи, Аравіи, Сиріи и Египта, верьховный Господинъ Европы и Азіи, Князь Мекской и Алепской, владѣтель Іерусалима и обладатель всего моря.

Филиппу Вильеру де Лиль-Адаму, великому Магистру острова Родоса. Вилверъ де Лиль-Адамъ

Поздравляю тебя съ новымъ твоимъ достоинствомъ и съ пріѣздомъ въ твои области; желаю тебѣ царствовать въ нихъ счастливо и съ больщею еще славою, нежели твои предшественники. Отъ тебя зависѣть будетъ соблюсти Наше благоволеніе. Пользуйся Нашею дружбою, и, какъ другъ Нашъ, не будь послѣдній въ поспѣшеніи поздравить Насъ съ побѣдами, одержанными Нами въ Венгріи, гдѣ Мы овладѣли важною крѣпостью Бѣлградомъ, подвергнувъ острію страшнаго меча Нашего всѣхъ отважившихся возпротивится Намъ. Прощай. Въ лагерѣ Нашемъ..... Годъ..... мѣсяцъ..... и число.....

Сія грамата прочтена была въ полномъ Совѣтѣ, и великій Магистръ отвѣчалъ на оную въ подобномъ тонѣ.

Вильеръ де Лиль-Адамъ

Братъ Филиппъ Вильеръ де Лиль-Адамъ великій Магистръ Родосскій.

Солиману, Султану Турецкому.

Я выразумѣлъ, какъ должно, письмо твое, привезенное посломъ твоимъ: мирныя твои предложенія столь же Мнѣ пріятны, сколь онѣ непріятны будутъ Куртолію (*). Сей разбойникъ, въ проѣздъ Мой изъ Франціи, искалъ захватить Меня: но не могъ имѣть въ томъ успѣха. Однако не хотя выти изъ сихъ морей безъ причиненія Намъ какого нибудь вреда, вошелъ онъ въ рѣку Ликію и захватилъ два купеческія судна, отправлявшіяся изъ Нашихъ гаваней. Также овладѣлъ-было онъ баркою, принадлежащею Кандійскимъ островитянамъ: но галеры Орденскія, высланныя Мною за нимъ

(*) Славный морской разбойникъ того времени, имѣвшій страшную силу въ тѣхъ моряхъ.

въ погоню изъ Родоса, принудили его оставить свою добычу; и онъ, боясь попасть самъ въ Наши руки, искалъ спасенія своего въ скоромъ бѣгствѣ. Прощай. Въ Родосѣ. . . . . Годъ . . . . мѣсяцъ . . . и число. . . . .

Вильеръ де Лиль-Адамъ

Но какъ Турки худо знаютъ и мало наблюдаютъ право народное: то великій Магистръ не разсудилъ посылать сего письма съ какимъ нибудь кавалеромъ, котораго моглибъ они задержать, а отправилъ оное съ простымъ Грекомъ. Солиманъ и Министры его также поняли смыслъ сей грамоты; и одинъ изъ нихъ, Паша Пирръ, или Пери, ренегатъ съ острова Эпира, предводительствовавшій конницею при осадѣ Бѣлграда, присовѣтовалъ Султану предложить великому Магистру, чтобы онъ для переговоровъ о мирѣ прислалъ въ Константинополь кого нибудь изъ знатнѣйшихъ своихъ чиновниковъ, котораго бы

Вильеръ де Лиль-Адамъ

задержавъ, подкупомъ или муками вывѣдать у него обстоятельно о состояніи Ордена.

По сему совѣту отправленъ былъ къ великому Магистру гонецъ съ симъ предложеніемъ; а притомъ послана была и другая грамата, въ которой сказано было: *Сказывали Намъ, что грамата Нашего Величества была тебѣ вручена, и что она произвела въ тебѣ болѣе удивленія, нежели удовольствія. Увѣрься, что Я не удовольствованъ еще взятьемъ одного Бѣлграда: но намѣренъ скоро предпринять другое такоеже важное завоеваніе, о которомъ ты скоро узнаешь; ты и твои кавалеры не выходятъ у Меня изъ памяти.*

Какъ сія вторая грамата походила болѣе на вызовъ къ брани, нежели на приступъ къ мирнымъ негоціаціямъ: то великій Магистръ почелъ за приличное отвѣчать стольже горделиво:

Не жалѣю Я, писалъ онъ къ Солиману, *что ты полнишь обо Мнѣ и о Моихъ кавалерахъ. Ты говоришь Мнѣ о завоеваніи твоемъ въ Венгріи и о намѣреніи учинить другое такоеже, въ коемъ чаешь имѣть успѣхъ: но помни, что изъ всѣхъ предиріятій человѣческихъ нѣтъ ничего невѣрнѣе зависящихъ отъ жребія оружія. Прощай.*

Вильерь де Лиль-Адамъ

Между тѣмъ Паша Пирръ увѣдомилъ отъ себя письмомъ великаго Магистра, что они не смѣли подать Солиману первой его грамоты, присланной съ такимъ низкимъ человѣкомъ, каковъ простой Грекъ, и совѣтовалъ ему какъ для мирныхъ переговоровъ, такъ и для должной почести Султану, прислать въ Константинополь кого нибудь изъ знатнѣйшихъ его кавалеровъ. Осторожный Лиль-Адамъ отвѣчалъ на сіе Пирру, что естьли Султанъ его искренно

Вильеръ де Лиль-Адамъ

желаетъ мира — чего изъ писемъ его не видно — то бы прислалъ и съ своей стороны подобныхъ особъ, которыя бы служили ему залогомъ за его посланниковъ; или далъ бы по крайней мѣрѣ письменное поручительство, за большою государственною печатью, въ увѣреніе о безопасности тѣхъ, которыхъ онъ пошлетъ къ нему; и тогда онъ отправитъ въ Константинополь такихъ посланниковъ. Но вскорѣ за симъ одна изъ бригантинъ орденскихъ взята была Турками близь Родоса, и такимъ образомъ переговоры во́-все рушились, и загорѣлась война.

Вильеръ сдѣлалъ всѣ нужныя приготовленія къ оборонѣ, какъ полководецъ, состарѣвшійся на войнѣ. Чтобы не оставить Туркамъ никакого способа доставать фуражъ, онъ приказалъ снять съ полей хлѣбъ, еще незрѣлый, и всѣ

загородные домы и самыя церкви сломать и матеріалы перевезть въ городъ, дабы Музульмане не могли потомъ обратить оныхъ на построеніе батарей. Всѣхъ крестьянъ собралъ онъ въ городъ, какъ для защищенія ихъ отъ насилія непріятельскаго, такъ и для употребленія при работахъ крѣпостныхъ, и всѣ суда, разъѣзжавшія въ разныхъ моряхъ подъ флагомъ Ордена, собралъ также сюда, для прикрытія ими острова. Но какъ такое великое число людей требовало большаго содержанія: то онъ выбралъ трехъ комисаровъ изъ кавалеровъ большаго креста, и поручилъ имъ попеченіе о снабженіи города съѣстными и военными припасами.

Вильеръ де Лиль-Адамъ

Въ числѣ сихъ троихъ находился и д'Амаралъ, котораго измѣннические замыслы не были великому Магистру извѣстны. Сей

Вильеръ де Лиль-Адамъ

предатель старался дѣлать всякія помѣхи въ снабженіи острова припасами, представляя, подъ видомъ усердія къ пользѣ Ордена, что Турки часто наносили Ордену болѣе вреда однимъ страхомъ, нежели самымъ дѣломъ, заставляя Орденъ дѣлать напрасныя траты на вооруженія и запасы; — что нынѣшнее ихъ ополченіе, по достовѣрнымъ извѣстіямъ, устремлено не столько на Родосъ, сколько на Кипръ, или можетъ быть на Италію; — что Орденъ имѣетъ всякихъ запасовъ довольно, и должно остеречься, чтобы отъ пустаго страха не потерпѣть болѣе, нежели отъ дѣйствительнаго нападенія. Вильеръ, не зная прямыхъ причинъ сего представленія, почиталъ оное единственно дѣйствіемъ робкой бережливости: при всемъ томъ не принялъ онъ мнѣнія д'Амаралова, и съ согласія Совѣта

продолжалъ стараться о снабженіи города всякимъ запасомъ. Вильеръ де Лиль-Адамъ

Отправя въ Кандію для закупки вина служащаго брата *Антонія Бозіо*, дядю сочинителя лѣтописи Ордена, поручилъ онъ ему стараться также набрать на семъ островѣ до пяти сотъ человѣкъ въ службу Ордена. Проворный Бозіо, не смотря на всѣ предосторожности Губернатора Кандіи, который, боясь мщенія Солиманова, запретилъ всѣмъ жителямъ подъ смертною казнію вступать въ службу Ордена, умѣлъ усыпить бдѣніе полиціи, и переодѣвъ набранныхъ имъ солдатъ въ купцовъ и матросовъ, привезъ ихъ съ собою въ Родосъ.

Еще важнѣйшую услугу оказалъ онъ Ордену склоня одного превосходнаго Инженера, по имени Мартиненга, вступить въ Орденскую службу, котораго также увезъ

Вильеръ де Лиль-Адамъ

онъ тайно. Мартиненгъ принятъ былъ въ Родосѣ съ несказанною радостію, и великій Магистръ оказалъ ему отличные знаки уваженія и довѣренности, отдавъ въ вѣдѣніе его крѣпостныя строенія на островѣ.

Вильеръ отправилъ также посланниковъ ко всѣмъ дворамъ Христіянскимъ, прося у нихъ помощи и защиты: но большая часть Государей, находясь въ войнѣ между собою, манили его только пустыми обнадеживаніями и обыкновенными увѣреніями о своихъ добрыхъ расположеніяхъ. Самъ Папа, зависѣвшій совершенно отъ Императора Карла V, котораго былъ онъ учителемъ и который потому возвелъ его въ сіе достоинство, при всемъ своемъ доброхотствѣ не могъ подать никакого вспоможенія. Оставленный такимъ образомъ всѣми, Вильеръ возложилъ все

упованіе на покровительство небесъ и на храбрость своихъ кавалеровъ. Вильеръ де Лиль-Адамъ

Число силъ, съ которыми рѣшился онъ защищать островъ противъ несоразмѣрнаго множества непріятелей, состояло изъ 4500 солдатъ и 600 кавалеровъ, только. Къ симъ присовокупилъ онъ жителей городскихъ, крестьянъ и невольниковъ, употребя иныхъ къ дѣланію шанцовъ и копанію рвовъ, другихъ къ присмотру за работами, иныхъ для карауловъ. Гавань заперъ двойною цѣпью, и потопилъ у оной нѣсколько судовъ, дабы затруднить непріятелю входъ въ нее; стѣны оградилъ пушками, бастіоны и валы снабдилъ горючими веществами и большими каменьями для метанія на осаждающихъ; начальство надъ гарнизономъ раздѣлилъ между главнѣйшими военачальниками по частямъ

города. И здѣсь въ числѣ сихъ главныхъ начальниковъ, или вспомогательныхъ Капитановъ (Capitaines du secours), какъ они тогда названы были, къ несчастію былъ также и д'Амаралъ, котораго никто не подозрѣвалъ въ измѣнѣ.

Между тѣмъ Турки, захватя лестію одного Родосскаго жителя, разными пытками, продолжаемыми нѣсколько дней, вымучили изъ него нѣкоторыя свѣдѣнія о состояніи Родоса, по которымъ Солиманъ тотчасъ велѣлъ арміи выступить въ походъ, отправя предъ тѣмъ письмо къ великому Магистру слѣдующаго содержанія.

„Грабительства, производимыя „вами безпрестанно къ ущербу На„шихъ вѣрноподданныхъ, и оскор„бленіе, наносимое тѣмъ Нашему „Императорскому Величеству, за„ставляютъ Насъ повелѣть вамъ, „чтобы вы тотчасъ отдали Намъ

„островЪ и крѣпость Родосскія. „Естьли вы учините то доброволь- „но: то Мы клянемся Богомъ, со- „творшимЪ небо и землю, двад- „цатью шестью тысячами проро- „ковЪ, четырмя Музафіями, спад- „шими съ неба, и Нашимъ вели- „кимЪ пророкомЪ Магометомъ, что „вы можете выйти изЪ острова, „а жители остаться на ономЪ, „невозбранно, безЪ причиненія вамъ „отЪ НасЪ ниже малѣйшаго вреда. „Но естьли вы не исполните ско- „ро повелѣнія Нашего, то подвер- „гнетесь всѣ острію страшнаго „меча Нашего; и башни, бастіоны „и стѣны Родоса сравнены будутЪ „съ травою, растущею у подошвы „его укрѣпленій.„

Вильерь де Лиль-Адамъ

Письмо сіе прочтено было вЪ полномЪ Совѣтѣ. Оно не удивило уже Совѣта, и тотчасЪ было опредѣлено, вЪ случаѣ нападенія Солиманова, отвѣчать ему равною мѣ-

Вильеръ де Лиль-Адамъ

рою, выстрѣлъ за выстрѣлъ. Но прежде появленія непріятеля и прежде нежели приступили къ военнымъ дѣйствіямъ, великій Магистръ учредилъ постъ и церковное молебствіе, и самъ первый подалъ въ томъ примѣръ собою.

Между тѣмъ флотъ Турецкой пустился въ море, и тритцать галеръ, составлявшихъ его авангардію, тотчасъ предприняли дессантъ на островъ Ланго. Но Губернаторъ сего острова встрѣтилъ ихъ съ такою храбростію и съ такою силою, что они съ большимъ урономъ принуждены были оставить свое предпріятіе. Губернаторъ, по извѣстіямъ плѣнныхъ узнавъ, что флотъ ихъ идетъ блокировать Родосъ, тотчасъ увѣдомилъ о семъ великаго Магистра и просилъ у него позволенія пріѣхать самому въ Родосъ и участвовать въ защищеніи онаго. Великій

Магистръ, воздавъ должную похвалу его усердію и ревности, принялъ прозьбу его тѣмъ съ большимъ уваженіемъ, что за лучшее находилъ вызвать и всѣхъ кавалеровъ, и большую часть жителей другихъ островов собрать въ Родосъ, увѣренъ будучи, что сохраненіе главнаго города и острова сохранитъ и другія мѣста и острова Ордену; напротивъ того паденіе Родоса увлечетъ за собою и другіе. Вильеръ де Лиль-Адамъ

Наконецъ появился и весь Турецкой флотъ, состоявшій изъ 400 судовъ. Войскъ было на немъ 140000. — Тринатцать дней Турки стояли спокойно, ничего не предпринимая, и занимаясь единственно перевозкою изъ Ликіи въ Родосъ войскъ, артиллеріи, съѣстныхъ и военныхъ припасовъ: по исполненіи чего начали дѣйствія свои осадою столичнаго города. —

Виллеръ де Лиль-Адамъ

Открытыя ими траншеи и построенныя батареи скоро пушечными ядрами изъ города были сбиты. Непріятель не однократно возобновлялъ оныя: но кавалеры вылазками и огнемъ изъ крѣпости всякой разъ опять ихъ раззоряли, и не проходило дня безъ того, чтобы Турки не теряли цѣлыхъ отрядовъ войскъ при встрѣчахъ съ кавалерами на вылазкахъ, или при приближеніи къ ихъ укрѣпленіямъ. Турецкіе солдаты, и самые офицеры, видя неизбѣжную свою гибель и не находя на опустошенномъ и оставленномъ жителями островѣ ни хлѣба, ни фуража, стали роптать и кричать, что ихъ привели на убой сюда. — Недовѣрчивость ихъ къ молодому, въ сералѣ воспитанному предводителю ихъ Мустафѣ, шурину Султанскому, превратила потомъ сей ропотъ въ явное возмущеніе. Страхъ из-

требилъ всякое повиновеніе, Турецкой солдатъ или не хотѣлъ со всѣмъ итти, или не охотно шелъ на всякое сраженіе съ кавалерами. Пери, которому Солиманъ поручилъ увѣдомлять себя обо всемъ, что произойдетъ во время осады, за нужное почелъ наконецъ увѣдомить о семъ Султана; и Солиманъ, получа сіе извѣстіе, самъ отправился въ армію, взявъ съ собою еще 15000 войска.

И Вильеръ де Лиль-Адамъ

Между тѣмъ одна женщина, простая Турчанка, едва не произвела того, чего не могли сдѣлать 140000 Турецкихъ солдатъ. Находясь невольницею у одного Родосскаго жителя, и видя ежедневную гибель своихъ единовѣрцовъ, вздумала она пожаромъ пособить осаждающимъ къ завоеванію города, и вознамѣрилась зажечь оный въ разныхъ мѣстахъ вдругъ. Но не могши исполнить сего одна, сообщила о

Вильеръ де Лиль-Адамъ

семъ своемъ намѣреніи другимъ невольникамъ, своимъ одноземцамъ, и нашла способъ увѣдомить о томъ самаго предводителя Турецкой арміи, условясь съ нимъ о времени и мѣстѣ, когда и гдѣ именно начать сей пожаръ. Къ счастію, заговоръ сей, по неосторожности одного невольника, открылся, и злоумышленники были всѣ перехвачены и наказаны.

Пушечный громъ, бой барабановъ, звукъ трубъ, и клики воиновъ возвѣстили наконецъ прибытіе Султана въ Турецкой лагерь. Присутствіе его потушило ропотъ и повергло въ уныніе и страхъ сердца возмутившихся. Солиманъ тотчасъ объявилъ, что онъ прибылъ наказать бунтовщиковъ, и повѣсить изъ нихъ десятаго, въ примѣръ и въ страхъ прочимъ. На завтра повѣщено было, чтобы вся армія собралась и предстала

предъ него безъ оружія. Солдаты явились въ семъ уничижительномъ видѣ, и пришедшіе съ Солиманомъ 15000 новыхъ войскъ окружили ихъ. Султанъ возсѣлъ на тронъ, и грозные его взгляды вселяли смертный ужасъ во всѣхъ предстоявшихъ. Мертвенное безмолвіе долго томило неизвѣстностію устрашенныя сердца преступниковъ: наконецъ Солиманъ прервалъ оное слѣдующею рѣчью: „Естьлибъ я имѣлъ „говорить съ воинами,, *такъ началъ онъ* „то бы вы не предстояли здѣсь „безъ оружія: но какъ я говорить „хочу съ подлыми душами и труса-„ми, которые боятся одного кри-„ку непріятельскаго; то потому „и вижу васъ безоружныхъ, ибо „таковые недостойны носить ору-„жія и не должны посрамлять онаго „собою. — Спрошу я васъ: ко-„гда вы шли сюда, чего вы ожида-„ли? Думали ли, что сіи Христіяне

Вильеръ де Лиль-Адамъ

Вильеръ де Лиль-Адамъ

„еще васъ трусливѣе, и при одномъ „появленіи вашемъ бросятъ оружіе, „и сами придутъ отдаться вамъ „въ неволю и представятъ вамъ „руки и ноги свои для принятія „цѣпей отъ васъ? Чтобы вывесть „васъ изъ сего постыднаго заблу„жденія, я сказываю вамъ напро„тивъ того: что мы имѣемъ здѣсь „дѣло съ отборнѣйшими воинами „изъ всего Христіянства, съ людь„ми выросшими подъ ружьемъ, съ „лютѣйшими и свирѣпѣйшими ти„грами и львами, жаждущими крови „Музульманской, которые не усту„пятъ и пяди земли безъ превоз„моженія ихъ сильнѣйшимъ муже„ствомъ и упорнѣйшею силою; „и сія-то храбрость ихъ сдѣлала „ихъ достойными въ глазахъ моихъ „моего соревнованія. — Я чаялъ „совершить тѣмъ подвигъ, достой„ный моего духа: но отъ васъ ли „робкихъ и разслабленныхъ душъ,

„долженъ я ждать себѣ побѣды? Вильеръ де Лиль-Адамъ
„отъ васъ ли, которые, и не видя
„еще непріятеля, бѣжите уже
„отъ страха его? отъ васъ ли,
„которымъ только море помѣшало
„разбѣжаться во-все? . . . . Я не
„хочу однакожъ дождаться сего
„посрамленія, и прежде воздамъ
„достойную мзду трусости вашей,
„дабы казнь ваша удержала дру-
„гихъ отъ подражанія примѣру
„вашему.„ По произнесеніи сихъ
словъ, по данному сигналу, окру-
жавшіе армію 15 тысячь человѣкъ
тотчасъ обнажили свои мечи и
устремились на пораженіе прочихъ.
Несчастныя жертвы гнѣва Сул-
танскаго, падши на колѣни, моли-
ли о пощадѣ, и обѣщали омыть
кровію проступокъ свой. Пери и
другіе военачальники, условившіеся
напередъ въ томъ съ Султаномъ,
съ трепетомъ подступили къ пре-
столу и просили помилованія ви-

Вильеръ де Лиль-Адамъ

новнымъ, ручаясь своими головами за ихъ исправленіе. „Ради прозьбы „вашей„ отвѣчалъ наконецъ долго не склонявшійся Султанъ „я от„лагаю только казнь преступни„ковъ: а совершенное прощеніе за„служить должны они на бастіо„нахъ и батареяхъ непріятель„скихъ: пусть идутъ туда„ — и распустилъ собраніе.

Впечатлѣніе, произведенное симъ ужаснымъ позорищемъ, возбудило совсѣмъ иной духъ въ Турецкой арміи. Всякой старался наперерывъ другъ предъ другомъ омыть стыдъ свой славною побѣдою, или честною смертію. — Великій Магистръ пересталъ уже посылать кавалеровъ своихъ на вылазки; ибо потеря одного стоила ему болѣе, нежели Солиману пятидесяти воиновъ. Вильеръ сталъ дожидаться, когда непріятель подведетъ работы свои ближе къ крѣ-

постнымъ пушкамъ, дабы вдругъ нечаянно ударить въ оныя: но кшпіонъ, лекарь изъ Жидовъ, о которомъ мы выше упоминали, далъ знать Туркамъ, что ихъ батареи едва достаютъ до амбразуръ стѣнъ; а что напротивъ того кавалеры видятъ съ Іоанновской башни все, что ни происходитъ въ лагерѣ и въ окрестностяхъ, и могутъ оттуда однимъ пушечнымъ ядромъ убить самаго Султана, когда онъ пойдетъ осматривать работы. — Сіе увѣдомленіе заставило ихъ перенесть свои батареи въ другія мѣста и направить оныя противъ самой Іоанновской башни, которая, бывши отъ пушечныхъ ядеръ пробита, обрушилась.

Вильеръ де Лиль-Адамъ

Осажденные однакожъ все еще продолжали уничтожать всѣ покушенія осаждающихъ, въ какую часть города они ни устремлялись; но все сопротивленіе ихъ не мо-

гло перемѣнить несчастнаго ихъ жребія. Безмѣрное множество Турковъ, казалось, ни отъ какихъ пораженій не уменьшалось, и никакой уронъ не истощалъ дѣйствія ихъ артиллеріи, которой сверьхъ того и подвозъ былъ свободенъ: напротивъ того въ крѣпости оказался недостатокъ въ порохѣ, котораго измѣною д'Амарала запасено было не столько, сколько обстоятельства требовали, и осажденные принуждены были щадить свои выстрѣлы и беречь оныя на важнѣйшіе случаи. Изобрѣтательный умъ великаго Магистра хотя и замѣнилъ сей недостатокъ нарочитымъ запасомъ селитры, которую начали передѣлывать въ порохъ: но сіе не совершенно еще награждало неимѣніе самаго пороху и задерживало дѣйствія крѣпостной артиллеріи. И такъ все стараніе великаго Магистра об-

Вильеръ де Лиль-Адамъ

ратилось тогда на то, чтобы продлить осаду до зимы, въ надеждѣ, что Турки не останутся тогда съ флотомъ въ морѣ.

Между тѣмъ непріятелю удалось подвести два подкопа и взорвать одинъ бастіонъ, который произвелъ въ стѣнѣ проломъ на шесть саженъ и засыпалъ собою одинъ ровъ. Янычара съ обыкновеннымъ своимъ буйнымъ жаромъ и крикомъ бросились къ пролому; но кавалеры пустили въ нихъ тучи каменьевъ, гранатъ и пуль, и отбили ихъ; а сверьхъ того отняли у нихъ еще и знамя. Мустафа, увидя изъ траншей бѣгство своихъ солдатъ, бросился самъ къ нимъ съ обнаженною саблею и рубилъ всѣхъ бѣгущихъ своею рукою. Страхъ обратилъ ихъ паки на непріятеля: но груды каменьевъ и котлы съ кипящею смолою, низвергаемые на дерзостныхъ, прину-

дили ихъ наконецъ оставить предпріятіе и отступить отъ пролома. На семъ одномъ мѣстѣ легло Турковъ вдругъ три тысячи.

Отъ сего времени не проходило дня безъ кровопролитныхъ сшибокъ. Военачальники Турецкіе не щадили крови для достиженія къ концу своего намѣренія: а Родоскіе кавалеры поставляли имъ вездѣ преграды, уничтожавшія всѣ ихъ предпріятія. Сіи неудачи, естественно, дѣйствовали сильнымъ образомъ на умы янычаръ, и снова слышанъ сталъ между ними глухой ропотъ, что ихъ вели на очевидную гибель. Визирь Мустафа, боясь, чтобы сіи жалобы не дошли до ушей Султана и чтобъ Солиманъ не обратилъ гнѣва своего на него за присовѣтованіе сей экспедиціи — которую представилъ онъ Солиману такъ легкою и удобною — рѣшился, чегобъ то

ни стоило, завладѣть городомъ, или погребстись подъ его развалинами, и повелъ самъ войски къ пролому въ бастіонѣ, сдѣлавъ напередъ для виду притворную атаку въ другомъ мѣстѣ. Не смотря на жесточайшій огонь изъ крѣпости, онъ прошелъ до самыхъ внутреннихъ укрѣпленій, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выставилъ уже Магометанское знамя: но раздраженные Христіянскіе воины приняли ихъ тѣмъ съ бóльшимъ жаромъ и съ такою непреодолимою храбростію, что ни Визирьская власть, ни гнѣвъ Султанской не сильны были удержать бѣгства Турковъ.

Вильеръ де Лиль-Адамъ

И сей день стоилъ имъ 3000 человѣкъ убитыми. Кавалеры потеряли также много, по числу своему. Въ самоежъ сіе время открылась измѣна лекаря Жида. Его застали съ стрѣлою, которую онъ хотѣлъ пустить въ станъ непрія-

Вильеръ де Лиль-Адамъ

тельской съ привязаннымъ къ ней письмомъ. На розыскѣ бездѣльникъ признался, что это пятое уже письмо посылаетъ онъ такимъ образомъ въ Турецкой лагерь, и что онъ увѣдомлялъ Султана обо всемъ происходившемъ въ городѣ. По изслѣдованіи дѣла онъ былъ четвертованъ.

Солиманъ, огорченный неудачами, собралъ наконецъ военный совѣтъ, и созвавъ главнѣйшихъ своихъ военачальниковъ, требовалъ ихъ мнѣнія въ разсужденіи толь медленной и толь дорого стоющей осады. Мустафа, представя прежде во угожденіе своему Государю оную весьма легкою, и опасаясь нынѣ гнѣва его, предложилъ учинить генеральный штурмъ и атаковать городъ съ разныхъ сторонъ вдругъ. „До сихъ поръ„ говорилъ онъ „мы вели войну какъ бы „согласясь съ нашими непріятеля-

„ми, и какъ бы изъ великодушія
„не хотя драться съ ними иначе,
„какъ только равными силами. Мы
„нападали всегда на одинъ какой
„нибудь постъ, куда кавалеры
„обращали тотчасъ всѣ свои силы:
„и такъ не удивительно, что толь
„храбрые люди, каковы кавалеры,
„отборнѣйшіе изъ Христіянъ, мо-
„гли до сихъ поръ намъ проти-
„виться. Но естьли вся армія
„окружитъ крѣпость; естьли при-
„ступъ учиненъ будетъ въ раз-
„ныхъ мѣстахъ, гдѣ есть уже
„бреши, и атакующіе подкрѣпляе-
„мы будутъ непрестанно свѣжими
„войсками: то Родосцы, принужде-
„ны будучи тогда дѣлиться на ча-
„сти, не въ силахъ будутъ выдер-
„жать нападенія нашего.„

Вильеръ де-Лиль-Адамъ

Солиманъ согласился съ симъ мнѣніемъ; генеральный штурмъ былъ назначенъ; и чтобы болѣе возбудить воинской жаръ въ Тур-

Вильеръ де Лиль Адамъ

кахъ, Солиманъ объявилъ, что онъ отдастъ имъ городъ на разграбленіе, естьли они возмутъ его штурмомъ.

Мы не станемъ занимать читателя описаніемъ сего ужаснаго дня; скажемъ только, что онъ былъ наиубійственнѣйшій для обѣихъ сторонъ и наизнаменитѣйшій для Христіянской храбрости. Турки потеряли въ оный болѣе 15000 человѣкъ солдатъ, не считая офицеровъ: Христіяне потерпѣли также чрезвычайно много, въ сравненіи числа ихъ съ числомъ непріятеля; но удержали за собою городъ.

Султанъ пришелъ въ ярость отъ сей новой неудачи и обратилъ всю вину сего несчастія на главу Мустафы, присовѣтовавшаго ему сей приступъ. Не уважа ни рода его, ни достоинства, ни родства своего съ нимъ, онъ велѣлъ разстрѣлять его. Армія выведена и по-

ставлена была въ строй, несчастный Мустафа привязанъ уже къ поносному столбу, луки напряжены и ружья прицѣлены: но Паша Пери, остановя исполненіе сей жестокой казни, пошелъ бросился къ ногамъ Султана и умолялъ его о помилованіи Визиря. Солиманъ, раздражась сею дерзостію Паши, осмѣлившагося остановить исполненіе его воли, велѣлъ самаго его, какъ ослушника, подвергнуть тойже казни. Тогда всѣ прочіе Паши, бросившись къ ногамъ Султана, воплями своими умягчили наконецъ его ярость. Онъ простилъ обоихъ, но не захотѣлъ никогда уже видѣть Мустафы и удалилъ его прочь отъ себя.

Вильеръ де Лиль-Адамъ

Солиманъ, испытавъ всѣ способы къ покоренію Родоса, готовъ уже былъ снять осаду, какъ одинъ перебѣжчикъ, родомъ Албанецъ, увѣдомилъ его, что крѣпость

не можетъ выдержать другаго штурма; — что большая часть гарнизона побита, или переранена, и что во всѣхъ припасахъ оказывается недостатокъ. Сіе извѣстіе удержало Солимана; онъ велѣлъ продолжать осаду съ бо́льшимъ жаромъ; и дабы показать и осажденнымъ и своимъ войскамъ, что онъ рѣшился зимовать на семъ островѣ, указалъ построить для себя здѣсь на зиму домъ.

Описывать продолженіе сей осады будетъ повторять тоже, что сказано уже выше о прежнихъ дѣйствіяхъ съ обѣихъ сторонъ. Приступъ повторенъ былъ не однократно, и слѣдствія онаго были почти тѣже, съ тою только разностію, что осажденные со дня на день болѣе ослабѣвали, и укрѣпленія Родоса ежедневно приходили въ бо́льшее раззореніе: равномѣрно и траты Турковъ отчасу ста-

новились имъ чувствительнѣе. Протекло шесть мѣсяцовъ, и Солиманъ, осаждая крѣпость сію съ 200000 человѣкъ, далекъ еще былъ отъ достиженія своей цѣли. Досада и стыдъ, совокупясь со страхомъ отъ разнесшагося потомъ слуха о присылкѣ отъ Европейскихъ державъ знатной помощи кавалерамъ, привели его въ такое отчаяніе, что онъ, погрузясь въ глубокую печаль, заперся одинъ въ своей палаткѣ и нѣсколько дней не выходилъ вонъ изъ оной. И здѣсь старый Пери, воспитатель его въ младенчествѣ, одинъ осмѣлился войти къ нему. Представя въ утѣшеніе Солиману, что дѣло не во-все еще изпорчено; — что войски его подвинулись уже далѣе прежняго; — что число Христіянъ между тѣмъ еще уменьшилось; — что оскудѣніе во всѣхъ припасахъ можетъ скоро сдѣлать осаждающихъ сго-

Вильеръ де Лиль-Адамъ

Вильеръ де Лиль-Адамъ

ворчивѣе — наконецъ онъ успокоилъ Солимана, который и препоручилъ ему окончаніе дѣла.

Пери тотчасъ пустилъ въ городъ нѣсколько стрѣлъ съ письмами, убѣждая жителей къ здачѣ онаго и представляя имъ неизбѣжную ихъ гибель при дальнѣйшемъ упорствѣ; грозилъ имъ подвергнуть ихъ, женъ и дѣтей всѣмъ несчастіямъ, естьли они отказомъ своимъ принудятъ взять городъ штурмомъ. Сверьхъ сихъ писемъ послалъ онъ еще съ предложеніемъ о капитуляціи одного Генуэзца, который однакожъ не былъ впущенъ въ городъ. Чрезъ два дни появился онъ опять предъ городскими стѣнами съ объявленіемъ, что имѣетъ вручить письмо отъ Султана къ великому Магистру: но великій Магистръ, опасаясь подать жителямъ поводъ къ мысли о капитуляціи, не принялъ и письма его.

Потомъ явился другимъ мирнымъ вѣстникомъ тотъ бѣжавшій изъ города Албанецъ, о которомъ мы выше сказали: но великій Магистръ и сему отказалъ также, запретивъ совсѣмъ допускать къ городу такихъ посланниковъ, и подтвердя накрѣпко, что впредь, естьли кто еще отважится подойти къ стѣнамъ городскимъ съ такимиже предложеніями: то онъ велитъ стрѣлять по такомъ изъ города. Вильеръ де Лиль-Адамъ

Между тѣмъ сіи посольства и пущенныя съ стрѣлами въ городъ письма произвели нѣкоторое волненіе въ умахъ жителей, особливо непостоянныхъ Грековъ, составлявшихъ большую часть ихъ, которые начали держать тайныя сходбища и разсуждать въ оныхъ: чего могли они надѣяться и чего ожидать, естьли городъ взятъ будетъ штурмомъ; — какую надежность представляютъ имъ укрѣ-

пленія города, почти уже раззореннаго; — сколько уже потеряли они друзей и сродниковъ безплодно, и сами также должны будутъ погибнуть безвременно; — что они готовы умереть, но не могутъ безъ смертельной горести помыслить о будущей участи ихъ женъ, дочерей и малолѣтныхъ дѣтей; — что все сіе можно бы предупредить честною капитуляціею; — что впрочемъ, кто бы что ни говорилъ о злобѣ Турковъ, но примѣръ другихъ Христіянъ, живущихъ подъ владѣніемъ ихъ спокойно, доказываетъ, что и они могли бы, за плату какой нибудь подати, сохранить свою вѣру и имѣніе.

Съ сими разсужденіями подали они письменное прошеніе своему Митрополиту, прося его сжалиться надъ народомъ и представить великому Магистру, что естьли онъ продолжать будетъ

отвергать всѣ мирныя предложенія Султана: то они первые содѣлаются жертвами буйства янычарскаго; и онъ самъ можетъ быть жалѣть будетъ, когда доведетъ Турковъ до такого разсвирѣпѣнія, что увидитъ церкви оскверняемы, святыя мощи попираемы, женъ и дѣвицъ поругаемыхъ, дѣтей у святой церкви похищаемыхъ и въ Магометово нечестіе обращаемыхъ. Митрополитъ, убѣжденъ будучи ихъ доводами, подалъ прозьбу великому Магистру. Но Лиль-Адамъ, съ благородною твердостію отвергнувъ оную, напомнилъ Митрополиту, что должность ихъ защищать, а не предавать церковь и вѣру, и что онъ съ кавалерами своими рѣшился лучше погребсти себя подъ развалинами города, нежели измѣнить своему званію.

Вильеръ де Лиль-Адамъ

Но страхъ необузданной Турецкой ярости въ случаѣ преодо-

Вильеръ де Лиль-Адамъ

лѣнія города силою, и желаніе мира столько овладѣли умами жителей, что знатнѣйшіе изъ нихъ, собравшись на другой день, пошли сами къ великому Магистру, и объявили ему, что естьли онъ не хочетъ пещися о ихъ участи; то они, по всѣмъ законамъ Божескимъ и человѣческимъ, почитаютъ себя обязанными сами стараться о спасеніи чести и жизни женъ и дѣтей своихъ. Великій Магистръ, опасаясь внутреннихъ раздоровъ, отдалъ представленія ихъ на разсмотреніе Совѣту.

Надобно здѣсь сказать о тогдашнемъ положеніи города. При одной атакѣ славный инженеръ Мартиненгъ, управлявшій артиллеріею и крѣпостными работами, былъ раненъ въ самый глазъ. Всѣ отчаялись о его жизни, и великій Магистръ, заступивъ самъ его мѣсто, во все продолженіе тяжкой

его болѣзни, тритцать четыре дни безвыходно находился при работахъ самъ, день и ночь; и когда отдыхалъ на минуту отъ успалости и для сна, то тутъже на земи.

Вильеръ де Лиль-Адамъ

Въ сіе же время открылась измѣна д'Амаралова. Одинъ изъ его камердинеровъ, по имени *Блезъ Діезъ*, пойманъ былъ съ стрѣлою и привязаннымъ къ ней письмомъ, которыя хотѣлъ онъ пустить изъ лука въ станъ Турецкой. При допросахъ сперва онъ въ рѣчахъ своихъ разбивался; но какъ употребили при томъ пытку: то наконецъ признался и показалъ, что онъ не рѣдко передавалъ такимъ образомъ вѣсти Султану по приказанію своего господина. По сему его показанію арестованъ былъ и Канцлеръ, и дѣло предано было суду самаго Совѣта: но д'Амаралъ въ допросахъ своихъ никакъ не

Вильеръ де Лиль-Адамъ

признавался въ сей измѣнѣ, и положено было предать и его пыткѣ. — Судьи его, жалѣвшіе о своемъ собратѣ, уговаривали его пощадить себя и ихъ отъ сей жестокости добровольнымъ признаніемъ: но Канцлеръ съ негодованіемъ отвергнулъ совѣтъ ихъ, говоря, что прослужа сорокъ лѣтъ съ честію Ордену, онъ не могъ подъ конецъ жизни своей опорочить себя такимъ преступленіемъ, къ которому онъ неспособенъ; и не можетъ быть столько подлъ, чтобы взвесть на себя оное изъ страха мученій. И такъ Канцлеръ отданъ былъ въ пытку; но и въ оной показалъ туже твердость духа, и никакого признанія вынудить изъ него не могли. Не смотря на то, Совѣтъ, утверждаясь на показаніяхъ камердинера, надъ которымъ еще повторена была пытка и который также стоялъ твердо

въ прежнихъ своихъ показаніяхъ, осудилъ обоихъ на смерть. Д'Амаралу отрубили голову, а Діезъ былъ повѣшенъ.

Вильеръ де Лиль-Адамъ

Твердость его и въ самыхъ жестокихъ мученіяхъ и такоеже упорство его камердинера въ своемъ на него доносѣ покрываютъ мрачною завѣсою неизвѣстности сіе дѣло, и мы не смѣемъ ни обвинить, ни оправдать д'Амарала; повѣствуя же его исторію вмѣстѣ съ прочими писателями, скажемъ при семъ случаѣ только то наше заключеніе: — что пытка, какъ изъ сего обстоятельства видно, не есть вѣрный способъ къ узнанію истины; — что оказанныя д'Амараломъ заслуги Ордену могли бы доставить ему пощаду отъ жестокой и поносной пытки; а твердое постоянство его въ оной могло бы по крайней мѣрѣ уважено быть наравнѣ съ доносами слуги. Су-

мнѣніе и подозрѣніе не доказываютъ еще точнаго преступленія; и Орденъ, остановясь на семъ, избавился бы по крайней мѣрѣ того пятна, что онъ пыталъ своего Канцлера, и не дѣлалъ въ томъ различія между кавалеромъ и простымъ слугою.

Между тѣмъ продолжаемая Турками осада со дня на день умножала повреждение въ городѣ, и спасеніе Родоса зависѣло единственно отъ скорой помощи изъ Европы: но Родосъ не могъ получить оной ни отъ одного Христіянскаго Государя. Казалось само небо и стихіи согласились на его погибель. Находившіеся во Франціи кавалеры вооружили и отправили изъ Марсели два корабля съ войскомъ и провіантомъ: но жестокая буря не допустила сихъ кораблей до Родоса; одинъ изъ нихъ совсѣмъ былъ разбитъ, другой приведенъ въ несо-

стояніе служить; Англинскіе Кавалеры, отправившіеся въ Родосъ съ деньгами и разными припасами, также претерпѣли кораблекрушеніе: и такъ Родосъ, лишенный всякой подпоры, больше погребенъ былъ подъ развалинами своихъ укрѣпленій, нежели защищаемъ оными. Дивиться еще надобно, что такое малое число кавалеровъ могло укрываться въ своихъ слабыхъ ретраншементахъ и защищаться такъ долго, отъ толикой силы непріятелей. Но они и не могли бы стоять противъ чрезмѣрнаго ихъ множества, естьлибъ каждый изъ нихъ не былъ готовъ жертвовать жизнію своею за вѣру и Орденъ. — Таковъ страшенъ, таковъ силенъ тотъ, кто не боится смерти! — Исторія предаетъ намъ сихъ кавалеровъ въ такомъ видѣ, что всѣмъ имъ можно приписать единственную сію по-

Вилверъ де Лиль-Адамъ

Вилверъ де Лиль-Адамъ

хвалу: что они были *вѣрны*, и потому *безстрашны* — были безстрашны, и потому *непреодолимы*.

Прежде поданнаго мнѣнія Совѣтомъ на прозьбу гражданъ, Лиль-Адамъ, не отвѣчая еще депутатамъ ихъ, призвалъ кавалеровъ, имѣвшихъ смотреніе надъ городскими укрѣпленіями, дабы изъ устъ ихъ узнать о состояніи города. Вопервыхъ онъ обратился съ симъ вопросомъ къ великому Пріору Сент-Жильскому и къ Бальи Мартиненгу, который не давно предъ симъ вступилъ въ отправленіе прежней своей должности. Отвѣты сихъ двухъ храбрыхъ кавалеровъ испытаннаго мужества, твердости и неустрашимости, не могли быть сумнительны для самаго Вильера; и оба они порознь, одинъ послѣ другаго, объявили: — что они по чести и совѣсти признаться должны, что городъ дер-

жаться долго не можетъ; — что Турки пробрались уже на сорокъ шаговъ внутрь города, и такъ укрѣпились, что не можно надѣяться ни выгнать ихъ оттуда, ни отступить самимъ далѣе; — что всѣ піонеры и лучшіе солдаты побиты; — что равно оказывается недостатокъ и въ военныхъ и въ съѣстныхъ припасахъ; — и что естьли не придетъ скорая помощь изъ Европы: то опасно, едва ли выдержатъ Христіяне и первое нападеніе невѣрныхъ.

Вилльеръ де Лиль-Адамъ

Весь Совѣтъ, утверждаясь на мнѣніи сихъ двухъ храбрыхъ и разумѣющихъ дѣло свое кавалеровъ, подалъ голосъ вступить въ переговоры съ Солиманомъ. Одинъ великій Магистръ, не уменьшая ни мало своей твердости и мужества, былъ противнаго мнѣнія, и представлялъ братьямъ своимъ: — что съ столькихъ вѣковъ, какъ Орденъ

Вильеръ де Лиль-Адамъ

ратоборствуетъ противъ невѣрныхъ, кавалеры въ опасныхъ случаяхъ предпочитали всегда святую и славную смерть сохраненію бренной жизни; что онъ готовъ подать имъ въ томъ примѣръ собою и заклинаетъ ихъ, прежде приступленія къ толь горестному рѣшенію, зрѣло о семъ размыслить. Главнѣйшіе члены Совѣта отвѣтствовали на то: — что естьли нужна только жизнь ихъ, то они охотно послѣдуютъ его примѣру и помрутъ всѣ за нимъ; что, надѣвъ одежду Ордена, они уже посвятили жизнь свою Богу и готовы жертвовать ею; но что здѣсь дѣло идетъ не о томъ, а о спасеніи жителей; и естьли невѣрные возьмутъ городъ штурмомъ: то погибель жизни, чести и имѣнія жителей, ихъ женъ и дѣтей неизбѣжна, раззореніе церквей и поруганіе святыхъ мощей неотвра-

тимо. Великій Магистръ согласился напослѣдокъ на сіи человѣколюбивыя и благочестивыя представленія, и положено было *не отвергать мирныхъ предложеній Солимана, и при первомъ открытіи оныхъ отвѣчать на оныя и вступить въ переговоры.*

Самая судьба, отягчившая толико руку свою на Родосѣ, устроивала однакожъ между тѣмъ и средства къ облегченію участи кавалеровъ. Разнесшійся въ Турецкомъ лагерѣ слухъ о скорой помощи, ежедневно будто бы ожидаемой кавалерами, отчасу разпространялся болѣе, и дошелъ наконецъ до того, что Солиманъ, встревоженный онымъ, и видя всѣ пути къ переговорамъ со стороны великаго Магистра прерванными, вздумалъ напослѣдокъ выставить въ двухъ мѣстахъ предъ городомъ бѣлое знамя. Великій Магистръ, рѣшившійся поступить

Вильеръ де Лиль-Адамъ

по опредѣленію Совѣта, велѣлъ также поднять бѣлый флагъ и съ своей стороны. По сему знаку тотчасъ явились два Турка и вручили высланнымъ на встрѣчу имъ великому Пріору Сент-Жильскому и Бальи Мартиненгу письмо отъ Султана къ великому Магистру, содержавшее въ себѣ требованіе здачи города, съ выгодными предложеніями, естьли крѣпость здана будетъ немедленно, и съ угрозами въ случаѣ промедленія въ здачѣ. По представленіи съ обѣихъ сторонъ аманатовъ, отправлены были двое уполномоченныхъ въ Турецкой лагерь. Они имѣли аудіенцію у Султана и приняты были съ большою почестью. Паша Ахметъ, съ которымъ они имѣли дѣло и у котораго они обѣдали, за обѣдомъ разгорячась отъ напитковъ, признался при семъ случаѣ посланникамъ, что сія осада стоила

Султану 44000 человѣкъ убитыми, кромѣ такогоже почти числа умершихъ отъ болѣзней и отъ суровой погоды въ сіе зимнее время.

Вильеръ де Лиль-Адамъ

Сверьхъ тѣхъ двухъ уполномоченныхъ присланы были изъ Родоса еще два посла, оба Испанца: Донъ Раймундъ Маркетъ и Донъ Лопе Дебасъ. Переговоры начались, и Султанъ обѣщалъ кавалерамъ свободный выходъ, естьли они немедленно здадутъ ему Родосъ со всѣми принадлежащими къ нему островами. Послы потребовали перемирія на три дни для составленія капитуляціи и соглашенія жителей: но Султанъ, тревожимый безпрестанно слухами ожидаемой ими помощи, отвергнулъ предлагаемое перемиріе; и чтобы побудить великаго Магистра къ скорѣйшей уступкѣ, велѣлъ начать опять пальбу по крѣпости и изготовиться къ генеральному

Вильеръ де Лиль-Адамъ

штурму, отправя назадъ одного изъ пословъ въ городъ, а другаго удержавъ у себя, по видимому для возобновленія переговоровъ, естьли оружіе его не будетъ имѣть желаемаго успѣха.

И такъ снова батареи пришли въ дѣйствіе съ обѣихъ сторонъ: но со стороны Христіянъ дѣйствіе было слабѣе, потому что оскудѣніе въ порохѣ заставляло ихъ беречь оный на будущій штурмъ. Не взирая на то, невѣрные и въ сей разъ не имѣли никакого верьха.

17 Декабр: На завтра Солиманъ повелѣлъ произвесть штурмъ. Турки явились въ такомъ множествѣ и съ такимъ бѣшенствомъ, что кавалеры принуждены были уступить превосходству числа ихъ и податься еще далѣе внутрь города. Тогда паки предстали всѣ жители и настоятельно просили великаго

Магистра начать снова переговоры Вильеръ де Лиль-Адамъ
и позволить и имъ отправить въ лагерь Турецкой отъ себя двухъ депутатовъ, которые бы пеклись о ихъ пользѣ и старались о мирѣ вмѣстѣ съ его послами.

При отправленіи оныхъ великій Магистръ, въ чаяніи прибытія ожидаемаго сиккурса желая продлить негоціацію, поручилъ своему посланному показать Ахмету прежній трактатъ, заключенный великимъ Магистромъ Добюссономъ съ Баязетомъ, въ которомъ сей Султанъ объявлялъ проклятіе тѣмъ своимъ преемникамъ, которые нарушатъ сей договоръ съ кавалерами. Великій Магистръ хотѣлъ испытать: не подѣйствуетъ ли на Солимана клятва предка его, и не согласится ли онъ за какую нибудь сумму денегъ отступить отъ Родоса? Но Ахметъ едва взглянулъ на сію бумагу, то изо-

Вильерт де Лиль-Адамъ

рвавъ ее въ клочки, выгналъ вонъ посланника съ депутатами. Не видя болѣе никакихъ средствъ къ спасенію города и никакихъ способовъ къ защищенію его, великій Магистръ паки отправилъ въ лагерь посла и депутатовъ, которые согласились наконецъ съ Ахметомъ въ слѣдующихъ условіяхъ:

1522. Декабр.

„Не касаться церквей и не препятствовать свободному отправленію Богослуженія; — не отнимать у отцовъ и матерей дѣтей, не записывать ихъ въ янычара, и не обращать ихъ въ Магометанскую вѣру; — освободить народъ отъ всякихъ податей на пять лѣтъ; — дать всякому свободу въ выѣздѣ изъ Родоса; — естьли у великаго Магистра не достанетъ судовъ для перевоза ихъ и ихъ имущества въ Кандію, то бы оныя даны были отъ Султана; — чтобъ дано было отъ

„дня подписанія капитуляціи двѣ- Вильеръ де Лиль-Адамъ
„натцать дней сроку для сбору;
„— чтобы позволено было взять
„съ собою святыя мощи, церко-
„вные сосуды, украшенія и мебели,
„всю артиллерію, нужную для
„вооруженія галеръ; — а напро-
„тивъ всѣ крѣпости Родоса съ
„прочими островами Орденъ очи-
„ститъ и отдастъ Туркамъ; — и
„дабы дать полное дѣйствіе се-
„му договору, положено было, что-
„бы Турецкая армія отступила
„на нѣсколько миль отъ города; а
„янычарской Ага съ 4000 янычаръ
„занялъ бы крѣпость: въ поручи-
„тельство же за ихъ безопасность
„великій Магистръ давалъ Султану
„двадцать пять кавалеровъ съ двад-
„цатью пятью знатнѣйшими изъ
„жителей въ залогъ.„

Едва положено было начало исполненію сего трактата, какъ вдругъ усмотренъ былъ много-

численный флотъ, шедшій на всѣхъ парусахъ къ Родосу. Турки, думая, что это та помощь, которой ожидали кавалеры, пришли въ смятеніе и бросились къ ружью: но по приближеніи кораблей оказалось, что они были Турецкіе, везшіе помощь самимъ Туркамъ. Къ счастію, судьба, приведшая сіи корабли нѣсколькими днями пожже, избавила тѣмъ Родосцовъ отъ бо́льшаго бѣдствія; ибо естьлибъ они подоспѣли прежде, Солиманъ, вѣроятно, предписалъ бы жесточайшія условія; и сіе обстоятельство событіемъ своимъ оправдало поспѣшность жителей и самихъ кавалеровъ въ заключеніи капитуляціи.

Два дни спустя по подписаніи оной Ахметъ имѣлъ конференцію съ великимъ Магистромъ за городомъ, и объявилъ ему, что Султанъ желаетъ его видѣть,

Вильеръ де Лиль-Адамъ

внуша при томъ, что дабы не разсердить Его Султанскаго Величества, онъ не долженъ уѣжжать не видавши своего побѣдителя. Невѣрность Турковъ въ храненіи договоровъ заставляла опасаться сего свиданія: но Вильеръ лучше захотѣлъ пожертвовать своею особою, нежели отказомъ возбудить Султана къ нарушенію мирныхъ условій съ городомъ. На другой день по утру онъ отправился въ Турецкой лагерь. Турецкая гордость продержала его цѣлый день безъ пищи, безъ питья, безъ покрова, на вѣтру, подъ снѣгомъ и градомъ, и уже вечеромъ онъ былъ впущенъ въ шатеръ къ Султану. Солиманъ, тронувшись величествомъ вида его, принялъ его съ отмѣннымъ уваженіемъ, утѣшалъ его въ его участи, называя паденіе и пріобрѣтеніе царствъ обыкновенною игрою фор-

Вильеръ де Лиль-Адамъ

туны, и объявя, что у него нѣтъ такого мѣста, ни такого званія, въ которомъ бы онъ ему отказалъ, естьлибъ онъ захотѣлъ принять у него службу и перемѣнить вѣру. Но Вильеръ, будучи хорошій Христіяниннъ, поблагодаря Солимана, отвѣчалъ ему, что онъ недостоинъ былъ бы его милостей, естьли бы принялъ его предложеніе; что такой великой Государь, какъ онъ, не заслуживаетъ того, чтобъ былъ обезчещенъ службою измѣнника и вѣроотступника, и просилъ только Султана приказать своимъ офицерамъ не тревожить его въ сборѣ и отъѣздѣ изъ острова. Солиманъ отвѣчалъ ему, что онъ можетъ собираться спокойно и изподоволь, и можетъ положиться на вѣрность даннаго ему слова; а въ знакъ дружбы, или изъ гордости, далъ поцѣловать ему руку.

Но не взирая на договоръ и увѣренія Султанскія, нѣкоторые янычара, пришедши въ городъ изъ лагеря, подъ предлогомъ свиданія съ своими товарищами, позволили себѣ разныя насилія и грабежи, не пощадя ни домовъ, ни церквей, ниже гробовъ великихъ Магистровъ, которые также вскрыли, въ надеждѣ найти въ нихъ большія сокровища. Но сія наглость, по жалобѣ великаго Магистра, тотчасъ была отвращена. Вильеръ де Лиль-Адамъ

Честолюбивый Солиманъ, желая, чтобы съ славою оружія его Родосцы разнесли всюду между Христіянами славу и его добродѣтелей, оказывалъ всякое великодушіе побѣжденнымъ, и даже самъ посѣтилъ великаго Магистра. Вильеръ принялъ его со всею почестью, должною такому великому Монарху; и Солиманъ, разставаясь съ нимъ, признался, что онъ съ со-

Вильеръ де Лиль-Адамъ

болѣзнованіемъ изгоняетъ такого почтеннаго старца изъ дому владычества его, и просилъ великаго Магистра не безпокоиться съ лишкомъ о своемъ выѣздѣ; сказавъ, что естьли даннаго сроку къ тому не довольно: то онъ ему еще прибавитъ времени.

Но Лиль-Адамъ рѣшился выѣхать прежде еще сроку; потому что Солиманъ чрезъ два дни отъѣжжалъ въ Константинополь, а Вильеръ опасался остаться безъ него съ необузданными Турецкими войсками. Наконецъ наступилъ сей роковой день выѣзда и представилъ зрѣлище самое плачевное. Вездѣ слышны были вопли и стоны плачущихъ дѣтей, сѣтующихъ женъ и воздыхающихъ мужей, проклинавшихъ лютый свой жребій.

Кромѣ кавалеровъ нашлось еще болѣе четырехъ тысячь жителей, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, ко-

торые захотѣли ѣхать съ кавалерами. Амуратъ, сынъ несчастнаго Зизима, хотѣлъ также уйти съ ними: но Солиманъ столь строго наблюдалъ всѣ шаги его, что никакое переодѣванье не могло скрыть его отъ присмотру примѣчавшихъ за нимъ. Солиманъ захватилъ его; и подъ предлогомъ вины той, что онъ отступилъ отъ отеческой вѣры, велѣлъ публично предъ глазами всей арміи ему и двумъ его сыновьямъ отрубить головы, а двухъ дочерей его запереть въ сераль. Вильеръ де Лиль-Адамъ

Великій Магистръ вступилъ на корабль послѣдній; и флотъ его, состоявшій всего изъ 50 судовъ, галеръ, гальотовъ; бригантинъ и фелукъ, снялся съ якоря 1 Января, и поплылъ отъ тѣхъ береговъ, гдѣ Орденъ съ такою славою державствовалъ около 220 лѣтъ. Онъ пустился къ острову Кандіи, куда великій Магистръ велѣлъ соби- 1523.

Вилверъ де Лиль-Адамъ

раться всѣмъ Губернаторамъ другихъ орденскихъ островов, уступленныхъ капитуляціею Портѣ. По претерпѣніи жестокой бури, разсѣявшей сей флотъ и потопившей нѣкоторыя суда, наконецъ всѣ они собрались въ пристаняхъ Кандіи, острова, какъ извѣстно, принадлежавшаго Венеціянской республикѣ. — Они приняты были здѣсь съ отличною почестію и живыми знаками искреннѣйшаго участія въ несчастной ихъ участи. Но великій Магистръ не могъ удержаться, чтобъ не оказать прискорбія своего Венеціянскому Адмиралу, что онъ, имѣя готовый флотъ изъ 60 галеръ, по робкой политикѣ Венеціянъ, не захотѣлъ подать помощи утѣсненному Родосу; и сіе болѣзненное его чувство не позволило ему остаться долго на семъ островѣ, какъ Венеціянской начальникъ предлагалъ

ему. Починя поврежденныя суда, великій МагистрЪ снялся сЪ якоря вЪ началѣ Марта, и пустился кЪ берегамЪ Италіи, отправя впередЪ на легкой бригантинѣ пословЪ кЪ Папѣ и другимЪ ХристіянскимЪ ГосударямЪ сЪ извѣстіемЪ о потерѣ Родоса и сЪ жалобою на ихЪ равнодушіе.

Вильеръ де Лиль-Адамъ

Не смотря на справедливость сихЪ жалобЪ, ВильерЪ при сихЪ обстоятельствахЪ запретилЪ послу своему касаться строго сего пункта. Сія скромность Вильерова не избавила однакожЪ Европейскихъ Государей, особливо Папу, отЪ горькихЪ упрековЪ за оставленіе Ордена вЪ такой нуждѣ его безЪ всякаго пособія. КакЪ вЪ самый тотЪ день, когда здался РодосЪ, упала часть мраморнаго архитрава вЪ Папской церкви вЪ ту самую минуту, какЪ онЪ входилЪ вЪ нее, и убила одного изЪ

его гвардейцовъ, ему предшествовавшаго: то народъ, часто бывающій толкователемъ глаголовъ неба, не преминулъ признать сей случай за знакъ вышняго неблаговоленія и за явное предвѣщаніе гнѣва Божія.

Великій Магистръ поручилъ послу своему просить Папу о двухъ милостяхъ: во первыхъ, чтобы онъ помогъ ему найти какой нибудь островъ, или приморской городъ для преселенія Ордена; во вторыхъ, чтобы онъ буллою запретилъ кавалерамъ разсѣваться по разнымъ странамъ Европы и оставлять свое званіе, чего онъ наиболѣе опасался при сихъ обстоятельствахъ. Папа издалъ такую буллу, и въ оной угрожалъ проклятіемъ, естьли кто оставитъ свое званіе и своего великаго Магистра; а о мѣстѣ для пребыванія Ордену обѣщалъ стараться.

Между тѣмъ за противными вѣтрами и за множествомъ раненыхъ и больныхъ великій Магистръ долженъ былъ остановиться еще у острова Церигo, и уже въ Маіѣ прибылъ въ Мессину. Вицерой предложилъ ему сей городъ къ его пребыванію. Вильеръ избралъ жилищемъ себѣ домъ Пріорской; помѣстя тутъ и въ близь лежащихъ домахъ всѣхъ раненыхъ и больныхъ кавалеровъ. Потомъ тотчасъ принялся за изслѣдованіе поведенія тѣхъ кавалеровъ, которымъ поручено было доставить помощь въ Родосъ. По слѣдствію открылось, что они не были виновны; что провіантъ и люди были готовы, и путешествіе уже предпринято; но корабли ихъ были удержаны или противными вѣтрами, или морскими разбойниками. — Вильеръ де Лиль-Адамъ

По окончаніи сего слѣдствія Вильеръ, утѣшаясь тѣмъ, что на-

Вильеръ де Лиль-Адамъ

шелъ братьевъ своихъ невинными въ несчастіи Родоса, сбирался ѣхать въ Римъ къ Папѣ. Но судьба, не преставшая еще гнать его, оказала ему и здѣсь ту суровость, что въ Мессинѣ появилась моровая язва. Великій Магистръ тотчасъ поспѣшилъ выйти оттуда съ своимъ флотомъ: но не взирая на его осторожность, язва прокралась также и въ корабли и заразила многихъ кавалеровъ; по чему онъ принужденъ былъ остановиться въ одномъ заливѣ королевства Неаполитанскаго и остаться тутъ до выздоровленія больныхъ.

Проведя здѣсь болѣе мѣсяца, напослѣдокъ онъ вышелъ съ колоніею своею опять въ море, и чрезъ нѣсколько дней прибылъ въ Чивитавеккію, откуда наконецъ позванъ онъ былъ въ Римъ, и принятъ съ отмѣннымъ уваженіемъ. Папа, какъ скоро онъ вступилъ

въ аудіенц-залу, всталъ съ своего мѣста и выступилъ нѣсколько шаговъ впередъ на встрѣчу ему, называя его героемъ вѣры и щитомъ Христіянства, и увѣряя въ своемъ благоразположеніи и стараніи объ участи Ордена. Но послѣ сей аудіенціи Вильеръ не видалъ болѣе сего Папы; Адріанъ былъ уже боленъ, и смерть скоро низвела его во гробъ.

Вильеръ де Лиль-Адамъ

14 Сент:

На мѣсто Адріана вступилъ изъ Кардиналовъ Юлій Медицисъ подъ именемъ Климента VII, бывшій прежде самъ орденскимъ братомъ; и кавалеры почли избраніе его за особенное дѣйствіе благоволящаго къ нимъ Провидѣнія. Надежда ихъ на сего Папу не была тщетна: ибо едва онъ освободился отъ церемоніальныхъ обрядовъ своего избранія и коронованія, то въ полной консисторіи далъ великому Магистру аудіенцію. Вильеръ

Вильеръ де Лиль-Адамъ

сдѣлалъ тогда ему подробное донесеніе о происшедщемъ при осадѣ Родоса и о настоящемъ состояніи Ордена. Всѣ присутствовавшіе не могли воздержаться отъ слезъ при его описаніи; и Папа, съ согласія Кардиналовъ, предложилъ великому Магистру для пребыванія его съ братьями городъ Витербо, пока найдетъ онъ удобнѣйшее мѣсто, гавань, или островъ, гдѣ бы Орденъ прочнымъ образомъ могъ утвердиться и продолжать служеніе свое церкви и вѣрѣ по своему званію; до тѣхъже поръ позволилъ онъ кораблямъ и галерамъ его остаться въ гавани Чивитавекской.

Къ первому сему знаку благоволенія своего Папа присовокупилъ еще другой, хотя не столь важный, но не менѣе отличительный, опредѣля: чтобы великій Ма-
1524. гистръ, во время отправленія Папою

божественной службы, занималъ первое мѣсто у трона съ правой руки; а при торжественныхъ процессіяхъ ѣхалъ бы передъ нимъ последній.

Вильеръ де Лиль-Адамъ

До отъѣзда своего въ Витербо Вильеръ имѣлъ еще нѣсколько аудіенцій у Папы, въ которыхъ нашелъ случай предложить ему нѣкоторые планы о учрежденіи будущей судьбы Ордена, объявя Клименту, что ему дѣланы были разныя о семъ предложенія, которыхъ онъ не принялъ; потому что они отдаляли его отъ главной цѣли Ордена — покровительствованія благочестивымъ странникамъ и защищенія кораблеплаванія Христіянъ. — Предлагали ему на примѣръ взять какую нибудь гавань на островѣ Кандіи, либо на островѣ Церигo: но оба сіи острова принадлежатъ Венеціянамъ; а онъ знаетъ, что ревнивые сіи респу-

Вильеръ де Лиль-Адамъ

бликанцы изъ одного страха, чтобъ не прогнѣвить Султана, не захотятъ добровольно принять его къ себѣ. Стольже неудобно было предложеніе и острова Эльба у береговъ Тосканскихъ; потому что сей островъ принадлежитъ собственно Королю Испанскому; Орденъ же не можетъ быть въ подданствѣ ни у какого государя. Туже самую невыгоду нашелъ онъ и въ принятіи предлагаемыхъ ему отъ нѣкоторыхъ Испанскихъ кавалеровъ, съ согласія по видимому Министровъ Императорскихъ, острововъ Мальты и Гоцца съ городомъ Триполемъ; особливо потому, что Триполь лежитъ на берегу варварскомъ, окруженъ отовсюду тамошними народами, противъ которыхъ онъ не въ состояніи долго держаться.

Папа однакожъ, не смотря на основательныя причины великаго

Магистра, нашелъ послѣднее предложеніе стоющимъ большаго уваженія, и совѣтовалъ великому Магистру не отвергать онаго, а стараться только осторожнымъ образомъ избѣжать скрытыхъ сѣтей Императорскихъ Министровъ, которыхъ цѣль очевидно та, чтобы сдѣлать Орденъ подданнымъ своему Государю.

Вильеръ де Лиль-Адамъ

По сему Папскому совѣту, Вильеръ, какъ скоро прибылъ въ Витербо, послалъ въ Мадритъ, гдѣ Императоръ тогда находился, Пріора Кастильскаго, кавалера Мартиненга — извѣстнаго славнаго Инженера — и Коммандора Бозіо, также извѣстнаго человѣка, съ прозьбою къ Императору о уступкѣ острова Мальты и Гоцца, не упоминая о Триполѣ.

Прозьба сія была совершенно согласна съ желаніемъ Императора; ибо сверьхъ того, что симъ изба-

Виліерь де Лиль-Адамъ

влялся онъ отъ тяжкихъ издержекъ, коихъ требовало содержаніе въ сихъ островахъ гарнизоновъ, онъ надѣялся сбыть съ рукъ Триполь, который онъ едва могъ защищать среди варварскихъ народовъ, и видѣлъ также, что кавалеры, находясь безпрестанно въ войнѣ съ невѣрными, сами по себѣ будутъ оградою Сициліи, которая, по завоеваніи Родоса, открыта стала нападеніямъ Турковъ. Выгоды сіи были довольно важны, чтобы заставить Карла V. принять сіе прошеніе: а чтобы еще болѣе при томъ выиграть, онъ велѣлъ объявить посланникамъ; „что хотя онъ и не удаленъ отъ „исполненія ихъ прозьбы; но предлагаетъ при томъ слѣдующія условія: 1) чтобы кавалеры приняли „отъ него острова Мальту и Гоццо „вмѣстѣ съ городомъ Триполемъ, „безъ котораго онъ и острововъ

„тѣхъ уступить не можетъ; 2) „чтобы Орденъ далъ ему присягу „въ вѣрности, какъ законному „оныхъ Государю; 3) чтобы учре-„жденъ былъ новый вторый Бальи „изъ языка Кастильскаго; 4) что-„бы въ небытность Адмирала надъ „галерами начальствовалъ не иной „кто, какъ кавалеръ изъ языка „Италіянскаго; 5) чтобы Импера-„торъ не былъ впредь обязанъ „снабдѣвать Мальту хлѣбомъ.„ Вилльеръ де Лиль-Адамъ

Съ сими прелиминарными пунктами Бозіо отправился обратно къ великому Магистру въ Витербо. Сіи условія были бы тотъже часъ отвергнуты, естьлибъ не удержало то обстоятельство, что большая часть коммандорствъ Орденскихъ находилась въ областяхъ Императорскихъ, и потому боялись раздражить Императора. И такъ положено было не прерывать переговоровъ, а ожидать отъ

времени и обстоятельствѣ, такѣ какѣ и отѣ посредничества Папы, умѣреннѣйшихѣ условій. Между тѣмѣ Орденѣ отправилѣ вѣ Мальту, Гоццо и Триполь восмерыхѣ комисаровѣ, по одному изѣ каждаго языка, для осмотру сихѣ мѣстѣ.

Великій Магистрѣ тѣмѣ менѣе имѣлѣ причины спѣшить окончаніемѣ сихѣ переговоровѣ, что ему представлялся гораздо выгоднѣйшій и гораздо удобнѣйшій случай кѣ возвращенію паки Родоса. Сосланный Солиманомѣ вѣ Египетѣ помянутый полководецѣ его Мустафа, находясь тамо губернаторомѣ, жестокими своими поступками и разными притѣсненіями возбудилѣ противѣ себя народѣ до такой мѣры, что оный взбунтовался, и Султанѣ, принужденѣ будучи послать на мѣсто его другаго, отправилѣ туда Ахмета, того самаго, котораго видѣли мы при

осадѣ Родоса. Ахметъ, вошедшій въ Египетъ съ сильною арміею, укротилъ недовольныхъ: но видя себя полновластнымъ повелителемъ толь отдаленнаго края, вздумалъ самъ сдѣлаться независимымъ отъ Султана. Онъ старался во-первыхъ чрезъ сложеніе, или сбавку многихъ податей снискать любовь народную; потомъ началъ мало по малу отдалять Турецкихъ чиновниковъ, (коихъ Египтяне ненавидѣли,) и возводить на ихъ мѣста природныхъ Египтянъ; наконецъ собралъ разсѣянныхъ Мамелюковъ и всѣми способами ласкалъ ихъ и привлекалъ къ своей сторонѣ; и обезопася себя такимъ образомъ, приступилъ къ исполненію своего намѣренія. Чтобы воспрепятствовать Султану обратить сюда всѣ свои силы, старался онъ привлечь въ союзъ съ собою нѣкоторыя Христіянскія Державы,

Вильеръ де Лиль-Адамъ

Вильеръ де Лиль-Адамъ

и на сей конецъ отправилъ посольство къ Папѣ и къ великому Магистру съ предложеніемъ союза противъ Солимана, котораго первымъ условіемъ было возвращеніе Родоса.

Такое предложеніе, естественно, обрадовало великаго Магистра: но онъ, не смѣя скоро рѣшиться на оное, одаря щедро посланника Ахметова, обЪявилъ ему, что ему нужно напередъ извѣдать разположенія главнѣйшихъ Христіянскихъ Государей; узнавъ же ихъ мысли, онъ увѣдомитъ обо всемъ самъ Ахмета.

Въ самоежъ сіе время, какъ великій Магистръ занимался важнымъ симъ планомъ, одинъ изъ орденскихъ кораблей, начавшихъ выѣжжать противъ морскихъ разбойниковъ, привезъ къ нему нѣсколькихъ Родосскихъ купцовъ, тайно пріѣхавшихъ къ нему изъ

Родоса. Извѣстія ихъ совершенно согласовались съ желаніемъ великаго Магистра. Они увѣряли, что стѣны и укрѣпленія Родосскія были еще не исправлены, городъ имѣлъ весьма малый гарнизонъ, и двѣ башни гаванскія состояли подъ вѣдѣніемъ янычарскаго Аги, который, бывши прежде Христіяниномъ, имѣетъ и нынѣ тайныя связи съ прежними своими единовѣрцами. Самые жители, присовокупили они, съ радостію примутъ оружіе противу своихъ утѣснителей, лишь бы увидѣли подъ стѣнами города орденское знамя. Вильеръ де Лиль-Адамъ

Дабы болѣе еще увѣриться въ справедливости сихъ извѣстій, великій Магистръ отправилъ въ Родосъ хитраго Бозіо, всегдашняго своего негоціатора, который нашелъ способъ узнать подробно состояніе крѣпости и даже войти въ связь съ Агою, который прямо

Вильеръ де Лиль-Адамъ

объявилъ ему: что онъ усердно желалъ бы возвратиться въ нѣдра матери своей, Христіянской церкви, и готовъ впустить Христіянскія войски въ свои укрѣпленія, естьли великій Магистръ постарается только заблаговременно снабдить оныя провіантомъ и оружіемъ.

Все подавало надежду къ удачному совершенію сего плана, какъ вдругъ пришло извѣстіе, что Султанъ предупредилъ Ахмета. Узнавъ о мятежническихъ его замыслахъ, онъ послалъ въ Египетъ сильную армію; и Ахметъ, не видя себѣ помощи отъ Христіянъ, приведенъ былъ въ крайнее замѣшательство. Скоро увидѣлъ онъ себя оставленнымъ отъ всей вѣроломной своей партіи; и полководецъ Солимановъ, примѣтя то, обѣщалъ всѣмъ прощеніе, и большую награду тому, кто выдастъ ему въ руки

Ахмета: чрезъ что разсѣялъ совершенно его единомышленниковъ, такъ что наконецъ они сами, задуша его въ банѣ, отворили Туркамъ ворота. Вильеръ де Лиль-Адамъ

Сіе несчастное происшествіе не во́-все однакожъ уничтожило надежду великаго Магистра. Ага, устрашенный смертію Ахмета, тѣмъ болѣе поощрялъ его къ исполненію ихъ плана: но великій Магистръ, потерявъ надежду на помощь изъ Египта, за нужное почелъ приступить къ дѣлу съ бо́льшею осмотрительностію и увѣриться прежде: примутъ ли участіе въ его намѣреніи Христіянскія Державы?

Между тѣмъ какъ онъ принималъ мѣры къ испытанію мыслей Европейскихъ Государей, Комисары возвратились изъ осмотру Мальты, Гоцца и Триполя, и донесенія ихъ были не очень

Вилеръ де Лиль-Адамъ

лестны. По словамъ ихъ *Мальта* была не столько островъ, сколько камень высунувшійся изъ моря, едва фута на три или на четыре покрытый землею, неудобный къ земледѣлію, скудный водою и лѣсомъ, такъ что дрова продавались здѣсь на вѣсъ, и жители употребляли коровій калъ вмѣсто оныхъ; а воду доставали изъ колодцовъ, или собирали дождевую; — самый главный городъ на семъ островѣ обнесенъ только стѣною, безъ всякихъ другихъ укрѣпленій, кромѣ башенъ надъ воротами; — на полуденной сторонѣ ни крѣпости, ни гавани, ни залива, ниже другаго какого либо убѣжища для кораблей на островѣ нѣтъ; — и весь берегъ съ сей стороны усѣянъ большими каменьями и утесами, которые дѣлаютъ плаваніе въ сихъ мѣстахъ опаснымъ: но на другой сторонѣ есть мысы и заливы, и такія

мѣста, гдѣ корабли удобно пристать могутъ; и по сему самому думаютъ они, что предложеніе Императорово, естьли условія онаго будутъ не тяжки, принять можно. *Гоццо*, называемый жителями *Годишъ*, хотя окруженъ каменными скалами и не имѣетъ никакой гавани, но пошва земли кажется имъ лучше; — вся защита его состоитъ въ одномъ худо укрѣпленномъ замкѣ: но Гоццо такъ близко лежитъ отъ Мальты, что не смотря на бѣдность его укрѣпленій, взявши Мальту, не льзя уже обойтись безъ него. О Триполѣ объявили они, что онъ: находясь на варварскомъ берегу далеко отъ Мальты, окруженъ со всѣхъ сторонъ непріятелями, и не имѣетъ надлежащихъ укрѣпленій, къ которымъ, по песчаному и болотистому грунту, и неудобенъ; лишенъ съѣстныхъ припасовъ и

Вильеръ де Лиль-Адамъ

и плодовЪ; гавань его защищается одною только горою: а потому онЪ весьма ненадеженЪ, и напрасно стоить будетЪ многой крови.

1524. Августа Великій МагистрЪ сообщилЪ сіе донесеніе ПапѢ и просилЪ его посредничества у Императора вЪ полученіи сихЪ только двухЪ островЪ безЪ Триполя: но вЪ сіе время Папа менѢе всякаго другаго былЪ удобенЪ кЪ сему посредничеству. ОнЪ заключилЪ тогда союзЪ сЪ Венеціянами и КоролемЪ АнглинскимЪ противЪ Императора, который послѢ сраженія при Павіи, гдѢ Король Французской ФранцЪ I. взятЪ былЪ имЪ вЪ плѢнЪ, учинился страшнымЪ для всей Италіи.

При сихЪ обстоятельствахЪ, столь непріятныхЪ для Ордена, представился великому Магистру со всѢмЪ неожидаемый случай самому объясниться о семЪ дѢлѢ

съ Императоромъ. По взятіи въ плѣнъ помянутаго Короля Французскаго, Франца I, мать его, сдѣлавшаяся Правительницею Королевства, старалась возвратить Франціи Короля и миръ, и рѣшилась послать въ Испанію къ Императору дочь свою и сестру Королевскую, Герцогиню д'Алансонъ, принцессу чрезвычайной красоты и тонкаго разума, и воспитанную въ придворныхъ хитростяхъ, надѣясь чрезъ нее получить отъ Карла V. миръ на сноснѣйшихъ условіяхъ. Въ семъ намѣреніи она прислала просить великаго Магистра отвезти сію принцессу въ Испанію на орденскихъ галерахъ. Вильеръ сообщилъ сіе приглашеніе Папѣ; и Папа, находя, что при настоящихъ обстоятельствахъ Ордена, нужно оному имѣть на своей сторонѣ какую нибудь сильную державу въ Европѣ, присовѣто-

Вильеръ де Лиль-Адамъ

Вильеръ де Лиль-Адамъ

валъ ему принять сіе предложеніе; ибо чрезъ то привяжетъ онъ Францію къ своей пользѣ. Слѣдуя сему совѣту Вильеръ тотчасъ отправился съ галерами своими во Францію, и прибылъ туда благополучно.

Императорскіе Министры, узнавъ о семъ происшествіи, и не зная побудительныхъ причинъ оному, тотчасъ наложили секвестръ на всѣ орденскія имѣнія; и Императоръ, давно досадовавшій на медленность кавалеровъ въ начатыхъ съ нимъ переговорахъ, одобрилъ сей поступокъ, и послалъ въ Витербо одного Испанскаго кавалера, своего подданнаго, съ объявленіемъ: „что Императоръ, предлагая Ордену толь знатное владѣніе, надѣялся, что Орденъ приметъ „даръ его съ радостію и благодар„ностью, и ждалъ восмнатцать „мѣсяцовъ отъ него отзыва, не на-

„чиная за тѣмъ нужныхъ въ тѣхъ „мѣстахъ поправокъ и укрѣпленій: „но не дождавшись до сихъ поръ „опредѣлительнаго рѣшенія на свои „великодушныя предложенія, тре„буетъ теперь рѣшительнаго от„вѣта отъ Совѣта: *да*, или *нѣтъ*.„ Сей посланникъ прибавилъ къ тому еще: что естьли найдется какой нибудь противный ему языкъ: то Императоръ, его государь, будетъ умѣть поступить съ таковымъ приличнымъ чести его образомъ.

Вильеръ де Лиль-Адамъ

Императоръ Карлъ V, бывшій вмѣстѣ и Королемъ Испанскимъ и Эрцгерцогомъ Австрійскимъ и Брабантскимъ, былъ изъ числа тѣхъ государей, которые, гордяся силою своей имперіи и счастливымъ своимъ положеніемъ, думаютъ повелѣвать всѣми другими державами. Духъ властолюбія его прокрался и въ самый Орденъ; большая часть

Вилье́ръ де Лиль-Адамъ

Испанскихъ кавалеровъ, подданныхъ его, гордясь также величіемъ своего Монарха и подражая его примѣру, равно хотѣли повелѣвать въ Совѣтѣ; и потому настоятельно требовали, чтобы сіи всемилостивѣйшія предложенія Императора приняты были со всѣми ихъ условіями безпрекословно, угрожая впрочемъ, естьли Французскіе кавалеры на то не согласятся, поселиться отдѣленно въ Мальтѣ и безъ великаго Магистра, и присоединеніемъ къ себѣ Ордена Монтезы дополнить недостающее число вмѣсто Французскихъ языковъ. Но благоразумнѣйшіе изъ членовъ Совѣта склонили наконецъ прочихъ отвѣчать Императору, что Капитулъ, за отсутствіемъ своего великаго Магистра, и безъ согласія Папы, не можетъ ни на что рѣшиться въ толь важномъ дѣлѣ; — что онъ не преминетъ тотчасъ

увѣдомить обоихъ ихъ о требованіи Его Императорскаго Величества, и что великій Магистръ для сихъ же самыхъ переговоровъ и предпринялъ нынѣшнее свое путешествіе, и прибудетъ самъ въ Мадритъ. Къ великому же Магистру Совѣтъ отправилъ Коммандора Бозія съ извѣстіемъ какъ о семъ отвѣтѣ, такъ и о наложенномъ Императорскими Министрами на орденскія имѣнія секвестрѣ. Вильеръ де Лиль-Адамъ

Вильеръ отложилъ отвѣчать Совѣту до свиданія своего съ Императоромъ; и взявъ съ собою Бозіо, поѣхалъ въ Испанію съ принцессою, которой Король Англинской доставилъ пропускъ для свободнаго ея проѣзда. Какъ скоро Герцогиня прибыла въ Мадритъ, и Императоръ избавился отъ церемоній приличнаго ей пріема; то тотчасъ далъ особенную аудіен-

Вильеръ де Лиль-Адамъ

цію великому Магистру, который донесъ сперва ему о происходившемъ при осадѣ Родоса, о потеряхъ, которыя претерпѣлъ Орденъ, о плачевномъ положеніи всего сего корпуса; и видя, что Императоръ тронулся нѣсколько его повѣствованіемъ, слегка пожаловался ему на суровый поступокъ Министровъ его въ Италіи съ имѣніями орденскихъ Коммандорствъ: въ отвращеніе же намѣренія Императорова, какое имѣлъ онъ при отдачѣ Мальты, искусно представилъ ему: что хотя всѣ кавалеры суть природные подданные какого нибудь Государя; но Орденъ вообще, по званію своему, не зависитъ ни отъ котораго изъ нихъ особенно; что Французской кавалеръ не болѣе принадлежитъ Королю Французскому, какъ и его Императорскому Величеству; что единственный предметъ его Ордена есть

защищать равно всѣхъ Христіянъ отъ нападеній невѣрныхъ; что со времени существованія Ордена не видано еще, чтобы онъ бралъ сторону одного Христіянскаго Государя противъ другаго. Потомъ перешелъ къ дѣлу о Мальтѣ; и не касаясь тяжкихъ условій, на какихъ предлагалась уступка сего острова, объявилъ ему: что Орденъ давно бы воспользовался милостію Его Императорскаго Величества, естьлибъ не удержанъ былъ отъ того надеждою возвращенія себѣ паки Родоса; — что въ семъ дѣлѣ можнобъ было ожидать успѣха, естьлибъ недостатокъ въ деньгахъ для набору только трехъ, или четырехъ тысячь войска, и для доставленія тамошнимъ жителямъ оружія, отобраннаго у нихъ Турками, не удержалъ его отъ сего предпріятія. За симъ, испрося у Им-

Вильеръ де Лиль-Адамъ

Вильеръ де Лиль-Адамъ

ператора позволеніе, ввелЪ также вЪ аудіенц-залу и Коммандора Бозіо, которому велѣлЪ разсказать о всѣхЪ обстоятельствахЪ сего плана.

Присутствіе великаго Магистра и искусный оборотЪ рѣчей его такЪ подѣйствовали на Императора, что онЪ вошелЪ вЪ его виды: но прежде нежели рѣшился на что либо обязаться, совѣтовалЪ ему переговорить сЪ ГерцогомЪ Албою, искуснѣйшимЪ его ГенераломЪ, сказавЪ, что естьли сей ГенералЪ найдетЪ сей планЪ удобоисполнительнымЪ: то онЪ охотно дастЪ 25000 талеровЪ на исполненіе онаго, и желаетЪ, чтобы и другіе Христіянскіе Государи помогли также оному; естьлиже предпріятіе сіе найдено будетЪ неудобнымЪ, то ОрденЪ, вЪ разсужденіи своего мѣстопребыванія, можетЪ все еще надѣяться на

островЪ Мальту; и вЪ знакЪ сво- Вильеръ де Лиль-Адамъ
его благоволенія тотчасЪ велѣлЪ снять секвестрЪ со всѣхЪ Командорственныхъ имѣній. Великій МагистрЪ, зная, что Государи не любятЪ быть предЪ другими виноватыми, отблагодарилЪ за сіе Императора какЪ бы за новую полученную ОрденомЪ милость, и выходя отЪ него, испросилЪ позволеніе посѣтить плѣннаго Короля Французскаго.

Сей Государь содержанЪ былЪ болѣе какЪ государственный преступникЪ, нежели какЪ плѣнный Король. КарлЪ V. надѣялся суровыми сЪ нимЪ поступками скорѣе вымучить изЪ него непомѣрную сумму денегЪ за его выкупЪ. Сіи жестокости погрузили Короля вЪ мрачную меланхолію, за которою послѣдовала сильная болѣзнь. Прибытіе принцессы, сестры его, нѣжно имЪ любимой, произвело

Вильеръ де Лиль-Адамъ

вЪ немЪ первое движенiе радости со времени его несчастiя, и самое здоровье его отЪ того поправилось. Когда великiй МагистрЪ вошелЪ кЪ нему вЪ его темницу: то Король принялЪ его дружески, обнялЪ его, выхвалялЪ мужественное его защищенiе Родоса и велѣлЪ МинистрамЪ своимЪ, сопровождавшимЪ принцессу, сестру его, не вступать ни вЪ какiе переговоры сЪ Министрами Императорскими безЪ соучастiя вЪ оныхЪ Лиль-Адамова, который сдѣлался такимЪ образомЪ посредникомЪ между сими двумя государями. Достоинство его, благоразумiе и громкая его слава придавали важность всѣмЪ его представленiямЪ. Герцогиня сЪ своей стороны употребляла всѣ прелести красоты и разума для преодолѣнiя жестокости Императора: но сей Государь, занятый единственно

своею корыстью и чрезЪ заключеніе Короля Французскаго надѣявшійся скорѣе овладѣть частію Франціи, дѣлалЪ самыя неумѣренныя предложенія. За отреченіемЪ Короля отЪ правЪ на МиланЪ и Королевство Неаполитанское, и на Графства Фландрское и Артуа, сверьхЪ чрезвычайной суммы денегЪ, КарлЪ требовалЪ еще Герцогства Бургундскаго, чтобы вЪ состояніи быть, на случай новой войны, пройти сЪ оружіемЪ вЪ самое сердце Франціи и до самаго Парижа. Король, зная важность сей уступки, сЪ твердостію отвергнулЪ сіе требованіе; и чтобы показать Императору, что онЪ лучше захочетЪ отречься отЪ своей свободы, нежели потерять толь важную часть своихЪ владѣній, рѣшился разстаться и сЪ сестрою и лишить себя послѣдняго и единственнаго

Вильеръ де Лиль-Адамъ

Вильеръ де Лиль-Адамъ

утѣшенія. Онъ велѣлъ ей немедленно ѣхать обратно во Францію; и она принуждена была на то согласиться, получа тайно извѣстіе, что Императоръ искалъ только предлога, дабы задержать ее.

Карлъ V, хитрѣйшій Государь своего времени, ожидалъ только, чтобы минулъ срокъ данному ей паспорту, и для того нарочно тянулъ переговоры. Отъѣздъ Герцогини удивилъ его; и онъ разослалъ повелѣнія въ пограничные города Испаніи, чтобы тотчасъ, по минованіи срока ея паспорту, задержать ее на границѣ: но принцесса, провѣдавъ о семъ умыслѣ, въ одинъ денъ совершила тотъ путь, на который употребила прежде четыре дни при въѣздѣ въ Испанію; и такимъ образомъ Карлъ не успѣлъ въ своей хитрости.

Отъѣздъ сей принцессы не уменьшилъ усердія великаго Магистра и не ослабилъ старанія его о мирѣ. Онъ принялся за сіе дѣло съ такою ревностію и съ такимъ искусствомъ, что не смотря на всѣ трудности, противополагаемыя стараніямъ его высокомѣріемъ побѣдителя и гордостію побѣжденнаго, заключилъ наконецъ миръ между ними. Францъ I, видя, что не можетъ никоимъ образомъ сохранить своихъ областей, и зная, что условія, вынужденныя жестокостію, не могутъ быть дѣйствительны, протестовавъ тайно противъ сего насилія, подписалъ все, что ни было ему предложено: а великой Магистръ, обращавшій всегда бдительность свою на пользу Ордена, включилъ въ сей трактатъ обязательство какъ со стороны Императора, такъ и со стороны Короля Французскаго, что они не оспа-

Вильеръ де Лиль-Адамъ

Вильеръ де Лиль-Адамъ

вятъ стараться побудить Папу къ новому крестовому походу и пособствовать оному всѣми силами.

По подписаніи трактата Императоръ и Король видѣлись нѣсколько разъ между собою и оказывали другъ другу взаимно всякую вѣжливость, но внутренно остались навсегда непримиримыми врагами. Императоръ простеръ учтивость свою до того, что идучи однажды вмѣстѣ съ Королемъ, при входѣ въ двери, уступилъ шагъ ему и давалъ войти первому; но какъ Францъ не захотѣлъ взять надъ Императоромъ сего преимущества и взаимно отдавалъ ему оное; то изъ сего родился между ними споръ, и они оба просили великаго Магистра разобрать ихъ. *Я прошу Бога*, сказалъ тогда сей почтенный старецъ, *чтобы между Вашими Величествами не было только никакихъ другихъ споровъ: чтожъ*

касается до сего, продолжалъ онъ, оборотясь къ Королю Французскому, *то конечно, Государь, никто не будетъ спорить, чтобъ Императоръ не былъ первой Государь въ Христіянствѣ: но Вы, находясь въ его владѣніи и въ его домѣ, не должны, я думаю, отказываться отъ почести, которую Его Величество хочетъ оказать первому Королю въ Европѣ.* Столь хитрый оборотъ словъ понравился обоимъ Государямъ, особливо Императору, который такъ имъ былъ доволенъ, что съ тѣхъ поръ возъимѣлъ къ Лиль-Адаму такое уваженіе, что въ публичныхъ аудіенціяхъ, когда сидѣлъ самъ на тронѣ, сажалъ и его подъ однимъ балдахиномъ съ собою.

Вильеръ де Лиль-Адамъ

По совершеніи мирнаго трактата и по отъѣздѣ Франца I. во Францію, Вильеръ и самъ отправился въ Витербо: но прежде отъѣзда своего кончилъ еще происшед-

Вильеръ де Лиль-Адамъ

шій въ Португаліи между Королемъ и кавалерами раздоръ за великое Пріорство Крато. — Король, по смерти бывшаго Пріора, захотѣлъ отдать сіе Пріорство брату своему принцу Людовику: но кавалеры, удерживая права свои, объявили оное принадлежащимъ по старшинству кавалеру Гонзальву де Пиментелю, и не соглашались признать въ семъ достоинствѣ принца. Раздраженный тѣмъ Король грозилъ имъ всѣ орденскія имѣнія, въ королевствѣ его состоящія, взять въ казенное вѣдомство, подъ предлогомъ тѣмъ, что Орденъ, по потерѣ Родоса, остается теперь безъ дѣйствія и не исполняетъ своея цѣли; напротивъ того онъ, употребя сіи доходы на святую войну противъ Мавровъ, которые такіеже враги Христіянства, какъ и Турки, поступитъ согласнѣе съ предметомъ

Ордена. Великій Магистръ, опасаясь, чтобы сей примѣръ, сколь онъ ни неосноватеденъ, не поощрилъ и другихъ государей къ подобнымъ поступкамъ, за лучшее почелъ уступить въ семъ одномъ случаѣ, дабы предохранить себя впредь отъ многихъ подобныхъ. И такъ онъ утвердилъ принца великимъ Пріоромъ, а отъ Короля получилъ подтвержденіе всѣхъ правъ и привиллегій Ордена. Въ трактатѣ, между ними постановленномъ, включено было также условіе, что Король для преднамѣреваемаго похода противъ Родоса дастъ Ордену 15000 крусадовъ. Вильеръ де Лиль-Адамъ

Едва Вильеръ пріѣхалъ обратно во Францію, какъ получилъ новое извѣстіе, что и Король Англинской дѣлаетъ такіяже присвоенія на имѣнія Ордена и хочетъ секвестровать даже всѣ оныхъ доходы и принудить Англинскихъ кавале-

Вильеръ де Лиль-Адамъ

ровъ служить вмѣсто гарнизона въ Кале. Сія непріятная вѣсть огорчила крайне великаго Магистра, опасавшагося, чтобы сей примѣръ не разпространился между государями. Въ семъ случаѣ онъ прибѣгнулъ къ Королю Французскому, который вошелъ въ сіе дѣло и писалъ въ пользу Ордена къ Генриху VIII, Королю Английскому: но послы великаго Магистра, отправившіеся съ письмомъ Королевскимъ, приняты были очень сухо, и возвратились ничего не сдѣлавъ. Они открыли однакожъ одно обстоятельство, которое подавало еще надежду о успѣхѣ. Генрихъ VIII, почитая себя изъ первыхъ Государей въ Европѣ, обидѣлся тѣмъ, что великій Магистръ, посѣтя Императора и Короля Французскаго, не оказалъ ему тойже чести. Въ удовлетвореніе сего суетнаго любочестія, почтенный

старецЪ рѣшился ѣхать и вЪ Англію. Бозіо, отправленный имЪ вЪ ЛондонЪ сЪ предварительнымЪ о томЪ извѣстіемЪ, возвратился назадЪ сЪ лестнымЪ приглашеніемЪ, вЪ слѣдствіе котораго великій Магистрѣ немедленно отправился вЪ Англію. ГенрихЪ сдѣлалЪ ему пышную встрѣчу, принялЪ его сЪ особливою почестью и отвелЪ для житья ему комнаты вЪ своемЪ дворцѣ. О секвестрѣ орденскихЪ имѣній ни слова уже говорено не было, и скоро между ними подписанЪ былЪ трактатЪ, вЪ которомЪ Король не только подтвердилЪ всѣ привиллегіи Ордена, но обѣщалЪ еще 20000 талеровЪ на вспомоществованіе завоеванію Родоса.

Вильеръ де Лиль-Адамъ

ИтакЪ великій МагистрЪ, осыпанный почестьми отЪ знатнѣйшихЪ государей вЪ Европѣ, и радующійся о удачномЪ своемЪ ходатайствѣ

Вильеръ де Лиль-Адамъ

за права Ордена, возвращался назадъ съ надеждою на сильное подкрѣпленіе въ предпріятіи его противъ Родоса: но въ продолженіе сего странствованія его обстоятельства такъ перемѣнились, что онъ не могъ уже полагаться на помощь Климента. Союзъ, заключенный симъ Папою противъ Императора Карла V, подвергнулъ его самаго властолюбію сего страшнаго Монарха. Войски Императорскія вошли въ Римъ, и Папа принужденъ былъ бѣжать въ за́мокъ Ст. Анжело и просить перемирія: но, получа помощь отъ Короля Англинскаго, Климентъ паки поднялъ оружіе, и вторично былъ выгнанъ изъ Рима; опять бѣжалъ въ за́мокъ Ст. Анжело и принужденъ уже былъ сдаться на тягостныхъ условіяхъ, обязавшись заплатить Императору за причиненные военные убытки 400000

червонныхЪ: до выплаты же оныхЪ оставаться самЪ залогомЪ вЪ рукахЪ ИмператорскихЪ ГенераловЪ. СтоитЪ разсказать здѣсь комедію, которую при семЪ случаѣ сЪигралЪ ИмператорЪ. По полученіи перваго извѣстія, что Папа взятЪ вЪ плѣнЪ и содержится подЪ арестомЪ, КарлЪ V. надѣлЪ траурЪ и велѣлЪ по всей Испаніи отправлять молебствіе о спасеніи Папы, какЪ будто плѣненЪ онЪ былЪ Турками, или какимЪ другимЪ непріятелемЪ. При такихЪ обстоятельствахЪ великій МагистрЪ ясно видѣлЪ, что онЪ не можетЪ теперь помышлять ни о Мальтѣ, ни о экспедиціи противЪ Родоса, и рѣшился дожидаться лучшаго времени.

Вильеръ де Лиль-Адамъ

Между тѣмЪ Родосскій МитрополитЪ снова прислалЪ прозьбу кЪ великому Магистру, чтобЪ онЪ поспѣшилЪ предпріятіемЪ противЪ

Вильеръ де Лиль-Адамъ

сего острова. Бозіо, всегдашній его негоціаторъ, опять былъ туда посланъ, какъ для ободренія Митрополита къ нужному еще терпѣнію, такъ и для освидѣтельствованія настоящаго состоянія острова и расположеній знатнѣйшихъ его жителей: въ генеральномъ же Капитулѣ, держанномъ по сему случаю въ Витербо, положено было отправить также и къ Императору новое посольство съ прозьбою, чтобы благоволилъ уступить острова Мальту и Гоццо безъ условій: за что кавалеры обѣщались, въ память сего благотворенія, праздновать ежегодно день уступки и отправлять въ оный обѣдню за здравіе Его Величества; а въ знакъ своей признательности присылать всякой годъ къ Сицилійскому его Вицерою сокола.

Депутаты отправились въ Мадритъ съ симъ препорученіемъ; но

приняты были весьма холодно. Вильеръ де Лиль-Адамъ

Съ одной стороны связь великаго Магистра съ Папою, и подозрѣніе, что онъ — будучи природный Французъ — легко можетъ въ пользу своего отечества отворить всѣ гавани на островѣ Мальтѣ для Французскихъ флотовъ въ противность выгодамъ Императора, производили сомнѣніе въ Министрахъ Карла V: — съ другой Орденскіе депутаты, зная цѣль своего великаго Магистра, трактовали о семъ дѣлѣ не съ такимъ жаромъ, какой въ таковыхъ случаяхъ потребенъ. И такъ окончаніе сего дѣла оставлено было до всеобщаго мира, въ ожиданіи, что примиреніе всѣхъ сторонъ уничтожитъ сомнѣніе, или подастъ способъ къ счастливому предпріятію противъ Родоса, которое учинитъ ненужными всѣ сіи переговоры.

Вильеръ де Лиль-Адамъ

Но война продолжалась нѣсколько лѣтъ съ перемѣннымъ счастьемъ, и Бозіо возвратился изъ Родоса съ непріятными вѣстями. О намѣреваемомъ предпріятіи противъ Родоса сообщено было такъ многимъ, что оно не могло долго оставаться тайною. Султанъ взялъ подозрѣніе, смѣнилъ гарнизонъ, казнилъ многихъ Греческихъ и Магометанскихъ жителей, и Бозіо едва могъ избѣгнуть поисковъ новаго Губернатора.

На мѣсто сего рушившагося плана изобрѣтательный Бозіевъ умъ начерталъ другой въ разсужденіи города Модоны. Сей городъ, находящійся въ Мореѣ, съ 1124 по 1498 годъ принадлежалъ Венеціянамъ; но въ 1498 завоеванъ былъ Баязетомъ и съ тѣхъ поръ оставался во власти Турковъ. Лежитъ онъ въ землѣ плодоносной и обильной, съ двухъ сторонъ окруженъ

моремЪ, отЪ твердой земли отдѣленЪ рвомЪ, который можно еще расширить и углубить; гавань имѣетЪ прекрасную, пространную и защищенную каменьями вЪ морѣ. ОдинЪ Родосской житель, по имени ЛомелинЪ дель Кампо, подалЪ первую мысль и надежду кЪ овладѣнію симЪ островомЪ сЪ помощію двухЪ ТурковЪ, природныхЪ ХристіянЪ, раскаявавшихся вЪ своемЪ отпаденіи отЪ Христіянской вѣры и желавшихЪ загладить свой проступокЪ какою либо заслугою церкви. ОдинЪ изЪ нихЪ, по имени *КалоянЪ*, былЪ начальникомЪ гавани; другой называвшійся *Скандали*, былЪ таможенный приставЪ вЪ городѣ, и имѣлЪ вЪ своемЪ вѣдѣніи городскія ворота. Бозіо, едва получилЪ сію вѣсть, тотчасЪ поѣхалЪ самЪ туда, дабы увѣриться вЪ возможности сего плана чрезЪ личное свиданіе сЪ сими

Вильеръ де Лиль-Адамъ

двумя Турками, взявъ отъ Ломелина къ нимъ письма. Оба сіи Турецкіе начальника пріѣхали къ нему тайно на корабль ночью; и Бозіо, условясь съ ними о нужныхъ мѣрахъ, возвратился въ Италію съ похвалами какъ о мѣстоположеніи города и почвѣ земли, такъ и о расположеніи сихъ двухъ ренегатовъ, и съ великою увѣренностію о легкости предпріятія. Но великій Магистръ отложилъ исполненіе сего плана до того времени, когда Орденъ утвердится уже въ Мальтѣ,
1529 и въ семъ намѣреніи отправилъ Бозія въ Римъ просить Папу о ходатайствѣ у Императора.

Между тѣмъ миръ въ Италіи возстановился; и Карлъ V. въ концѣ сего года прибылъ въ Болонію и короновался отъ Папы Императоромъ. Климентъ, пользуясь симъ случаемъ, вошелъ въ переговоры о Мальтѣ и кончилъ оные

выгоднымЪ для Ордена образомЪ. Чрез посредничество его Марта 24, вЪ городкѣ Кастель-Франко, заключенЪ и подписанЪ былЪ трактатЪ, вЪ которомЪ ИмператорЪ объявлялЪ: что *вЪ уваженіе многихЪ „важныхЪ заслугЪ, оказанныхЪ ОрденомЪ Христіянству вЪ теченіи многихЪ столѣтій, и вЪ твердой увѣренности, что ОрденЪ и впредь будетЪ пещися о защищеніи вѣры, ОнЪ „уступаетЪ и отдаетЪ оному именемЪ своимЪ и своихЪ наслѣдниковЪ „и преемниковЪ на вѣчныя времена „острова Мальту и Гоццо и городЪ „Триполь сЪ замками и крѣпостями „ихЪ, со всѣми землями и владѣніями вѣдомства ихЪ, со всѣми правами и привиллегіями, сЪ правомЪ на „жизнь и смерть, сЪ доходами и преимуществами, подЪ тѣмЪ токмо „условіемЪ, что великій МагистрЪ и „Кавалеры будутЪ почитать сіи владѣнія за ленныя короны Сицилій-*

Вильерь де Лиль-Адамъ

Вилье́ръ де Лиль-Адамъ

„ской, не обязуясь впрочемъ ни къ какой другой повинности, кромѣ той „токмо, чтобы всякой годъ, въ день „всѣхъ Святыхъ, присылать сокола, и „при упразднеціи Епископскаго пре„стола въ Мальтѣ представлять на „утвержденіе трехъ кандидатовъ, изъ „которыхъ Онъ и его наслѣдники воль„ны избрать кого похотятъ, съ тѣмъ, „что избранный получитъ большой „крестъ Орденской и съ онымъ право „засѣдать въ Совѣтѣ.„

По полученіи сей грамоты великій Магистръ съ Совѣтомъ отправили къ Императору двухъ старшихъ Коммандоровъ для принесенія благодарности Его Величеству за даръ его; и сообща копію съ трактата сего Папѣ, просили Его Святѣйшество, чтобы и онъ, какъ верьховный глава Ордена, утвердилъ договоръ сей также своимъ подписаніемъ. Папа съ удовольствіемъ то исполнилъ;

и чтобы болѣе придать важности сему акту, издалъ особую буллу объ ономъ отъ 25 Апрѣля. За симъ Орденъ отправилъ двухъ пословъ къ Вицерою Сицилійскому для учиненія присяги: по исполненіи чего они получили отъ него именемъ Императора инвеституру на владѣніе сими мѣстами. Потомъ отъ Императора назначены были шесть комисаровъ, которые отправились съ сими послами въ Мальту, Гоццо и Триполь для введенія ихъ во владѣніе оныхъ: уполномоченные же отъ Ордена дали имъ присягу отъ имени великаго Магистра и Совѣта въ сохраненіи жителямъ обычаевъ, правъ и привиллегій ихъ.

Вильеръ де Лиль-Адамъ

Великій Магистръ съ Совѣтомъ прибыли потомъ въ Сарагоссу въ Сициліи, дабы оттуда удобнѣе переѣхать въ Мальту, и отправили туда работниковъ и матеріаловъ

Вильеръ де Лиль-Адамъ

для починки и изготовленія за́мка къ будущему ихъ пребыванію: также послали туда порохъ и аммуницію. Но когда дошло до снабженія сего острова хлѣбомъ: то встрѣтились новыя затрудненія. Вицерой Сицилійской требовалъ, чтобы они платили пошлину за вывозимый хлѣбъ; а начальникъ надъ монетнымъ департаментомъ объявилъ, что Императоръ не потерпитъ, чтобы въ Мальтѣ били другую какую монету, кромѣ его, и съ его штемпелемъ, и притомъ подъ смотреніемъ его токмо офицеровъ. Великій Магистръ и Совѣтъ, зная, что хлѣбъ привозимъ былъ прежде изъ Сициліи въ Мальту безпошлинно, почли сіе требованіе за родъ подати, которую съ нихъ собирать хотѣли. Равно и запрещеніе бить монету — право, принадлежащее всякому владѣльцу невозбранно — казалось имъ поку-

шеніемЪ на ихЪ вольность и свободу, и они боялись, чтобы впредь не подвергнуться еще бо́льшимЪ утѣсненіямЪ. Вильерт де Лиль-Адамъ

Сіе опасеніе столько превожило кавалеровЪ, что нѣкоторые изЪ нихЪ подали даже мнѣніе, чтобы совсѣмЪ отказаться отЪ Мальты; потому что сей островЪ самый пустой и безплодной, и что они помрутЪ сЪ голоду на ономЪ; что такой дарЪ не стоитЪ и того пергамента, на которомЪ трактатЪ написанЪ, и что при толь страшной силѣ Карла V. они не безопасны отЪ его притѣсненій и впредь: но великій МагистрЪ и СовѣтЪ удержали ихЪ запальчивость и рѣшились о сихЪ затруднительныхЪ обстоятельствахЪ объясниться сЪ самимЪ ИмператоромЪ.

Отправлены были опять вЪ МадритЪ два кавалера; но какЪ ни

Вилверъ де Лиль-Адамъ

искусно вели они свою негоціацію, при всемъ томъ успѣли такъ мало, что Императоръ еще увеличилъ свои требованія. Великій Магистръ прибѣгнулъ снова къ Папѣ и просилъ его заступленія. Папа отправилъ отъ себя посломъ къ Императору Пріора Салвіати, племянника своего; и его уже посредствомъ Императоръ убѣжденъ былъ уступить и сіи два спорные пункта.

И такъ оставалось Ордену переселиться только въ новую свою резиденцію. Тотчасъ снаряжены были пять галеръ, двѣ большія караки и разныя транспортныя суда, на которыхъ великій Магистръ съ Родосскою своею колоніею отправился въ Мальту. У самыхъ береговъ ея сія флотилія пре-

26 Октяб: терпѣла жестокую бурю. Одну галеру разбило, одна карака считалась также уже пропадшею;

ибо при самомъ входѣ въ гавань сильнымъ порывомъ вѣтра посажена она была на мель, съ которой никакъ не могли стащить ея: но вдругъ подулъ противный вѣтръ, и поднявъ волнами судно, ссадилъ оное безъ всякаго вреда съ мели, послѣ чего карака благополучно вошла въ гавань. Изъ сего приключенія сдѣлано было такое заключеніе: что небо хотѣло симъ означить судьбу Ордена; — что онъ по претерпѣніи многихъ бурь, или несчастій, наконецъ благополучно утвердится въ островѣ Мальтѣ. Вильеръ де Лиль-Адамъ

Сею эпохою, принесшею Родосскимъ кавалерамъ новое наименованіе *Кавалеровъ Мальтійскихъ*, начнемъ мы слѣдующую часть нашей Исторіи, присовокупя только къ сей третьей части грамату Карла V. на уступку кавалерамъ сихъ острововъ, и ихъ въ томъ присягу.

ЖАЛОВАННАЯ ГРАМАТА ИМПЕРАТОРА КАРЛА V.

Ордену

Св: ІОАННА ІЕРУСАЛИМСКАГО

на владѣніе

ОСТРОВА МАЛЬТЫ.

Божіею милостію Мы Карлъ V. Императоръ Римской, всегда августѣйшій; Іоанна, мать его, и оныйже Карлъ Божіею милостію Король и Королева Кастильскіе, Аррагонскіе, обѣихъ Сицилій, Іерусалимскіе, Леонскіе, Наварскіе, Гренадскіе, Толедскіе, Валенцскіе, Галлицскіе, Маіоркскіе, Се-

вильскіе, Сардинскіе, Кордуанскіе, Корсиканскіе, Минорkскіе, Геэнскіе, Алгарвскіе, Алжирскіе, Гибральтарскіе; острововЪ КанарскихЪ, ИндійскихЪ, твердой земли и Океана; ЭрцгерцогЪ Австрійской, ГерцогЪ Бургундской, Брабантской и пр. ГерцогЪ Аѳинской, Неопатрійской, ГрафЪ Русильйонской и Серданской, МаркизЪ Орипонской и Гочіанской. БлагороднымЪ РыцарямЪ св. Іоанна Іерусалимскаго Наше благоволеніе и дружелюбіе.

ВЪ поправленіе и возстановленіе монастыря, гостинницы и Ордена св: Іоанна Іерусалимскаго, и дабы по-

чтеннѣйшій великій Магистръ и возлюбленные сыны Наши Пріоры, Балги, Коммандоры и Кавалеры помянутаго Ордена, по потерѣ Родоса, бывъ выгнаны изъ онаго силою Турецкою послѣ страшной осады, и нынѣ странствуя многіе годы, могли утвердить постоянно себѣ жилище, спокойно отправлять службу званія своего на общую пользу Христіянской республики, и употреблять силы свои и оружіе противу вѣроломныхъ враговъ святыя вѣры, изъ особеннаго Нашего благоволенія къ сему Ордену возхотѣли Мы доброволбно дать имъ убѣжище, гдѣ бы они могли обрѣсть постоянное себѣ пребываніе и не были бы принуждены скитаться изъ одной страны въ другую.

Того ради силою и властію настоящей граматы Нашей, съ вѣдома Нашего и съ Нашей Королевской воли данной, по зрѣломъ разсужденіи и по собственному Нашему побужденію,

уступили Мы и добровольно даровали, за Себя и за Своихъ преемниковъ и наслѣдниковъ Королевствъ Нашихъ, на вѣчныя времена, помянутому честнѣйшему великому Магистру того Ордена и помянутому Ордену св. Іоанна Іерусалимскаго въ ленное благородное, вольное и свободное владѣніе городъ Триполь и острова Мальту и Гоццо съ замками, мѣстечками и со всѣми землями вѣдомства ихъ, со всѣми правами собственности, господствія и владычества во отправленіи верьховнаго суда, съ правомъ жизни и смерти надъ жителями мужеска и женска пола, нынѣ обитающими, или кои впредь обитать тамъ будутъ, на вѣчныя времена, какого бы чина, званія и состоянія они ни были, со всѣми прочими обстоятельствами, принадлежностями, изъятіями, привиллегіями, доходами и другими правами и вольностями.

Съ условіемъ однакожъ, чтобы они

и впредь признавали сіи владѣнія за ленныя Короны Нашей Сицилійской, и преемниковъ Нашихъ въ семъ Королевствѣ, сколько оныхъ будетъ, не обязуясь ни къ какой другой повинности, кромѣ присылки въ день всѣхъ Святыхъ сокола, котораго должны они чрезъ повѣренныхъ своихъ съ добрымъ препоручительствомъ представлять ежегодно Вицерою, или Президенту, или кто тогда управлять симъ Королевствомъ будетъ, въ знакъ признанія ихъ сихъ островов за ленные Наши. По учиненіи чего они пребудутъ свободны отъ всякой Намъ службы военной и другой, какою ленные владѣльцы повинны главнымъ владѣтелямъ. Съ условіемъ также, чтобы при каждой перемѣнѣ Короля, они присылали пословъ къ преемнику его, для требованія и полученія отъ него на помянутые острова инвеституры, какъ-то обычай есть въ таковыхъ случаяхъ.

Тотъ, кто будетъ тогда великимъ Магистромъ, обязанъ также при полученіи инвеституры дать отъ своего имени и отъ имени всего Ордена присягу въ томъ, что они не попустятъ въ помянутыхъ городахъ, замкахъ, мѣстечкахъ и островахъ приключиться какому либо вреду, ущербу, или оскорбленію Насъ, Нашихъ владѣній, королевствъ и государствъ, ни Нашихъ и преемниковъ Нашихъ подданныхъ, какъ на морѣ, такъ и на сухомъ пути. Напротивъ того будутъ подавать помощь противу всѣхъ, кто бы причинилъ, или кто бы захотѣлъ причинить имъ вредъ. Естьли же кто изъ подданныхъ Королевства Сицилійскаго убѣжитъ на который либо изъ помянутыхъ жалуемыхъ острововъ: то по первому требованію Вицероя, Президента, или перваго гражданскаго чиновника того Королевства должны они выслать такихъ бѣглецовъ; а тѣхъ, кои обвиняемы

будутъ въ оскорбленіи Величества, или въ преступленіяхъ еретическихъ, выдать по требованію Вицероя въ его руки.

Сверьхъ сего соизволяемъ Мы, чтобы право постановленія въ Мальтійскіе Епископы оставалось, какъ и нынѣ, на вѣчныя времена принадлежащимъ наслѣдникамъ Нашимъ въ Королевствѣ Сицилійскомъ, такъ что по смерти Преосвященнаго Балтазара Валткирхена, Имперскаго Канцлера, постановленнаго Нами на помянутое Епископство, или въ другихъ случаяхъ опорожненія сего Епископскаго престола впредь, великій Магистръ и братія помянутаго Ордена должны представить Вицерою Сицилійскому трехъ способныхъ и достойныхъ сего званія кандидатовъ, изъ коихъ по крайней мѣрѣ одинъ долженъ быть изъ подданныхъ Нашихъ, или наслѣдниковъ Нашихъ, изъ которыхъ Мы, и наслѣдники Наши послѣ Насъ, дол-

жны избрать одного, который, по избранїи и постановленїи его и по принятїи помянутаго Епископства, долженъ получить отъ великаго Магистра большой крестъ и право засѣдать во всѣхъ Совѣтахъ, какъ Прїоры и Балви.

Чтобы Адмиралъ Орденской былъ изъ языка и народа Италїянскаго, и чтобъ въ отсутствїе его коммандующїй вмѣсто его былъ изъ тогоже языка и народа, или по крайней мѣрѣ способный къ сей должности и никому неподозрительный; чтобы всѣ предъидущїе пункты обращены были въ законы и непремѣнные уставы Ордена по обычаю съ одобренїя и утвержденїя Папы и св: Престола; и чтобы великїй Магистръ Ордена, какъ нынѣшнїй, такъ и впредь будущїе его преемники, торжественно присягали въ точномъ наблюденїи сихъ пунктовъ, кои на вѣчныя времена должны хранится въ семъ Орденѣ.

Когда Орденъ, естьли то Богу

угодно будетъ, возвратитъ себѣ островъ Родосъ, и по сей, или другой причинѣ долженъ будетъ оставить сіи острова и мѣстечки, для преселенія своего инуды: то онъ не можетъ отдать или сдѣлать передачу сихъ острововъ и мѣстечекъ никому безъ особеннаго согласія и дозволенія того владѣтеля, отъ котораго онъ имѣетъ оныя, яко ленное владѣніе; и естьлибъ онъ то учинилъ безъ его согласія: то помянутые острова и мѣстечки должны возвратиться къ Намъ, или преемникамъ Нашимъ. — Орденъ можетъ пользоваться въ продолженіе трехъ лѣтъ артиллеріею и военною аммуниціею, нынѣ въ замкѣ Трипольскомъ находящимися, на такомъ условіи, что онъ сдѣлаетъ всему опись и объявитъ, что имѣетъ оныя для защиты токмо сего города и подъ образомъ ссуды, обязуясь по истеченіи трехъ лѣтъ возвратить оныя обратно, развѣ Мы по благоволенію

Нашему и изъ особенной милости за благо признаемъ продлить срокъ сей.

Напослѣдокъ всѣ жалованья Наши и милости, дарованныя Нами какимъ либо людямъ въ тѣхъ мѣстахъ на время, или въ вѣчное и потомственное владѣніе, въ награду за какую либо услугу, или по какой другой причинѣ, останутся непремѣнны и ненарушимы, развѣ великій Магистръ и Орденъ за полезное усмотрятъ учредить въ томъ какую перемѣну; и тогда должны они замѣнить законнымъ владѣльцамъ владѣемое или другимъ чѣмъ либо равнаго достоинства. А для избѣжанія всякихъ споровъ соизволяемъ Мы, чтобы въ таковыхъ случаяхъ избирались два посредника, одинъ бы избранъ былъ Нашимъ Вицероемъ Сицилійскимъ, другой великимъ Магистромъ, которые, по выслушаніи обѣихъ сторонъ, будутъ имѣть полную мочь рѣшить споръ. Естьлиже сіи

посредники не согласятся между собою, то обѣ стороны изберутъ третьяго для окончателнаго рѣшенія; до сегоже окончателнаго рѣшенія владѣльцы помянутыхъ даровъ Нашихъ, доходовъ, достоинствъ и почестей, будутъ спокойно пользоваться оными.

Подъ сими токмо выше изъясненными и опредѣленными условіями, а не инако, уступаемъ Мы и отдаемъ помянутые острова и мѣстечки въ ленное владѣніе великому Магистру и Ордену, самымъ выгоднѣйшимъ и торжественнѣйшимъ образомъ, какъ только представить можно; и соизволяемъ, чтобы они имѣли оныя, владѣли оными и пользовались всѣми правами власти безпрепятственно на вѣчныя времена. И тако Мы отдаемъ, уступаемъ и вручаемъ великому Магистру и Ордену на помянутыхъ условіяхъ всѣ принадлежности, наименованія, права имѣнія и лица въ томже образѣ, въ какомъ Мы донынѣ вла-

дѣли оными безъ всякаго прекословія.

Соизволяемъ наконецъ, чтобы они могли предъявлять уступаемыя Нами принадлежности и права во всякихъ дѣлахъ, въ прозьбахъ и отвѣтахъ, въ судѣ и не въ судѣ, такъ какъ Мы то дѣлали, поставляя ихъ совершенно на мѣсто Наше, не оставляя Себѣ, ни преемникамъ Нашимъ ничего, кромѣ права лены.

На сей конецъ симъ повелѣваемъ и силою власти Нашей предписуемъ всякимъ людямъ обоего пола, какого бы званія и состоянія они ни были, нынѣ въ помянутыхъ городахъ, островахъ, земляхъ и замкахъ обитающимъ, или впредь обитать имѣющимъ, признавать онаго великаго Магистра и Орденъ св: Іоанна Іерусалимскаго за точныхъ и полновластныхъ своихъ Государей, за законныхъ владѣтелей помянутыхъ острововъ, городовъ и замковъ, и по сему оказывать имъ всякое повиновеніе, каковымъ вѣрныя

подданные обязаны своему Государю, такъ какъ и давать присягу въ вѣрности, по обычаю въ таковыхъ случаяхъ. И для того какъ скоро они учинятъ Ордену присягу въ вѣрности: то Мы чрезъ сіе освобождаемъ ихъ отъ присяги, данной Намъ и отъ ихъ повинности Намъ и Нашимъ преемникамъ въ Королевствѣ Сициліи, кромѣ присяги въ вѣрности, должной Намъ отъ пріемлющихъ отъ Насъ сіи владѣнія въ лену.

Сего ради объявляемъ Мы Пресвѣтлѣйшему Принцу Австрійскому, возлюбленному старшему сыну Нашему, долженствующему, ежели Богъ благоволитъ, быть преемникомъ и наслѣдникомъ всѣхъ Нашихъ Королевствъ, въ случаѣ смерти Нашей, (отъ чего Боже сохрани) дая ему отеческое Наше благословеніе, что таково есть истинное Наше соизволеніе. Повелѣваемъ сверьхъ того, и силою власти и могущества

Нашего предписываемъ всѣмъ Нашимъ именитымъ, благороднымъ, вѣрнымъ и любезнымъ Совѣтникамъ, Вицерою и Генералъ-Капитану дальней Сицилїи, великому Юстицїарїю и его намѣстнику, всѣмъ судебнымъ мѣстамъ Королевства Нашего, Казнохранителямъ и Интендантамъ, Казначею, Блюстителю Королевскаго наслѣдїя Нашего, Фискалу, всѣмъ Комендантамъ крѣпостей, начальникамъ надъ портами, Секретарямъ и вообще всѣмъ Нашимъ чиновникамъ и подданнымъ помянутаго Королевства Нашего, и особенно помянутыхъ островововъ и города и замка Триполя, настоящимъ и впредь будущимъ, повиноваться сей доброволной жалованной и поступной Нашей граматѣ во всѣхъ ея пунктахъ подъ опасенїемъ гнѣва Нашего и подъ штрафомъ десяти тысячь унцїй серебра въ казну Нашу.

Паче же уполномочиваемъ Вицероя Нашего отправиться лично въ поми-

нутыя мѣста, или отправить туда одного, или нѣсколькихъ комисаровъ, какъ-то онъ учинить за благо разсудитъ по власти, даруемой ему Нами силою сея граматы Нашей, для исполненія всего содержащагося въ оной и учрежденія всего, что нужно будетъ на пользу помянутаго великаго Магистра и Ордена, дабы ввесть ихъ въ дѣйствителное владѣніе всего вышеписаннаго; даруя ему на сей конецъ потребную въ таковыхъ случаяхъ мочь, для опорожненія и немедленной сдачи мѣстъ оныхъ великому Магистру и Ордену, или повѣреннымъ ихъ; и по введеніи ихъ во владѣніе оныхъ, для утвержденія ихъ въ оныхъ и покровителствованія ихъ, и для доставленія имъ отчета во всѣхъ произведеніяхъ, приходахъ и податяхъ и во всѣхъ другихъ правахъ, Нами имъ уступаемыхъ и даруемыхъ вышереченнымъ образомъ въ вѣчное ленное владѣніе.

Для лучшагоже и удобнѣйшаго исполненія всего вышесказаннаго симъ объявляемъ, что Мы опровергаемъ, поколику то нужно будетъ, всѣ недостатки формальныхъ обрядовъ, упущенія и пропуски, какіе въ сей Нашей граматѣ повстрѣчатьса моглибы, и хотимъ, чтобы оная исполнена была, не взирая ни на какія противорѣчія, какія бы можно было предположить, и которыя Мы опровергаемъ полною Нашею силою и властію Королевскою. Въ увѣреніежъ и во свидѣтельство сего Мы сію граматy дать и обыкновенною печатью Королевства Нашего нижней Сициліи укрѣпить повелѣли. Дана въ Кастель-Франко 24 Марта. Индикта III. въ лѣто отъ Рождества Христова 1530. Императорскаго избранія Нашего 10е; царствованіяже Нашего въ Королевствахъ Кастильскомъ, Леонскомъ и другихъ, 27е.

Карлъ.

АКТЪ ПРИСЯГИ,

учиненной

Послами Мальтійскими Вицерою Сицилійскому

29 Маія 1530 года.

Мы братъ Гугонъ де Капонъ, знаменоносецъ и Генералъ-Капитанъ надъ галерами святаго Ордена Іерусалимскаго, и братъ Іоаннъ Вонифатій, Бальи Моноастской и Генералъ-Казначей помянутаго Ордена, Повѣренные и Послы пресвѣтлѣйшаго и всечестнѣйшаго Господина брата Филиппа Вильера де Лиль-Адама, великаго Магистра священнаго дому Гостинницы св: Іоанна Іерусалимскаго и всего Орденскаго Капитула, какъ за него, такъ и за всѣхъ преемниковъ достоинства его, за весь Орденъ и за самихъ себя.

рая вселяла въ нихъ храбрость, мужество, постоянство, удивлявшія вселенную и возбудившія имъ завистниковъ и враговъ между самыми имъ соплеменными.

Задернемъ завѣсу надъ неистовою злобою безчеловѣчнаго Филиппа и надъ корыстною жестокостію слабодушнаго Папы. Мы видѣли причины гоненія Филиппова, и видѣли причины слѣпаго угожденія ему Климента; оставимъ суду Вышняго опредѣлить воздаяніе по дѣламъ каждому, какъ и сами рыцари Его святому суду то предоставили. Скажемъ только въ заключеніе нашего повѣствованія: что самыя тѣ, приведенныя нами, свойства сихъ двухъ Орденовъ кажутся намъ причиною того, что одинъ изъ нихъ, при всѣхъ своихъ превратностяхъ и преобразованіяхъ, пережилъ столько вѣковъ, и понынѣ существуетъ: другой, и по истре-

бленіи его почти во всѣхъ земляхъ Христіянскихъ, сохранилъ къ себѣ почтеніе и въ самыя новѣйшія времена у людей постигающихъ внутреннюю цѣль его: о чемъ повѣствовать не есть наше дѣло. Конецъ же сего Ордена и появленіе въ новомъ наружномъ блескѣ Ордена Іоанновскаго составляетъ такую эпоху въ исторіи сего послѣдняго, что мы намѣрены начать оною третью часть нашей исторіи, заключа симъ вторую.

Конецъ второй части.